

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени М.В. ЛОМОНОСОВА

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

**ВОПРОСЫ
ИБЕРО-РОМАНИСТИКИ**

Сборник статей

К юбилею португалистики в МГУ

Выпуск 15

Москва

2016

УДК 811–134
ББК 81.2
В 74

*Печатается по постановлению редакционно-издательского совета
филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова*

Под редакцией *Ю.Л. Оболенской*
Технический редактор: *М.С. Снеткова*
Составитель: *Д.Л. Гуревич*

Рецензенты:
доктор филологических наук *И.Н. Кузнецова*,
кандидат филологических наук *А.А. Горенко*

Издание осуществлено при поддержке Института Камозэнса
и Посольства Португалии в России

Вопросы иберо-романистики. Выпуск 15: Сборник статей. – М.: МАКС Пресс, 2016. –

В настоящем сборнике опубликованы доклады и сообщения международной научной конференции «Юбилей португалистики в МГУ имени М.В. Ломоносова», организованной кафедрой иберо-романского языкознания филологического факультета МГУ 22–23 октября 2015 г. Статьи охватывают широкую проблематику в области португальского языка, истории, литературы и культуры стран португальской речи.

Для широкого круга филологов-романистов, а также журналистов, историков, философов, культурологов.

Статьи печатаются в авторской редакции.

УДК 811–134
ББК 81.2

ISBN

© Филологический факультет
МГУ имени М.В. Ломоносова, 2016
© Авторы статей, 2016

Содержание

<i>М. Годиньо де Матуш</i> Вступительное слово	7
<i>Ю.Л. Оболенская</i> Португалистика в МГУ имени М.В. Ломоносова: история и современное состояние	8
<i>С.В. Архипов</i> Словообразование в португальском языке XVI в. с точки зрения Ф. де Оливейры: на примере слов, содержащих компоненты -aigo / -aigo / -eigo	13
<i>М. Годиньо де Матуш</i> Дипломатические отношения между Португалией и Россией	18
<i>О.Л. Гренадерова</i> Семантика и концептуальные особенности цветообозначений в португальском языке	20
<i>Д.Л. Гуревич</i> Бразильский вариант португальского языка: параметры языкового варьирования	34
<i>З.Б. Долгих</i> О некоторых средствах репрезентации категории градуальности в португальском языке	41
<i>П.Э. Егизарян</i> Сравнительный анализ дейктических средств итальянского и португальского языков на материале переводов романа М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита»	49
<i>К.А. Елохин</i> Визуализация участников процессий Corpus Christi в Лиссабоне в первой половине XVI в.	58
<i>Л.И. Жолудева</i> К вопросу о португало-итальянских культурных связях в эпоху Возрождения: Мигел да Силва, кардинал Визеу, и его итальянские собеседники	69

<i>М.В. Зеликов</i> К этимологии ainda	77
<i>М.А. Косарик</i> Юбилейные размышления	80
<i>Н.Г. Мед</i> Национально-культурное своеобразие бразильских фразеологизмов	92
<i>Ж.К. Мендонса Жоау</i> Рассуждения на тему звуковой среды Португалии	100
<i>Е.С. Николаева</i> Расширение сферы функционирования формы Futuro do Conjuntivo в современном португальском языке	108
<i>Е.В. Огнева</i> К. Кастело Бранко: художественная иллюстрация к «коимбрскому спору»	113
<i>Л.С. Окунева, О.В. Окунева</i> Не только перевод: о русском издании книги Бориса Фаусту «Краткая история Бразилии»	124
<i>О.А. Сапрыкина</i> Социолингвистический профиль Анголы	142
<i>И.А. Силкина</i> Сравнительно-сопоставительный анализ лексики со значением «земля» в португальском, английском и русском языках	148
<i>М.С. Снеткова</i> Галисия и Португалия – единый народ?	158
<i>О.А. Шеришуква</i> О специфике выражения грамматического числа в португальском языке: узуальное vs. окказиональное	169

Índice

<i>M. Godinho de Matos</i> Prefácio	7
<i>Iu. Obolenskaia</i> Estudos portugueses na Universidade Estatal de Moscovo Lomonossov: história e actualidade	8
<i>S. Arkhipov</i> Derivação na língua portuguesa do século XVI segundo F. de Oliveira (palavras em -ario / -airo / -eiro)	13
<i>M. Godinho de Matos</i> Relações Diplomáticas entre Portugal e a Rússia	18
<i>O. Grenaderova</i> Semântica e especificidades conceituais da designação de cores em português	20
<i>D. Gurevich</i> Português brasileiro: parâmetros de variação linguística	34
<i>Z. Dolguikh</i> Sobre alguns meios de representação de categoria de gradualidade em português	41
<i>P. Eguizarian</i> Análise comparativa dos dêiticos nas línguas italiana e portuguesa com base de traduções de M. Bulgakov “Margarita e o Mestre”	49
<i>K. Elokhin</i> Visualização dos participantes das procissões de Corpus Christi em Lisboa na primeira metade do século XVI	58
<i>L. Zholudeva</i> Sobre as ligações culturais entre a Itália e Portugal na época do Renascimento: Miguel da Silva, Cardeal de Viseu e os seus interlocutores italianos	69
<i>M. Zelikov</i> Sobre a etimologia de «ainda»	77

<i>M. Kossarik</i>	
Pensamentos de aniversário	80
<i>N. Med</i>	
A especificidade nacional-cultural dos fraseologismos brasileiros	92
<i>J. C. Mendonça João</i>	
Considerações sobre o tema do espaço sonoro de Portugal	100
<i>E. Nikolaeva</i>	
Alargamento da área do eprego do Futuro do Conjuntivo em português moderno	108
<i>E. Ogneva</i>	
C. Castelo Branco: a ilustração novelesca à “Questão Coimbrã”	113
<i>L. Okuneva, O. Okuneva</i>	
Não só a tradução: sobre a edição russa do livro de Boris Fausto «História concisa do Brasil»	124
<i>O. Saprykina</i>	
Perfil sociolinguístico de Angola	142
<i>I. Silkina</i>	
Análise comparativa das palavras com significado «terra» em português, inglês e russo	148
<i>M. Snetkova</i>	
Galiza e Portugal: uma só nação?	158
<i>O. Shershukova</i>	
Sobre os traços específicos da expressão do número gramatical em português: usual vs. ocasional	169

*M. Godinho de Matos
Embaixador de Portugal em Moscovo*

Prefácio

Começo por agradecer aos promotores da iniciativa da publicação das “Actas das Leituras Camonianas” lançadas para comemorar o 40º aniversário da introdução do ensino da língua portuguesa na MGU: Professoras Marina Kossarik; Yulia Obolenskaya; Olga Saprykina; Ekaterina Elenskaya; e Professor Dmitriy Gurevitch.

Ao longo destes 40 anos em que se registaram mudanças de relevo quer nos países em que a língua oficial é o português, quer na Rússia, quer no Mundo inteiro, foi possível dar continuidade a este projecto ambicioso que tem a ver com a divulgação de uma língua falada por cerca de 250 milhões de pessoas espalhadas pelos cinco continentes. Tal ficou a dever-se ao empenho das autoridades dos países envolvidos, tendo culminado com a abertura da Cátedra Camões na MGU, no ano de 1995.

Muitas têm sido as iniciativas desenvolvidas de então para cá, paralelamente ao ensino da língua, de que destacaria a deslocação de estudiosos e escritores oriundos dos nossos países bem como a participação de grupos de alunos em iniciativas culturais no exterior.

Constituiu para mim um enorme prazer ter tido a possibilidade de participar, com o Embaixador do Brasil e com uma representante da Embaixada da Guiné-Bissau, na sessão inaugural desta iniciativa que muito prestigiou o papel da língua portuguesa pelos quatro cantos do Mundo. Deixo uma palavra de encorajamento para que continuem a vossa muito digna e relevante actividade de dar a conhecer às futuras gerações russas a língua e a cultura dos países de língua oficial portuguesa.

Bem hajam pela iniciativa.

Ю.Л. Оболенская
заведующая кафедрой иберо-романского языкознания
филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

**Португалистика в МГУ имени М.В. Ломоносова:
история и современное состояние**

2015 г. стал юбилейным годом для важнейшего направления научной и педагогической деятельности кафедры иберо-романского языкознания – годом лузитанистики, этот праздник и приуроченная к нему юбилейная конференция объединили коллег и выпускников кафедры, сегодня работающих практически во всех крупнейших московских центрах преподавания и изучения португальского языка и культуры. Собственно годом создания португальского отделения на нашем факультете стал 1974, а двадцатью годами позже – в 1995 г. на факультете по инициативе М.А. Косарик и поддержке декана факультета М.Л. Ремневой был создан Центр Камознса, тогда же была проведена первая научная конференция российских португалистов. Поэтому юбилейная конференция стала завершением целого года празднования важных для университетской португалистики событий.

Рассказ об истории португальского отделения следует начать с того, кто стал первым исследователем в области португалистики в Московском университете, а был этим исследователем его основатель – Михайло Васильевич Ломоносов, который проявлял большой интерес к сопоставительному изучению языков и литературным памятникам Пиренейского полуострова. Сохранились его рукописные заметки с упоминаниями испанских и португальских авторов, а неоднократные ссылки на эпическую поэзию Камознса свидетельствовали о знакомстве Ломоносова с его бессмертным творением – поэмой «Лузиады». В своем знаменитом «Руководстве красноречия» М.В. Ломоносов трижды приводит примеры из «Лузиад», называя автора Камуэнсом, а его творение – эпопеей и цитирует строки поэмы в качестве образцов высокого стиля и вершин риторического искусства, причем португальского языка Ломоносов по-видимому не знал, и многие исследователи полагают, что он читал *португальского Гомера* во французском переводе.

Изучение и преподавание португальского языка в Московском университете началось значительно позднее, хотя интерес к португальской литературе и культуре сохранялся постоянно, а курсы зарубежной литературы обязательно затрагивали творчество Камознса. В XIX в. чтение и комментирование памятников художественной словесности на

португальском языке, как правило, проводились на кафедре западных литератур.

Однако лишь спустя два века в 60-е годы века XX на факультете очень недолго вела факультатив по изучению португальского языка Е.М. Вольф, а затем М.А. Косарик. Но уже в 1973 году в штат факультета принят первый преподаватель португальского языка В.А. Баранов, и португальский стал изучаться в качестве второго иностранного языка, и мне посчастливилось быть студенткой первой португальской группы этого замечательного преподавателя. Все студенты, изучавшие с ним португальский язык, одновременно знакомились и с литературой и культурой Португалии и Бразилии. На занятиях В. Баранова мы впервые открыли для себя творчество еще не известных в России писателей – их произведения мы читали в машинописных копиях, отпечатанных преподавателем на папиросной бумаге. А еще мы слушали музыку Вилья Лобоса, португальские фаду и бразильскую самбу, узнавали о самобытных традициях и характере португальцев и бразильцев, мечтая когда-нибудь побывать в Лиссабоне или о совсем уж невероятном в те годы путешествии в Рио.

А затем в МГУ начался *Золотой век* португалистики: португальский язык оказался востребованным работодателями и, главное, руководством университета. *Революция звездик* в Португалии 1974 г. привела к открытию португальского отделения – это был настоящий праздник, а студенты первого набора очень гордились тем, что станут первыми дипломированными специалистами в области очень редкого в то время языка. На кафедре появились новые преподаватели – И. Ликунова, М.А. Родионова. Год спустя – в 1975 г. – обретение независимости Мозамбиком и Анголой стало мощным импульсом для расширения базы обучения португальскому языку на филологическом факультете. Административные преграды тогда преодолевались очень легко – ведь ректор МГУ Р.В. Хохлов был председателем Общества Дружбы Португалия – Советский Союз.

Страна нуждалась в переводчиках с португальского, и вот в 1977 г. на филологическом факультете создаются краткосрочные курсы переводчиков, на них набирают лучших выпускников факультета и новых преподавателей. Тогда же на факультет приходят М.А. Косарик и Г.П. Зененко, а вскоре к ним присоединяется закончившая курсы О.А. Сапрыкина. Среди выпускников этих курсов – профессора И.И. Челышева и Н.М. Азарова, сегодня возглавляющие отделы в Институте языкознания АН России. Выпускники первого набора на курсы переводчиков впервые в истории МГУ отправились на месячную ста-

жировку в Лиссабонский университет (в те годы такая поездка была почти космическим полетом!), их восторженные рассказы об удивительном и прекрасном городе и народе на факультете обростали легендами, и их помнят до сих пор.

Формально подготовка португалистов началась еще в лоне кафедры романской филологии, руководимой тогда выдающимся ученым-романистом Р.А. Будаговым, но уже в 1978 г. начинается новый этап развития португалистики в МГУ – на факультете создается полноценная кафедра испанского и португальского языков. Ее создал и возглавил талантливый ученый и организатор В.С. Виноградов, именно благодаря усилиям которого уже в 1973 г. на факультете и началось преподавание португальского языка на постоянной основе. И вот уже сорок лет кафедра осуществляет подготовку будущих ученых и преподавателей, переводчиков и дипломатов, а также активную научно-исследовательскую работу.

Наш факультет по-прежнему занимает лидирующие позиции в отечественной португалистике, хотя преподавателей португальского языка всего 6: это маститые корифеи – д.ф.н. профессор М.А. Косарик (она теперь возглавляет другую кафедру), д.ф.н. профессор О.А. Сапрыкина и специалист по португальской литературе, ведущий научный сотрудник к.ф.н. Е.В. Огнева. Среднее поколение представлено доцентом Д.Л. Гуревичем, молодое двумя – к.ф.н., ст. преподавателем А.В. Кутьковой и преподавателем Е.С. Еленской. Огромную роль в подготовке играют иностранные лекторы, сейчас их два: от Института Камозенса – ставший нам уже родным Жоау Мендонса, и лектор из бразильского университета Сан-Паулу – Эдуардо Биони. Без них сегодня трудно даже представить процесс обучения студентов, также важны для подготовки высококвалифицированных специалистов и предусмотренные двусторонними договорами с Лиссабонским университетом и университетом Сан Паулу стажировки студентов в Португалию и Бразилию. Очень важна для португальского отделения и деятельность центра Камозенса, возглавляемого энергичным директором – М.А. Косарик, а благодаря неизменной поддержке Института Камозенса студенты и преподаватели сегодня располагают замечательной библиотекой и фонотекой, и фонды их постоянно пополняются. Для нас важны и неоценимая помощь посольств Португалии и Бразилии, интереснейшие встречи с представителями культур стран португальской речи и дипломатами, живое общение с ними – дополнительный стимул для совершенствования знаний и способ получить актуальную информацию об актуальных процессах в странах изучаемого языка.

Итоги деятельности португальского отделения в цифрах таковы: за 40 лет на разных формах обучения было подготовлено около 300 специалистов в области португальского языка и национальных литератур стран португальской речи, защищено более двух десятков кандидатских диссертаций и 4 докторские, опубликовано несколько монографий, учебных пособий и сотни статей. Сегодня для будущих португалистов читаются 15 теоретических курсов, в том числе по бразильскому варианту португальского, изучаются даже диалекты бразильского варианта!

Наши выпускники стали авторами учебников по португальскому языку – это Е. Гаврилова, Е. Семенова и И. Толмачева. Доктора филологических наук профессора И.И. Чельшева и Н.М. Азарова опубликовали много исследований, в том числе и в области португалистики и возглавляют отделы в Институте Языковедения АН РФ, там же работает и специалист по творчеству Л. Камонса и переводчик «Лузиад» О.А. Овчаренко. О.А. Шершукова заведует кафедрой в Дипломатической Академии, а Т.А. Торощина – в Институте иностранных языков при ФСБ, многие наши выпускники преподают в ведущих университетах России. Десятки выпускников кафедры стали прекрасными переводчиками, которые начали свою деятельность в очень сложных и опасных условиях, когда работали переводчиками в Анголе, Мозамбике, Гвинее-Бисау и на Кабо-Верде, а выпускники последнего десятилетия работают в посольствах стран португальской речи. Многие посвятили себя исследованиям литератур Португалии и Бразилии и художественному переводу, и Е. Хованович сегодня – это один из лучших переводчиков художественных произведений с португальского языка.

Лузитанистика стала одной из самых энергично развивающихся областей иберо-романистики, особый интерес представляет современное состояние языка и национальных литератур в Португалии и Бразилии, перспективными представляются исследования особенностей португальского языка и национальных литератур в Африке.

Проведенная Юбилейная конференция еще раз доказала высокий научный уровень достижений португалистов-выпускников МГУ и важность деятельности кафедры и Института Камонса по объединению направлений научно-исследовательской и педагогической деятельности центров по подготовке специалистов в области португальского языка, истории и культуры. Созданный на факультете Центр иберо-романских исследований также способствует развитию совместных научных проектов. Представленные на конференции доклады впервые охватывали широчайшую тематику, выходя далеко за рамки чисто филологической проблематики, что, безусловно, пойдет на пользу развитию междисци-

плинарных исследований, позволяющих расширить наши знания о многогранном мире самобытных культур трех континентов, объединенных прекрасным единым языком.

В заключение хотелось бы поблагодарить почетных гостей конференции – представителей посольств португалоговорящих стран – и не только за то, что они присутствовали на открытии конференции и выступили с приветственными речами, но и за ту постоянную помощь и поддержку, которую оказывали и оказывают посольства в подготовке будущих специалистов-португалистов, за их содействие в том, чтобы у нас работали иностранные лекторы, читали лекции писатели, ученые и дипломаты. Немаловажно и то, что именно по инициативе посольства Португалии на факультете было начато преподавание галисийского языка. Особо следует подчеркнуть то, что с первых лет начала преподавания португальского языка на факультете посольство Португалии направляло нам учебную литературу, а финансирование издания этого юбилейного сборника – замечательный подарок португалистам от посольства Португалии, за который мы благодарим лично чрезвычайного и полномочного посла Португалии в России господина Марио Годиньо де Матуша и советника, заместителя главы миссии господина Пауло Сантуша, а также представителя Института Камонса в Москве Жоау Мендонсу.

С.В. Архипов
(МГУ имени М.В. Ломоносова)

**Словообразование в португальском языке XVI в. с точки зрения
Ф. де Оливейры: на примере слов, содержащих компоненты
-ario / -airo / -eiro**

В лингвистической доктрине первого португальского грамматиста Фернана де Оливейры (ок. 1507 – ок. 1580) значительное место занимают вопросы слова как уровня языка. Исследовать эти вопросы можно на обильном лексическом материале, содержащемся в произведениях португальского автора XVI в. В данной статье мы будем опираться на изыскания, сделанные по материалам следующих сочинений Оливейры: грамматики португальского языка (1536) – [Grammatica da lingoagem portugueza], «Искусства войны на море» (1555) – [Arte da guerra do mar], «Путешествия Фернана де Магеллана» (1555) – [Viagem de Fernão de Magalhães], «Книги о строительстве кораблей» (1580) – [Liuro da fabrica das naos].

Слово понимается Оливейрой как основная единица языка, имеющая звуковую оболочку и реализацию на письме [Ol., Gram., с. xxx]. Согласно автору, «Слово (dição, vocabulo, palavra) – всё это значит одну вещь. Мы можем дать её определение следующим образом: «слово (palavra) – это звук, который означает вещь или действие или способ: вещь, как артикль и имя; действие, как глагол; способ, наречие или какая-либо другая часть речи, поскольку они (слова – прим. С.А.) обозначают вещи, действия или способы»» [Ibid.]. Терминологическая множественность слова у Оливейры, по мнению М.А. Косарик, обусловлена стремлением автора показать различные аспекты слова [Косарик 1991, 118]. И действительно, если мы посмотрим на значение применённых грамматистом терминов, то можем увидеть, что лат. dictio означает слово как произнесение, изречение, так и слово как выражение или собственно отдельное слово. Последнее значение встречается у Квинтилиана. Слово vocabulum по своим значениям близко к современному пониманию слова как единицы словаря. Грецизм parabola сходен по семантике с dictio в обозначении выражения или отдельно взятого слова. Все эти значения сохраняются также и у португальских dição, vocabulo, palavra. В плане структуры слово мыслится грамматистом как совокупность слогов, которые, в свою очередь, осознаются как совокупность звуков [Ibid.].

В грамматике даётся описание видов слов, на основании которых можно составить представление о лексической системе португальского языка, основанной на разных критериях:

По признаку происхождения (этимологии) автором выделяются три вида слов:

1) *nossas* – наши: «наши слова – это те, которые появились среди нас или являются настолько старыми, что мы не знаем, пришли ли они извне» [Ibid. с. xxxj].

2) *alheias* – чужие: «чужие слова – это те, которые принесены в наш язык из других языков» [Ibid. с. xxxij]. К «чужим» словам Оливейра относит слова греческого, латинского, французского, испанского, арабского происхождения [Ibid. с. xxx].

3) *comuns* – общие: «общими словами мы называем те, которые равным образом используются во многих языках» [Ibid. с. xxxiij].

По структуре слова подразделяются Оливейрой следующим образом:

1) *apartadas, singelas* – простые, отдельные: «отдельные слова, которые римляне называли простыми, – это те слова, которые не могут быть частями сложных слов» [Ibid. с. xxxiiij].

2) *juntas, compostas* – сложные, соединённые: «соединённые слова (*diçdes juntas*), которые римляне называли составными словами (*diçdes compostas*) – это слова, части которых имеют значение или могут иметь значение; это самостоятельные слова или части других слов, в которых они сначала были самостоятельными словами» [Ibid. с. xxxv].

По временной соотнесённости слова делятся на:

1) *velhas* – старые: «старые слова – это те слова, которые ранее были употребительными, но теперь забыты» [Ibid. с. xxxvj].

2) *novas* – новые: «новые слова – это слова, которые мы снова, частично или полностью обнаруживаем» [Ibid. с. xxxvij].

Также слова могут подразделяться по принципу нормативности / ненормативности:

1) *usadas* – принятые: «принятые слова являются те слова, которые нам служат в каждом доме (как говорят), это те, которые все произносят и понимают те, которые относятся к нашему времени и нашей земле» [Ibid. с. xxxviii].

2) непринятые, ненормативные. О существовании такого вида слов можно судить уже по самому факту выделения *diçdes usadas*. В грамматике не даётся толкования слов ненормативной лексики, хотя их наличие автор не отрицает.

По принципу первичности / вторичности:

1) *proprias* – собственные: «собственными словами мы называем те слова, которые используются в своём первом и основном значении» [Ibid. с. xxxix]. В данном случае речь идёт о словах, которые не являются частями сложносоставных слов.

2) *tiradas, derivadas* – производные: «заимствованные слова, которые римляне называют производными» [Ibid. с. xxxix]. Иначе говоря, это такие слова, которые дают основу для образования других слов.

В трактатах Оливейры мы находим много слов с компонентом *-ario* / *-airo* / *-eiro*. Они имеют графическую вариативность: *-airo* / *-ayro*; *eiro* / *-eyro*; *-ario* / *-areo*:

-ario- / -areo-

– *necefsario* [Liuro, p. 5, 7, 12, 27, 37, 39, 42, 43, 48, 50, 54, 58, 59, 62, 63, 84, 87, 89, 91, 95, 99, 100, 102, 111, 116, 118, 121, 122, 126, 129, 131, 134, 135, 138, 139, 147, 148, 149, 154, 156, 160] / *necefsarios* [Ibid. p. 1, 5, 6, 36, 39, 102, 146] / *defnecefsario* [Ibid. p. 5]. / *necefsareo* [Ibid. p. 7, 28, 30, 72, 76, 78] / *necefsareos* [Ibid. p. 17] – необходимый.

-airo- / -ayro-

– *aduerfayros* [Arte, f. lxxiiij] / *auerfairos* [Ibid., f. xj] / *auerfayro* [Ibid., f. lxix] – противник, соперник.

– *contrairo* [Gram. с. xx, xxxv, xlj] / *cōtrairo* (Ibid. с. Quinto, vndeçimo, xxviiij, xxxv, xxxix) / *cōtrairos* [Ibid. с. xix], *contrayro* [Ibid. с. Quinto, xxxv], *contrayro* [Arte, Prol., f. xxj, xxiiij, xxv, xxxviiij, xxxix, xli, xlv, l, lj, liiiij, lv, lix, lxiiiij, lxx, lxxj, lxxij, lxxiiij] / *cōtrayro* [Ibid. f. x, xxxviiij, xlji, liiiij, lxiiiij, lxxiiiij] / *contrayros* [Ibid. Prol., f. x, xxv, xxxv, xxxviiij, xxxix, xli, xlvj, xlix, lvij, lxiiij, lxiiiij, lxx, lxxv, lxxviiij, lxix, lxx, lxxj, lxxij, lxxiiiij, lxxviiij, lxxviiij] / *cōtrayros* [Ibid. f. x, xvij, lxxiiij, lxxviiij, lxxviiij], *contrayros* [Viagem, f. 244 d, 253 e, 254 d] – противоположный, обратный.

-eiro- / -eyro-

– *çapateiro* [Gram. с. xlij] / *çapateiros* [Ibid. с. xxvij, xxxij], *çapateyro* [Arte, f. xij, xxxvj] / *çapateyros* [Ibid. f. xxxviiij], *çapateyros* [Liuro, p. 60] – сапожник.

– *carpenteiro* [Gram. с. xlij], *carpenteiros* [Arte, f. xxij, xxiiij, xxiii, xxxviiij] / *carpēteyros* [Arte, f. xxix], *carpēteiros* [Liuro, p. 91], *carpenteyro* [Ibid. p. 11, 52, 53, 54, 57, 70] / *carpenteiros* [Ibid. p. 1, 3, 23, 25, 38, 50, 51, 52, 54, 55, 57, 61, 67, 70, 73-74, 88, 90, 96, 104, 109, 112, 118, 122, 136, 139, 140] / *carpēteyros* [Ibid. p. 58, 78, 89, 127, 139] – плотник.

– *caualeiros* (Gram. Prim. с., с. xxxviiij), *caualeiros* [Arte, Prol.], *caualeyro* [Ibid. f. xxx, xxxiiij, xxxvj] / *caualeyros* [Ibid. f. xj, xxxv, xxxvj] / *caualleyros* [Ibid. Prol.] – рыцарь, дворянин.

– **premeiro** [Gram. с. xxxj, с. xxxij, с. xxxv, с. xxxvj, с. xxxvij, с. xl, с. xliij, с. xlvj] / **premeiros** [Ibid. с. xxxvij, с. lxj] / **ḡmeiro** [Ibid. с. xliij] / **ḡmeiros** [Ibid. с. xxxix] / **primeiro** [Ibid. Prol., Terç. с., Quarto с., Quinto с., xvj с., с. с. xvij, с. xxx, с. xxxiiij, с. xxxv, с. xxxix, с. xlj] / **primeiros** [Ibid. с. xxxv], **premeiro** [Liuro, p. 93], **primeyro** [Arte, f. ix, xij, xvj, xvij, xxxj, xxxx] / **premevro** [Ibid. f. xxiij, xxix, xxxj, xxxiiij, lxxviiij], **premevro** [Viagem, f. 251] / **ḡmevro** [Ibid. f. 244, 249], **primevro** [Liuro, p. 5, 7] / **premevro** [Liuro, p. 9, 10, 11, 12, 28, 31, 32, 59, 72, 89, 91, 94, 95, 97, 104, 117, 119, 142, 147, 149, 159, 160] / **premevros** [Liuro, p. 8, 9, 13, 93, 122] – первый.

В большинстве случаев эти слова – латинского происхождения. Корни некоторых слов (*barqueiro* = *barco* + *eiro*, *pedreiro* = *pedra* + *eiro*), вероятно, не воспринимались во времена Оливейры как чужие, поскольку, во-первых, уже очень давно вошли в португальский язык, а во-вторых, были и остаются довольно часто употребительными. Нельзя считать эти слова *diçdes comuns*: хотя они и имеют корни, имеющиеся и в других романских языках, они имеют отчётливо португальский облик, благодаря, в том числе, и компонентам, *-aio* / *-aio* / *-eiro*. Все эти слова являются *diçdes juntas (compostas)*, так как составлены из корневого слова и выше указанных формантов.

-aio-

– *boticaio* (лавочник) = *botica* (лавка) + *aio* [Gram. с. xliij];

-eiro- / -eyro-

– *armeiros* (оружейники) = *arma* + *eiros* + *s* [Gram. с. xxxij];

– *barqueyro* / *barqueyros* = *barco* (лодка) + *eyro* [Liuro, p. 16, 152];

– *çapateiro* (сапожник) = *çapato* (башмак) + *eiro* [Gram. с. xxvij, xxxij, xlij; Arte, f. xij, xxxvj, xxxviiij; Liuro, p. 60];

– *carreteyros* (тележники) = *carro* (повозка) + *eyro* + *s* [Liuro, p. 16];

– *liureiro* (книготорговец) = *liuro* (книга) + *eiro* [Gram. с. xxx];

– *pedreyro* (каменщик) = *pedra* (камень) + *eyro* [Gram. с. xlij; Arte, f. xxxvj; Liuro, p. 42];

– *remeiros* (гребцы) = *remo* (весло) + *eyro* + *s* [Liuro, p. 152];

– *tauerneiro* (трактирщик) = *tauerna* (трактир) + *eiro* [Gram. с. xlij];

– *telheiro* (кровельщик) = *telha* (кровля) + *eiro* [Gram. с. xlij].

Приведённые примеры – это *nomina agentis* (имена деятелей), которые превалируют. Но есть и *nomina causae* (имена вещей): *azinheyros* [Liuro, p. 25] – каменные дубы, *tinteiro* [Gram. с. xxxix] – чернильница; *dinheyro* [Arte, f. xxxj; Viagem, f. 253] – деньги; *caſtanheyros* [Liuro, p. 25] – каштановые деревья; *ſombreyro* [Ibid. p. 163] – сомбрепо; *tamoeyro* [Ibid. p. 151, 158] – дышло.

Относительно других критериев можно предположить, что анализируемые слова для Оливейры не являются *dições velhas* и *dições não usadas*. Хотя если говорить о лексической системе в целом, то нельзя исключать наличия в текстах просторечных слов, жаргонизмов, профессиональных арготизмов и т.д.

Источники

- Grammatica da lingoagem portugueſa / [Fernão Doliveira]. – Em Lixboa: e[m] caſa d’Germão Galharde, 27 Ianeyro 1536. – [38] f. // Официальный сайт Национальной библиотеки Португалии: <http://purl.pt/120>
- Arte da guerra do mar / nouamente eſcrita per Fernando Oliueyra... – Em Coimbra: Iohão Aluerez [sic] 4 Iulho 1555. – [4], 9–80 f.; 4° (21). // Официальный сайт Национальной библиотеки Португалии: <http://purl.pt/22935>
- Liuro da fabrica das naos / [...] compoſto de nouo p[e]llo licenciado Fernando Oliueyra [Ca 1580]. – [3] f., [164] p., enc.: papel, il.; 31 cm // Официальный сайт Национальной библиотеки Португалии: <http://purl.pt/6744>
- Ferdinandi Oliveri de Sancta Columba (1507–85) opera duo: Ars nautica, autographa. – Viagem de Fernao de Magalhaes, secundum narrationem cuiusdam socii et suppletus ex aliis fontibus, lusitanice. XVI (1555). 1 deel, geschreven op papier, 255 fol; ca. 310x215, ca. 298x190/195, ca. 305–205 mm. // Официальный сайт библиотеки Лейденского университета: <https://socrates.leidenuniv.nl/R/K8QS3NYQH8CE3CBCV3YI9KBA1NYA VYEXDCGNBR3S>
- Pierre Valière. Le Voyage de Magellan raconté par un homme qui fut en sa compagnie. Édition critique, traduction et commentaire du texte manuscrit recueilli par Fernando Oliveira. Préface de Paul Teyssier. Centro Cultural Português, Fundação Calouste Gulbenkian, Paris 1976. – 214 p.

Литература

- Виноградов В.С.* Лексикология испанского языка. – М.: Высшая школа, 2003. – 244 с.
- Косарик М.А.* Ранние португальские грамматики и трактаты о языке (к истории лингвистических учений). Дисс. ... канд. филол. наук. – М., 1991. – 257 с.
- Сапрыкина О.А.* Лексикология португальского языка. – М.: Высшая школа, 2011. – 111 с.

*M. Godinho de Matos
Embaixador de Portugal em Moscovo*

Relações Diplomáticas entre Portugal e a Rússia

O relacionamento diplomático entre Portugal e a Rússia inicia-se no longínquo ano de 1779 com a chegada do primeiro Embaixador português à Rússia – Francisco José Horta Machado – durante o reinado da Imperatriz Catarina II. De seguida, assumiu funções em Portugal o primeiro Embaixador russo, o Conde de Nesselrode, cuja Missão em Lisboa durou sete anos (1780–1786). Só em 1917 é que as relações luso-russas são interrompidas em consequência da revolução russa de 1917.

Passados 57 anos é uma outra Revolução, a chamada Revolução dos Cravos, mas desta vez em Portugal (25 de Abril de 1974) que torna possível o reatamento das relações diplomáticas entre os dois países.

A Revolução dos Cravos, que apanhou toda agente de surpresa, incluindo a própria União Soviética, veio provocar alterações profundas na sociedade portuguesa e foi um importante factor de abertura de Portugal ao Mundo. Uma das consequências práticas dessa abertura foi a introdução do ensino da língua portuguesa na MGU de que estamos precisamente a comemorar o 40º aniversário.

A 9 de Junho de 1974 foram restabelecidas as relações diplomáticas entre Portugal e a URSS e acordada a expansão dos laços económicos, científicos, culturais e de intercâmbio técnico entre os dois países. Nesse mesmo ano foram assinados acordos de comércio, serviços aéreos e navegação marítima. Posteriormente, em 1994, foram formalizados um Acordo de Amizade e Cooperação e um Acordo de Cooperação Cultural e Científica entre o Governo da República Portuguesa e o Governo da Federação da Rússia.

Na sequência do restabelecimento das relações diplomáticas entre Portugal e a então URSS, foi nomeado Mário Neves, jornalista de profissão, para desempenhar as funções de primeiro Embaixador do Portugal democrático na União Soviética.

Depois de décadas de colaboração, visitas de Alto Nível e intercâmbios nas mais diversas áreas, Jorge Sampaio, então Presidente da República portuguesa, efectuou uma visita oficial à Rússia em Outubro de 2001. Por sua vez, em 2004 Vladimir Putin tornou-se o primeiro Chefe de Estado russo a visitar oficialmente Portugal onde haveria de voltar em 2007.

Em Novembro de 2010 o então Presidente da Federação Russa, Dmitri Medvedev, realizou uma outra visita a Lisboa, dessa vez para participar na Cimeira da NATO. Na mesma ocasião o MNE Lavrov esteve igualmente em

Portugal onde foi assinado o “Plano de Consultas Políticas” entre Portugal e a Rússia. Tais consultas têm vindo a realizar-se com periodicidade anual, alternadamente em Lisboa e Moscovo, tendo a última ronda sido efectuada em Moscovo no passado mês Junho.

A cooperação parlamentar entre os dois países está institucionalizada através do “Grupo de Amizade Portugal-Rússia” formado por parlamentares de ambos os países. Dando continuidade a uma anterior deslocação de deputados russos a Portugal, a parte portuguesa do “Grupo de Amizade” efectuou recentemente uma visita de trabalho a Moscovo.

A rede consular de Portugal na Federação da Rússia circunscreve-se à Secção Consular da Embaixada em Moscovo e a dois Consulados Honorários: um em São Petersburgo e outro em Nizhniy Novgorod. Por outro lado, a representação consular da Federação da Rússia em Portugal é assegurada pela Secção Consular da Embaixada russa em Lisboa e conta ainda com Consulados Honorários no Porto e em Faro.

No plano internacional cooperamos em várias Organizações Internacionais como, por exemplo, a ONU, Conselho da Europa, NATO, União Europeia e OSCE, designadamente através da troca de apoios a candidaturas dos dois países aos diferentes órgãos dessas instituições.

Estritamente no plano da cooperação bilateral foram criados mecanismos próprios de que destaco a Comissão Mista Bilateral, que integra e coordena diversos Grupos de Trabalho sectoriais, permitindo-nos assim operacionalizar melhor todo um conjunto de iniciativas com interesse para os dois países.

As relações entre a Rússia e Portugal têm vindo a desenvolver-se de forma consistente. Mantemos uma cooperação alargada em todas as áreas desde a política à economia sem esquecer a cultura e os intercâmbios de carácter social.

Portugal e a Rússia são hoje dois Estados amigos que buscam vantagens mútuas no seu relacionamento, num contexto mundial cada vez mais globalizado e complexo.

É assim que, conjuntamente, queremos preparar um futuro melhor para aqueles que nos sucederem!

*О.Л. Гренадерова
(МГИМО (У) МИД России)*

Семантика и концептуальные особенности цветообозначений в португальском языке

В португальском языке в лингвистической и внелингвистической действительностях тема цвета занимает очень важное место и роль лексем с семантикой цветообозначений велика. У каждого народа с древнейших времен цвет являлся одним из средств осмысления мира. Он служил обозначением наиболее важного в природе и наиболее ценного в человеке. Со временем цветовые образы помимо прямого объективного значения приобрели дополнительно эстетическое и духовное значение, и именно цвет стал важной частью внутреннего мира человека, расширилась сфера использования концепта «цвет» в символическом значении. Цвета употребляются для характеристики пространства и времени, стали обозначением определенных социальных групп, они стали частью индивидуальной реальности, поэтому лингвисты проявляют большой интерес к словам, обозначающим цвет. Психологи отмечают тесную взаимосвязь цвета с цветоощущениями человека: у каждой эмоции свое определённое место в цветовом пространстве, т.е. каждая эмоция соответствует определённому цвету, а каждый цвет вызывает строго определённые эмоции. Восприятие цветовой гаммы для португальцев обусловлено особенностями природы и климата этой страны. Португалия – страна яркая, солнечная и контрастная, здесь все цвета насыщены и обильны. Цвет очень тесно связан с национальной картиной мира. В коммерческой и политической рекламе цвет остается одним из сильнейших средств воздействия на общество. Таким образом, цветообозначение передает не только сам цвет как часть действительности, окружающей нас, как часть наших зрительных ощущений, но и эмоционально окрашенные оттенки. Дилемма заключается в том, что символизации возможно более всего подлежит то, что связано с наиболее посредственным и примитивным в человеке. «Ощущенческое» начало цвета является для человека предпосылкой для его широчайшей символизации в языке и культуре.

Можно говорить о концепте «Цвет» как о сложном и многообразном явлении, он является предметом изучения многих наук и составляющей многих искусств, в португальском языке четко прослеживается взаимосвязь языка и культуры. Даже владея одним и тем же языком, люди не всегда правильно понимают друг друга, и причиной этого часто является именно расхождение культур. Функциональная номинативная трудность

открывается колоссальным словообразовательным и метафорическим потенциалом всяких цветообозначений в языках.

Конечно, номинация в слове не связана с прямым отношением: данное слово – данная вещь. Слово, называя, имеет перед собой не одну вещь, а класс вещей. Так, слово “**cor**” может служить названием любого отдельного цвета, но оно предназначено в португальском языке для названия любого цвета, целого класса понятий. Корень современных португальских слов **vermelho**, **vermelhaço**, **vermelhão**, **vermelhar**, **vermelhidão**, **vermelhusco** – понятен, в нем содержится смысл, но “смысл” корня – это выражение понятия, никакого отношения к вещам и названию вещей корень с его “значением” не имеет. Если проанализировать “смысл” слов **vermelho**, **vermelhar**, то к значению корня *vermelh* добавляются значения, указывающие на качество (*vermelho*), на отвлеченную предметность (*vermelhidão*), на процесс (*vermelhar*).

Таким образом, **слово** – это номинативная абстракция, значимая самостоятельная единица языка, основной функцией которой является номинация (называние); в отличие от морфем, слово самостоятельно грамматически оформлено по законам данного языка, и оно обладает не только вещественным, но и лексическим значением; в отличие от предложения, слово, как таковое, не коммуникативно, но именно из слов строятся предложения для осуществления коммуникации; при этом слово всегда связано с материальной природой знака, посредством чего слова различаются, образуя отдельные единства смысла и звукового (или графического) выражения. Возможно, «цвет» – это первая языковая абстракция, цвет постепенно стал носителем метафорических функций в языке. Цвета больше всего метафоризируются во всех языках. Цвет близок к ощущениям, к наглядности. Эта связь с ощущениями сохраняется в отдельных цветах и приобретает дополнительный символический смысл на новом уровне. Эти моменты, связанные с ощущениями, являются наиболее концептуализированной частью лексем «цвет».

Восприятие цвета человеком происходит не только через основные световые оттенки, но и через форму предмета, его размер, положение на фоне остальных предметов относительно говорящего. Так предметы и в португальском языке ассоциируются с цветовыми сегментами: кровь красная (*o sangue é vermelho*), молоко и снег белые (*o leite e a neve são brancos*), уголь черный (*o carvão é negro*), лимоны желтые (*os limões são amarelos*). Также существуют устойчивые выражения вроде: *branco como a neve* (букв. белый как снег), *negro como o carvão* (черный как уголь), *azul como o céu* (голубой как небо) и т.д. В португальском языке, так же

как и во многих других, ряд предметов дали названия цветам. Условно, их можно разделить на подгруппы: цвета, производные от названий фруктов и овощей: *cereja, limão, castanha, azeitona, violeta, rosa, palha, pêssago, damasco, laranja*; производные от названия животных: *salmão, de burro a fugir*; производные от названия вещей: *esmeralda jaspe, púrpura, escarlata, cinzento (cor de cinza), garrafa (verde garrafa)*; многие названия цветов являются производными от названия предметов, например: *(cor) alaranjada, apimentada, acastanhada, salmonada*. Также есть варианты вроде: *o verde, verde-garrafa, verde-cinza, esverdeado*.

Само слово «цвет» в португальском языке активно участвует в устойчивых и в идиоматических выражениях: *cor de burro quando foge* (букв. цвет убегающего осла) – бр. неопределенного цвета, *dar cor à vida* (букв. давать цвет жизни) – воодушевляться, собираться с духом, *à cor, com cor, sob cor* – под предлогом. Если речь идет о цвете лица человека, португальцы говорят: *ter boa cor* – иметь хороший цвет лица; *fazer-se de mil cores* – густо покраснеть; *ficar sem cores, perder a cor* – побледнеть; *mudar de cor* – измениться в лице. Если человек совпадает во мнении, о нем говорят *é da cor*. Интересно отметить, что *nem pintado!* обозначает ни в коем случае, и *nem o mais pintado* – никто вообще, а *não poder ver alguém nem pintado* обозначает ненавидеть.

Если говорить о символике отдельных цветообозначений в португальском языке, то некоторые из них имеют сложившееся традиционное значение, принятое у многих народов, а некоторые встречаются только в португальском языке. В португальском языке информация языкового знака, связанная с его экспрессивной функцией, и смысловые характеристики языкового знака, связанные с системой духовных ценностей носителей языка входят в семантику концепта «цвет».

В структуру концепта «цвет» входят ценностная составляющая, понятийный и образный элементы. В понятийном элементе концепта «цвет» есть актуальный основной признак; один дополнительный или несколько дополнительных признаков, и внутренняя форма концепта, отражающая народный дух португальцев и их культуру.

Зачастую сам язык нам подсказывает, а нередко «навязывает» употребление конкретных прилагательных, обозначающих цвет или, другими словами, в языке закрепляется определенная сочетаемость слов. Например, слово брюки имеет свободную сочетаемость. В португальском языке брюки могут быть голубыми, красными или серыми (*umas calças azuis, encarnadas ou cinzentas*). В то же время в португальском языке существуют особые лексические сочетания как отражение культуры страны, то есть словосочетания, обозначающие дополнительный

признак концепта «цвет». Например, в португальском языке есть выражения *riso amarelo*, *cabelo grisalho*, *saco azul*, *recibo verde*, *elefante branco*, *buraco negro*, *vinho tinto*, которые имеют прямые аналоги далеко не во всех языках. Выражение *saco azul* в значении незаконного присваивания денег представителями власти и руководством компаний для использования в личных целях существует только в португальском языке, является характеристикой португальской культуры и отражает внутреннюю форму концепта цвета azul. Внутренний признак концепта «цвет» мы видим и в выражении *o ano em branco*, которое у португальцев обозначает год полный забастовок или же год, когда учащийся не получил диплом. Основные признаки концепта «цвет» можно увидеть в следующих примерах: глаза у португальцев могут быть: *olhos pretos*, *azuis*, *verdes*, *castanhos*, с наименьшей вероятностью *cinzentos*. Фильмы бывают *a preto e branco* или *a cores*. Про одежду можно сказать *roupa branca*, *roupa de cor*, *lavada*, *suja*, *limpa*. Уголь бывает *hulha branca – carvão: hulha preta, azul*. О лице говорят *pele vermelha* или *cara encarnada*. Женщина *uma mulher morena – loura*. Небо *cinzento – azul*.

Рассмотрим отдельно каждый цвет и его значения.

Словообразовательный потенциал красного цвета и его оттенков в португальском языке следующий: ***vermelho*, *encarnado*, *ruço*, *ruivo*, *roxo*, *carmesim***. *Ruço e ruivo* имеют очевидный отрицательный смысл, когда речь идет о цвете волос или бороды. *Ruço de mau pelo*, *má casta*, *má cara e mau cabelo* говорят португальцы о плохом человеке.

Основные признаки синонимической мобильности концепта «красный цвет» – это цвет революции, опасности, запрета, страдания. Значения опасности и запрета передают выражения: *cartão vermelho* (красная карточка в футболе), *senal vermelho* (красный знак светофора), *linha vermelha*, *telefone vermelho* – красный телефон – телефон правительственной связи, *bandeira vermelha* – красное знамя коммунистической партии.

Для португальцев красный цвет эмоционально «сильный» – это цвет пламени и крови, цвет силы и энергии, демонический цвет, цвет насилия, а также цвет страсти и любви, динамики и созидания, цвет радости (многие игрушки делают красного цвета) и праздника, цвет роскоши (пурпурный – *cor púrpura*). Концепт «красный цвет» в португальском языке является достаточно обширным. С одной стороны, он обозначает любовь, жизнь, свободу, с другой стороны – кровь и огонь. С красным цветом встречается не так много выражений: *fazer-se vermelho* – покраснеть; *acender a luz vermelha* – предостеречь от ошибки. Однако, этот цвет не так экспрессивен в португальском языке, как например, в русском.

Символический потенциал концепта «красный цвет» виден в выра-

жениях: *Estar no vermelho*: быть в сложной, непривычной ситуации. *Lanterna vermelha*: самый слабый, самый последний. *Pôr ao rubro (a sala)*: зажигать аудиторию, когда артист выступает. *Encarnado como um pimentão* в Португалии говорят красный как перец.

Выражение *carregar no roxo* означает напиваться и отражает метафорический потенциал концепта «красный цвет» в португальском языке.

Концепт «голубой цвет» **azul** – это цвет ясного неба, цвет спокойного моря. У голубого цвета в португальском языке большой словообразовательный потенциал: *azulado, azulecer, azulejar, azular, так и оттенков: azul-celeste, azul-claro, azular, azul-escuro, azul-ferrete, azulíneo, azul-marinho, azul-turqueza.*

Peixe azul – «голубая рыба», называется так по цвету чешуи, эта дешёвая прибрежная рыба (сардины, кильки).

Синонимическая мобильность концепта выражается в слоосочетаниях:

Sangue azul – «голубая кровь», то есть знатное происхождение.

Príncipe azul – это мечта всех девушек – принц на белом коне.

Когда все идет просто замечательно, в Португалии принято говорить *é ouro sobre azul*, что отражает образный потенциал концепта. В спорте футболистов клуба Порту по цвету рубашек называют бело-голубыми – *os azuis e brancos*. Выражение *ficar azul* означает испугаться, а вот *ficar tudo azul* – все великолепно. Когда все идет великолепно в Португалии еще говорят *é ouro sobre azul*. *Estar azul* – быть навеселе; *hora azul* – время, когда рабочий день заканчивается и португальцы после работы идут отдохнуть в бар. А вот *ver-se azul* значит попасть в переделку. Когда человек оптимист мы говорим, что он видит мир в розовых очках, а португальцы про такого говорят, что он видит все в голубом свете: *vê tudo azul*.

Концепт **Verde** имеет довольно широкую гамму семантических значений в португальском языке. Зеленый – великий цвет природы. Это цвет силы, молодости, благоухания. Словообразовательный потенциал этого слова огромен. В португальском языке существует множество оттенков зеленого цвета и словообразовательный потенциал его велик: *verde-cinza, verde-claro, verde-crê, verde-amarelo, verde-escuro, verde-esmeralda, verde-gaio, verde-garrafa, verdejante, verdejar, verde-mar, verde-montanha, verde-musgo, verde-negro, verde-oliva, verde-piscina.*

Основной признак синонимической подвижности концепта «зелёный цвет» – это цвет травы, листвы, это цвет изумруда, а дополнительный признак «зеленого» в португальском обозначает незрелый предмет, когда говорят о древесине – сырой, если речь идет о возрасте по анало-

гии с недозрелыми фруктами, с молодостью, о цвете лица – бледный. Зеленый цвет свежести и чистоты. Кроме того, это цвет покрытия футбольного поля, это цвет экологического движения, цвет удачи и неудачи одновременно, цвет игры, денег, любви и надежды. Так основной признак синонимической подвижности концепта зеленый можно встретить в выражениях:

- *caldo verde* – традиционный португальский суп с капустой;
- *nota verde* – доллар;
- *dar luz verde a* – предоставлять полную свободу действий;
- *sinal verde* – зеленый свет светофора;
- *vinho verde* – кислое вино;
- *cinturão verde* – зеленый пояс в дзюдо.

Образный потенциал концепта мы видим в выражениях:

- *ele ficou verde de inveja, de susto, de raiva* – побледнеть (букв. по-зеленеть) от зависти, от испуга, от злости. А выражение *ficar verde* означает рассердиться.

- *ele ainda está verde* – он еще очень молодой.
- *verdes anos*: молодость
- *putas e vinho verde*: беспорядочный образ жизни
- *carne verde* – свежее мясо;

Конечно, зелёным сукном – *pano* или *tapete verde* – называют игровой стол.

Выражение *tremar como varas verdes* означает дрожать как осиновый лист.

Метафорический потенциал концепта прослеживается в выражениях: *trabalhar “a recibos verdes”* означает работать без каких-либо гарантий со стороны работодателя, такая система позволяет работодателям значительно снижать налогооблагаемую базу, однако она невыгодна наемным работникам. *Ter verde a alguém* – ненавидеть. *Plantar verde para colher maduro*, что означает «готовь сани летом». *Pisa-verdes* – человек, который делает все очень медленно, буквально в час по чайной ложке. *Estar a adivinhar passarinho verde* – иметь предчувствие, что произойдет что-то хорошее. *Dar em alguma coisa como em centeio verde* закончить что-л в один присест. *Bater (malhar em alguém) como em centeio verde* бить беспощадно.

О том, кто и минуты не сидит спокойно, в Португалии говорят, что он *não para em ramo verde*. А если человек выходит за рамки приличия, о нем говорят, что он *põe o pé em ramo verde*. *Sorte, sorte, vila verde* – говорят, если человеку сопутствует удача, или же если хотят человека подзадорить испытать удачу.

Португальскому выражению *há mas são verdes!* соответствует русская поговорка близок локоток, а не укусишь!

Jogar verde: задавать вопросы или делать хитрые комментарии с целью спровоцировать человека выдать секрет или раскрыть тайну.

Концепт «розовый цвет» *cor-de-rosa* – это символ женского любовного романа, то же относится и к соответствующим фильмам. В португальском языке есть любовные романы – *os romances cor-de-rosa, as palavras cor-de-rosa*, отражающие словообразовательный потенциал концепта. В широком смысле *de rosas* значит спокойный, тихий, благодатный, положительный. *Viver em leito de rosas* – наслаждаться жизнью. Нашему выражению «видеть все в розовых очках» соответствуют португальское *ver ou pintar de cor-de-rosa*, противоположное ему выражение – *ver tudo negro*, иллюзии – это *sonhos cor de rosa*. Они отражают синонимическую мобильность концепта. Бульварную прессу и в Португалии называют розовой. *Estar num mar de rosas* быть счастливым, радостным, а про спокойное море говорят – *mar de rosas*. *Dia de rosas* – это очень приятный день. Когда стоит очень приятная погода и на небе нет облаков, в Португалии говорят *céu de rosas*. Интересно обратить внимание на выражение тара *cor-de-rosa* – «розовая карта» была историческим документом, представлявшим территориальные притязания Португалии, заявившей о своих правах на обширные внутриконтинентальные территории между Анголой и Мозамбиком с целью их объединения в так называемую «вторую Бразилию». Однако проект создания «моста» сплошных колониальных владений Португалии через континентальные регионы Африканского континента не реализовался.

Перейдем к концепту *amarelo*. В языке существует множество оттенков желтого: *amarelo-cinzento, amarelo-claro, amarelo-enxofre, amarelo-esverdeado, amarelo-fosco, amarelo-gualdo, amarelo-ouro, amarelo-torrado*. У этого цвета большой словообразовательный потенциал: *amarelado, amarelento, amarelar, amarelecer, outono amarelecido* (золотая осень), *amarelecimento, amarelejar, amarelidão, amarelidez*.

В португальских словарях концепт «желтый цвет» обозначает цвет золота, яичный желток, цвет топаза и цвет серы. В Португалии, если дарят желтые розы, значит, что плохо относятся.

Интересно, что в синонимичном ряду даются дополнительные значения концепта «желтый» – бледный, болезненный и бесцветный, а также практически уже общепринятое значение желтого цвета как «предупреждающее, предостерегающее»: *cartão amarelo* – желтая карточка в футболе, *luz amarela* – желтый сигнал светофора. В португальском языке закрепились выражения, отражающие метафорический

потенциал концепта «желтый цвет»: *febre amarela* – жёлтая (мпоническая) лихорадка; *riso amarelo* – неискренний смех; *pássaro de bico amarelo* – разг. стреляный воробей; *mais amarelo do que cera* – бледный как смерть. *Ficar amarelo* – быть напуганным. Интересно, что нашему выражению «старая дева» соответствует португальское *ficar com os pés amarelos*. О ловком, хитром человеке португальцы говорят, что он *passáro* или *melro de bico amarelo*, то есть он стреляный воробей. *Ver-se amarelo, azul, da cor da abelha, da cor da pele do diabo* – быть обиженным или быть в стесненном положении. *Ver-se nas amarelas* – испытывать трудности, быть в опасности.

Концепт **branco** – белый цвет в португальском языке в большинстве случаев имеет позитивную коннотацию. Это символ чистоты, невинности, законности, целомудрия и непорочности, символ мудрости. Имеет словообразовательный потенциал: *brancacento, esbranquiçado, branquicento*. В выражении *toalha branca* – концепт «белого цвета» используется для передачи визуального, эмоционально неинформативного качества предмета. При голосовании *branco* означает или воздержаться, или голосовать против: *voto branco* (голосовать белым).

Кроме общепринятых определений цвета некоторых продуктов (*molho branco* – белый соус, *branco do ovo* – белок яйца, *vinho branco* – белое вино, *pão branco* – белый хлеб, *uva branca* – белый виноград, *ouro branco* – белое золото), белый цвет может означать «чистый» *lava mais branco*. Белый цвет сравнивают со снегом (*branco de neve*), с известью (*branco como a cal*).

Наряду со словом *branco* в португальском языке есть слово *alvo*, что в переводе значит белоснежный, незапятнанный и его производные: *alva, alvorecer, alvacento, alvadio, alvinitente, alvirrubro*.

Белый цвет входит в состав многочисленных устойчивых выражений, где меняет смысл в зависимости от слова, с которым он участвует в этом выражении. Основной признак синонимической подвижности концепта *branco* можно увидеть в следующих словосочетаниях, при этом часть таких словосочетаний имеет полное соответствие в русском языке:

- *bandeira branca* (белый флаг) – признание поражения;
- *branqueamento de dinheiro* – отмывание денег;
- *cinturão branco* – белый пояс в дзюдо.

Некоторые португальские выражения, относящиеся к синонимической подвижности концепта *branco*, имеют лишь частичное совпадение в русском языке, но могут быть понятны:

- *arma branca* (белое оружие) – холодное оружие;
- *hulha branca* (белый уголь) – энергия, полученная от гидроэлек-

тростанций;

- *versos brancos* – белые стихи;
- *madeira branca* – неокрашенное дерево;
- *roupa branca* – нижнее белье;
- *colarinho branco* (белый воротничок) – служащий. Выражение *crime dos colarinhos brancos* означает коррупцию гос. служащих.

Синонимическая мобильность концепта «белый цвет» присутствует в глагольных словосочетаниях: *deixar em branco*, *passar em branco* оставить незаполненным или упускать; *deixar em branco alguma coisa* пропускать, опускать что-л; *ir para o exame em branco* – идти на экзамен не подготовленным; *ficar branco de susto* – побледнеть от страха; *ficar branco de raiva* – побледнеть от ярости, гнева; *ter uma branca* – иметь внезапный провал в памяти в определенный момент; *Pôr os olhos em branco* – закатывать глаза. *Sair branco* – остаться без вознаграждения. *Assinar em branco* – принимать что-либо без возражений; подписывать пустой лист, который впоследствии будет заполнен другим человеком. *Branco como a cal da parede* – бледный как смерть. *Afanar em branco* – воровать среди бела дня. *Vofetada de luva branca* – деликатный ответ на оскорбление (букв. удар белой перчаткой). *Ladrão de luva branca* – мошенники, выдающие себя за уважаемых людей.

Есть в португальском языке выражения, которые представляют наибольший интерес и которые не имеют аналога в русском языке и требуют разъяснения. Все они выражают метафорический потенциал концепта «белый цвет» в португальском языке:

- *matrimónio branco* (белое супружество) – брак, в котором супруги по каким-либо причинам не имеют сексуальных отношений;
- *passar a noite em branco* – провести бессонную ночь;
- *bilhete branco* – лотерейный билет, на который не пал выигрыш;
- *greve branca* (белая забастовка) – забастовка без санкции;
- *viúva branca* (белая вдова) – «соломенная вдова»;
- *elefante branco* (белый слон) – что-либо не имеющее будущего не-реальные вещи, «мыльный пузырь».

Выражение *em branco* означает наобум. А если человеку разрешают действовать по своему усмотрению, в Португалии говорят, что ему *passam um cheque em branco*.

- *deixar alguém em branco* – разг. оставить кого-л с носом, оставить в дураках;
- *pôr os olhos em branco* – закатывать глаза;
- *sair em branco* – не удаваться, расстраиваться (о деле);
- *vestido de ponto em branco* – одетый изысканно, с иголки;

Выражение *estar em branco* имеет несколько значений: 1. ничего не знать; 2. быть не евшим или не пившим; 3. быть без денег; 4. пустой, не написанный;

- *andar de ponto em branco* – быть элегантно одетым;

- *ficar em branco* – не понимать ничего;

- *haver fumo branco* – договориться и найти выход из какой-то проблемной ситуации.

Интересно, что заморозки и иней португальцы называют *Dona Branca*.

Fazer os cabelos brancos – вывести кого-либо из терпения, совсем заморочить голову. *De luva branca* – деликатно, дипломатично.

De ponto em branco – говорят о человеке, который элегантно одет.

Концепт «чёрный цвет» (*negro e preto*) широко представлен в португальской фразеологии и в португальском же языке существует несколько единиц для обозначения черного цвета. Черный цвет, традиционно, считается одним из самых ярких и насыщенных, который используется в речи в качестве эпитета для каких-то абстрактных явлений. Черный, несомненно, является символом формальности и условности. Он дает достоинство без ложной гордости и является цветом, который внушает уважение. Однако, этот цвет используется и при описании мрачных, низких, недостойных, опасных действий или понятий. В русском языке в основном используется одно слово для обозначения черного цвета, хотя черный цвет может быть разной интенсивности (ср. черная кожа и черная ткань). Лишь при необходимости мы уточняем описательным способом: черный, смоляной; иссиня-черный; черный, ближе к темно-синему. Для обозначения черного в португальском языке есть два варианта. Первый – **negro**. Оно обладает большим словообразовательным потенциалом: *negrão, negreiro, negrejar, negritude, negrume*. Концепт «чёрный цвет» (*negro*) имеет наиболее отрицательную коннотацию. Основные признаки синонимической мобильности концепта можно проследить в примерах: *ver tudo negro* – видеть все в мрачном свете, *nuvens negras* – черные тучи, *mãos negras* – раньше выражение относилось к угольщикам и к машинистам, которые заправляли поезда углем. Сейчас в португальском языке используется символическое, переносное значение черного цвета, когда хотят сказать, что у человека грязные руки или когда у кого-то грязная работа. Этот цвет связан со всем плохим и печальным в жизни человека, обозначает темноту, запрет, зло, грусть.

Основные признаки концепта чёрный цвет ассоциируются у португальцев:

- с трауром: *fato, terno de cor negra* (чёрное траурное платье);

- он передает значения грусти, заунывности или меланхолии, траурности и подлости встречаются в португальских выражениях: *crime negro* (зверское преступление), *destino negro* (печальная судьба), *dia negro, negra hora* (черный день), *pesadelos negros, buraco negro, humor negro, lista negra, magia negra, mercado negro, ovelha negra, papa negro (nampуарх), trabalhar como negro.*

- с грехом, непристойностью, чем-то отвратительным: *bandeira negra, preta, camisas negras.*

- с грустью и одиночеством: *ideias negras, romance negro.*

Выражение *ovelha negra da família* – означает чёрная овца в стаде или же «в семье не без урода» или *ovelha negra* – говорят о распущенном, развратном человеке. *Cisne negro* – «белая ворона». *Sombra negra* – говорят о человеке, которого постоянно кто-то преследует, следует как тень.

Destino negro – трагическая судьба.

Café negro – крепкий кофе.

Vida negra – Тяжелая жизнь, а если женщина много работает, о ней говорят, что она *é uma negra* или о человеке, который пашет как лошадь, говорят *é um negro de trabalho*. *Vida de negro* – нищета или тяжелая работа.

Pessoa com ideias negras – мрачный человек.

Andar com a negra – быть невезучим.

A fome é negra – голодный как волк.

Помимо основного значения страха для португальцев, концепт «черный цвет» имеет дополнительный признак строгости и религиозности, это цвет элегантности и богатства, или даже авторитет – например, арбитр в футболе – *árbitro de futebol*.

Образный метафорический потенциал концепта передает его внутренняя форма: *veja-me negro (grego) para sair desta embrulhada* – в значении «сложно выбраться из такой ситуации». Когда португальцы хотят сказать о ком-то, что он ловко вывернулся, они говорят: *escapou por uma unha negra. Até borro (pinto, tinjo) a cara de negro* – биться об заклад, спорить, а вот если человек признает свою ошибку, о нем говорят *ele pinta a cara de negro*.

Второй вариант обозначения концепта «черный цвет» в португальском языке, а именно для обозначения наиболее отрицательного значения *negro*, служит слово-субститут *preto*. Словообразовательный потенциал у него крайне невелик – *pretidão*. Это самый мрачный из всех цветов. Это цвет эбенового дерева (*a cor do ébano*), цвет угля (*a cor do carvão*) – *pão preto, bandeira preta*. Основной признак синонимической подвижности концепта *preto* в португальском языке – это символ всего грязного, злого, темного и мрачного – *ver as coisas pretas* (видеть все в черном цвете).

Символический потенциал концепта мы видим в выражении *estar preto*, что значит быть опасным. В современном португальском языке появилось значение *preto* как противоположность цветному: *pôr o preto no branco* (черным по белому), *filme a preto-e-branco*, *televisão a preto-e-branco*. О представителях афроамериканской расы говорят *pessoa de cor*, а не *pessoa negra*.

Сочетаемость в выражениях *ter a camisa negra* и *usar uma camisa preta* стоит запомнить. Ученик идет *ao quadro preto*, а не *ao quadro negro*.

Есть ряд интересных выражений с этим цветом, в которых выражена синонимическая мобильность концепта *preto*, например: *Adeus, olhos pretos como os meus* – русским аналогом может быть шутливое «целую крепко моя репка». *Ali à preta* – без исключения, именно так, с или вопреки желанию. *Boas contas faz o preto* – так говорят о человеке, который делит шкуру неубитого медведя. Если что-то стоит много денег, говорят *vale uma nota preta*. *Eu tingia a cara de preto* – неодобрение ч-л плохого поступка. *Andar nos machinhos pretos* – ходить пешком. *Pintar a cara de negro* – признавать ошибку или вину.

Метафорический потенциал концепта, отражающий народный дух Португалии и ее культуру, встречается в примерах: *trabalhar ao negro* – работать без договора. Выражение *trabalhar é bom para o preto* пошло от колониальных времен, от рабства, так как в те времена считалось, что труд является уделом рабов или людей из низких слоев общества. В настоящее время выражение сохранилось и употребляется в разговорной речи, когда не хочется работать или иронично о ленивом человеке. *Maré negra* – загрязнение окружающей среды. *Peste negra* – черная чума.

В португальском языке концепт «каштановый цвет» *castanho* – означает коричневый цвет (цвет скорлупы каштана) и не несет дополнительной смысловой нагрузки. Для передачи оттенков коричневого цвета португальцы чаще используют субституты: *caju*, *trigueiro*, *chocolate*, *caramelo*, *castanho avermelhado*. Метафорический потенциал концепта прослеживается в выражении *apanhar uma castanha* – получить взбучку. А если у девушки красивые карие глаза, она может услышать такой комплимент: *os teus olhos castanhos de encantos tamanhos*.

Концепт «серый (*cinzento*) цвет» как промежуточный между белым и черным часто имеет значение «грустный» или «посредственный». Отсюда в португальском языке возникает следующая синонимическая мобильность концепта: *político cinzento*, *ministro cinzento*, *pessoa cinzenta* – посредственный человек. Ученых и исследователей называли *massa cinzenta*, а нашему выражению «серое вещество» соответствует португальский аналог *matéria*

cinzenta. Метафорический потенциал концепта прослеживается в выражении *dizer cinzas*, что означает лгать, а выражение *reduzir a cinzas* означает разбить чьи-либо аргументы, унижить.

Русскому выражению серый кардинал соответствует португальское *eminência parda*.

Интересно отметить, что например, в геральдике не принято говорить белый, желтый красный, а говорят золотой *ouro*, серебряный *prata*. Если человек хороший оратор, о нем говорят, что *ele tem boca de ouro*. О безжалостном, бесчувственном человеке говорят *tem coração de bronze*.

О лошадях говорят, что они бывают *branco* – белые, *cinzento* – серые, *preto* – черные и *alazão* – гнедые (подразумеваются оттенки от *ruivo-claro* светло-рыжие до *castanho-escuro* темно-коричневого. Сам цвет *alazão* португальцы делят на оттенки: *claro* светлый, *queimado* загорелый, *cereja* вишневый. Если у лошади копыта и грива черные, а тело коричневое, португальцы называют ее *baio* (гнедая), то же сочетание только тело лошади более светлое, цвета кофе с молоком – *isabel*, и *rato*, если тело серое.

Светлое и темное пиво – *cerveja loura / branca e preta*. Виноград у португальцев *uva branca e uva preta*.

На основании проведенного исследования можно сделать вывод о том, что концепт «цвет» в португальском языке имеет сложную структуру, понятие «сог» в португальской лингвистике культурогенно и концептогенно. В португальском языке оно является объемным мыслительным продуктом человеческого сознания. Таким образом, «концептогенность цветообозначений» не что иное как некое суммарное явление, по своей структуре состоящее из самого понятия и ценностного – нередко образного – представления о нем португальцев.

Одна из важнейших функций всех языков, в том числе и португальского языка, заключается в том, что он хранит культуру и передает ее из поколения в поколение. Если представить, что этот дар различать цвета исчезнет, мир потеряет свои краски и жизнь превратится в серую однообразную полосу. Давно известно, столь велико значение цвета, цветового восприятия в жизни человека. Жизнь ярка тогда, когда она наполнена красками, цветами и оттенками. Материальная и духовная культура Португалии находит свое отражение в португальском языке через концепт «цвет», лишней раз подтверждая концепцию В. Гумбольта о взаимосвязи языка и культуры. Он является одним из основных компонентов культуры, точнее цвет выступает в качестве содержательного элемента культуры, с помощью которого можно охарактеризовать, систематизировать предметы, социальные и нравственно-эстетические понятия. Цвет включает в себе возможно-

сти логического и чувственно-образного способов познания мира. Цвет – одно из самых внешних, очевидных, эмоционально неинформативных качеств предметов, объектов, процессов. Однако цвета всегда употреблялись людьми не только для обозначения оболочки предмета, но и как абстрактные понятия в переносном смысле (*mercado negro, câmbio negro, brancos pensamentos*). Само слово – цветообозначение **эмоционально** окрашено, то есть оно не просто обозначает цвет, но еще выражает отношение к нему. Цвет может быть выражен **эксплицитно** (путём прямого названия цвета или признака по цвету), и **имплицитно** (путём названия предмета, цветовой признак которого закреплён в культуре на уровне традиции, то есть культура участвует в образовании языковых концептов).

Помимо дополнительной смысловой составляющей, цвета могут иметь положительную (как красный, голубой) или отрицательную (как черный или жёлтый) коннотацию. Знание этого дополнительного значения цвета имеет большое значение при изучении португальского языка.

Литература

1. *Вежбицкая А.* Язык. Культура. Познание. М., 1996.
2. *Гумбольд В.* О различии строения человеческих языков. М: 1964.
3. *Гумбольдт В.* Язык и философия культуры. М., 1985
4. *Соссюр Ф. де.* Курс общей лингвистики. 1933.
5. *Степанов Ю.С.* Константы: Словарь русской культуры. М., 2001.
6. *Чесноков П.В.* Слово и соответствующая ему единица мышления. М., 1967.
7. Dicionário Priberam da Língua Portuguesa [em linha], 2008–2013, <http://www.priberam.pt/dlpo/cor>
8. *Neves O.* Dicionário de expressões correntes. Editorial Notícias – 1999.
9. *Silva R., Santos D.* Arco-íris: notas sobre a anotação do campo semântico da cor em português. Versão 1.7. Última actualização: 28 de Setembro de 2009.
10. *Vilela M.* Ensino da língua portuguesa: léxico, dicionário, gramática. Livraria Almedina. Coimbra – 1995.
11. <http://www.wikipedia.org>
12. Материалы из интернета

Д.Л. Гуревич
(МГУ имени М.В. Ломоносова)

Бразильский вариант португальского языка: параметры языкового варьирования

Одной из основных теоретических проблем, возникающих при описании бразильского варианта португальского языка, является соотношение нормы и узуса. Прескриптивная норма, опирающаяся во многом на пиренейские, а не бразильские языковые стандарты, часто не совпадает с узуальными, то есть поддерживаемыми всем языковым сообществом Бразилии, языковыми проявлениями. Подобная дихотомия касается различных уровней языковой системы, и особенно ярко проявляется в глагольной и именной морфологии. Особенности реализации личных местоимений в позиции прямого и косвенного дополнения посвящен данный доклад.

Выбор форм личных местоимений, способных выступать в позиции прямого или косвенного дополнения, не совпадает в пиренейском и бразильском вариантах и во многом зависит от функционального стиля (официальный, обиходно-разговорный, фамильярный, сниженный и т.п.), а также от принадлежности текста к устному или к письменному регистру. Поскольку португальский язык Бразилии может считаться историческим языком (в понимании Э. Косериу), он объединяет в себе различные диатопические, диастратические и диафазические варианты, которые взаимодействуют в процессе функционирования языка как системы в языковом сообществе. Диастратическая вариативность, то есть вариативность социолингвистического и социокультурного характера, оказывает серьезное влияние на механизмы использования тех или иных форм личных местоимений в функции прямого или косвенного дополнения при глаголе. Те языковые модели, которые были характерны исключительно для просторечной среды, где образовательный и социокультурный уровень говорящих был крайне низок, все чаще появляются в речи образованной части населения (преимущественно устной, но не только), соседствуя с иными проявлениями не вполне нормативного характера. На этот процесс указывают многие бразильские лингвисты, например Роберту Илари, Моура Невес, Маркус Баньо и др. Речь идет о широко распространенных в Бразилии моделях употребления личных местоимений типа [“Posso chamar **ela**”] вместо нормативного [Posso chamar **la**]; [Quero pedir **para você**] вместо [Quero pedir **lhe**]. Подобное употребление свидетельствует о том, что диастратическая вариативность переходит, по крайней мере в данной точке языко-

вой системы, в вариативность диафазическую, когда имеет место варьирование языковых средств в зависимости от различных обстоятельств коммуникативного характера, что влечет за собой разнообразие функционально-стилистических показателей, в частности выбор «более правильных» или «более разговорных» средств языка. В частности, нормативное использование местоименных форм, допускающее употребление безударных местоимений только в форме дательного или винительного падежей и предписанное нормативной (т.е. прескриптивной) грамматикой, ограничено в Бразилии определенным функциональным стилем – такое употребление характерно для официально-делового стиля, особенно в письменной речи. Наряду с этим в письменных и особенно устных текстах, принадлежащих обиходно-бытовому стилю, а также в текстах, носящих черты разговорного характера и принадлежащих нижней границе нормы, встречается употребление местоименных форм из парадигмы именительного падежа, а также из парадигмы ударных форм особенно в контекстах второго или третьего лица [Queiro ver **você**; Queiro dizer **a ele**]. Подобное колебание языковой системы может по-разному оцениваться с точки зрения функционирования языка в социуме: вариативность типа [Queiro ver **você** ~ Queiro **vê-lo**], воспринимавшаяся ранее как безусловный показатель просторечия (диастратическая вариативность), сегодня воспринимается носителями бразильского варианта, включая грамматистов и исследователей языка (Моура Невес, Шарлоте Галвес, Марте Шерре, Тейшейра де Кастилью и др.), как показатель неофициального регистра речи, как принадлежность обиходно-бытовому стилю (диафазическая вариативность).

Функционирование личных местоимений в позиции прямого или косвенного дополнения является одной из центральных проблем грамматики современного бразильского варианта, поскольку затрагивает саму систему языка и ставит перед языковым сообществом проблему приемлемости или неприемлемости – с учетом интерпретации существующей языковой нормы – некоторых морфологических и синтаксических особенностей, которые возникают в речи как результат весьма специфического употребления личных местоимений. Речь, таким образом, идет о вариативности системы на морфосинтаксическом уровне и о ее отражении в различных функциональных стилях.

Характерная для современной Бразилии реализация системы личных местоимений в объектной позиции не совпадает с реализацией, предписанной нормативными грамматиками и считалась вплоть до последних десятилетий проявлением просторечия (в бразильской филологической литературе такая форма речи носит название «português

brasileiro popular»). Такая реализация не поддерживается бразильскими школьными учебниками португальского языка, хотя иногда фиксируется в текстах для чтения и анализа. Также не рекомендуют грамматически «неправильное» (в кавычках) употребление местоимений пособия, адресованные журналистам, при том что такое употребление периодически встречается в газетных и иных медийных текстах (например, в рекламе). Вместе с тем, бразильская модель употребления личных местоимений в объектной позиции постепенно утрачивает признак просторечности. Она начинает воспроизводиться в текстах различных функциональных стилей (за исключением официально-делового), что свидетельствует о ее приемлемости языковым сознанием бразильцев, которые воспринимают такую модель как свою собственную, а не навязанную чужой грамматической нормой (в данном случае – пиренейской). Практически ни одна современная бразильская грамматика, которая бы не затрагивала проблему употребления безударных местоимений в функции прямого или косвенного дополнения, однако решают эту проблему грамматисты по-разному. Нормативные грамматики занимают консервативную позицию и подвергают употребления типа [Chamar ela; Ver ele] критике, в то время как дескриптивные грамматики допускают возможность такого употребления, давая ему социолингвистическую или функционально-стилистическую характеристику.

Собственно парадигма ударных и безударных форм личных местоимений, способных выступать в синтаксической функции прямого и косвенного дополнений, совпадает для бразильского и для пиренейского вариантов португальского языка. Среди характерных для Бразилии местоименных форм нет каких-то морфологических изобретений, нет форм, которые не были бы известны языковой системе португальского языка. Различия касаются выбора и узальности форм, а также синтаксиса, который они принимают. Бразильский вариант часто выбирает «неправильные» (в кавычках) формы на роль местоимений в функции того или иного дополнения, предпочитая ударные формы и формы именительного падежа формам безударным. Кроме того, существуют сугубо фонетические особенности: безударные местоимения (клитики) не несут на себе собственного ударения и образуют одно фонетическое слово с глаголом, к которому они синтаксически относятся [Quero **te pedir**]; [Dou-**lhe**] isso]. Ударные же формы и формы именительного падежа (в том числе и в функции прямого дополнения) обладают собственным ударением и не образуют с глаголом одно фонетическое слово [Quero [**ajudar**] [**você**]; Quero [**pedir**] [**pra ele**]]. Это означает, что ударные и номинативные формы местоимений обладают большей фоне-

тической четкостью, меньше подвержены редукции и другим морфологическим процессам (например, контракции с другими местоимениями или окончаниями глагола) и имеют более четкую смысловозначительную функцию, что делает их более универсальными в коммуникативном аспекте и более простыми с морфологической точки зрения. Морфологическая простота, то есть обособленность от парадигмы склоняемых и контрактивных форм местоимений (типа **lhos**; **lhas**; **no-lo** и т.п.), объясняется известным законом экономии языковых средств.

Репертуар узуальных для Бразилии форм личных местоимений в функции прямого или косвенного дополнения определяется тенденцией к использованию одних форм вместо других, в том числе не входящих в парадигму форм винительного или дательного падежей. К числу наиболее регулярных относятся следующие замены:

1. Замена безударного местоимения субъектной формой местоимения (особенно во втором и третьем лице) [Eu **te** amo / Eu **o** amo → Eu amo **você**; Posso **chamá-la** → Posso chamar **ela**];

2. Замена одного безударного местоимения другим безударным местоимением (характерно для второго лица, когда форме **você** может соответствовать два косвенных местоимения – “te” и “o/a”) [Não **o** vejo (2ª pessoa singular – você) → Não **te** vejo (2ª pessoa singular – você)];

3. Замена безударного местоимения ударной формой местоимения с предлогом [Eu **ia te/lhe** dizer → Eu **ia** dizer **a você/ pra você**];

4. Асимметрия между субъектной формой местоимения в функции подлежащего и кореферентного местоимения в безударной форме в функции прямого или косвенного дополнения (особенно характерно для второго лица, выраженного формой **você**) [Foi bom **você** (подлежащее) chegar, Mateus, estava aqui pensando e **te** (дополнение) esperando (“te” вместо “o”)];

5. Отказ от использования контрактивных форм местоимений (комбинация Датив+Аккузатив типа «to»; «to»; «lho» и т.п.) в пользу использования указательных местоимений и ударных местоимений с предлогом [Não **mo** diga → Não **me** diga **isso**; Dar-**lho-ia** → Daria **isso a ela**].

В отношении синтаксиса местоимений в функции прямого или косвенного дополнения прослеживается четкая закономерность: безударные формы местоимений предпочитают в бразильском варианте препозицию к глаголу (так называемая проклиза) либо опускаются (так называемый нулевой объект – “objeto nulo”) [Ela viu-**me** → Ela **me** viu; Quero dizer-**te** uma coisa → Quero **te** dizer uma coisa; Eu não **o** sabia → Eu não **o** sabia], в то время как субъектные формы или ударные формы с

предлогом стоят строго справа от глагола (так называемая энклиза) [Eu amo **você**; Eu vou dizer **a você**; Preciso pedir **a ele**]. Характерно, что субъектные формы местоимений (ele(s); ela(s); você(s)) в функции подлежащего либо в функции прямого дополнения противопоставлены именно по синтаксической позиции при глаголе: подлежащее располагается слева от сказуемого, тогда как прямое дополнение – справа. [**Ele** (подлежащее) pegou um taxi ~ A polícia pegou **ele** (дополнение); **Você** (подлежащее) ama uma uma pessoa ~ Uma pessoa ama **você** (дополнение)]. Такая синтаксическая дистрибуция не случайна: только синтаксическая позиция местоимения позволяет интерпретировать его либо как подлежащее либо как дополнение, поскольку морфологического противопоставления субъектной и объектной формы местоимения не происходит. Отметим, что употребление безударных форм местоимения в функции прямого или косвенного дополнения допускает вариативность синтаксической позиции, клитика может стоять как в препозиции к глаголу, так и в постпозиции к нему [Eu **te** amo ~ Eu amo-**te**], в данном случае нет жесткой синтаксической привязки, можно лишь говорить о предпочтении проклитики либо энклизы в пиренейском либо в бразильском национальном варианте.

Перечисленные явления в определенном смысле противопоставлены строгой грамматической норме, традиционно опирающейся на пиренейский вариант португальского языка. Современные бразильские грамматисты по-разному оценивают эти явления: одни обходят их молчанием (Rocha Lima, С.Н. *Gramática normativa da língua portuguesa*), другие видят в них признаки просторечия, свойственные малообразованным носителям языка и недопустимые в использовании (Bechara, E. *Moderna gramática portuguesa*; Cunha, С.Ф., Cintra, L.F.L. *Nova gramática do português contemporâneo*); третьи фиксируют эти явления как встречающиеся в устной и даже письменной речи, давая либо не давая им функционально-стилистическую и социолингвистическую оценку относительно их приемлемости или неприемлемости в различных, не только нормативных, формах речи (Cipro Neto, P. *Gramática da língua portuguesa*; Neves, М.Н.М. *Gramática de usos do português*), четвертые видят в этих явлениях одну из возможных реализаций языковой системы, в частности реализацию, свойственную именно бразильскому варианту, и потому допустимую не только в устной речи неформального регистра, но и в письменных формах речи (Castilho, A.T. de. *Nova gramática do português brasileiro*; Bagno M. *Gramática pedagógica do português brasileiro*; Perini, М.А. *Gramática do português brasileiro*). Характерно, что грамматисты старшего поколения (Marques da Cruz, Rocha Lima, Bechara, Cunha & Cintra) либо не

замечают эти явления, либо оценивают их как сугубо ненормативные, в то время как грамматисты, описывающие современный узус (M. Bagno, M. Perini, A. T. de Castilho, Ipari & Neves, Galves), трактуют эти явления как факты языка, имеющие право на существование. Неоднозначность трактовки со стороны грамматистов свидетельствует о том, что особенности употребления местоимений в объектной позиции в бразильском варианте являются, с одной стороны, широко распространенным явлением, а с другой – не воспринимаются языковым сознанием носителей как «одобренные» нормативной грамматикой. Такой дуализм наглядно показывает существование значительной дистанции между воспроизводимой прескриптивными грамматиками искусственной для бразильского языкового сознания нормой и реальным бытованием языка в различных сферах устного и письменного общения. Перечисленные выше грамматические явления присущи речи в том числе и образованной части населения, встречаются в устной спонтанной речи с достаточной регулярностью, типичны настолько, что проникают в качестве маркера разговорности, но не просторечности (!) в художественную прозу, встречаются в текстах закадрового перевода иноязычных кинофильмов, а также очень широко представлены в песенной поэзии (так называемая *Música Popular Brasileira*).

Соотношение этих явлений с языковой нормой является проблемой грамматического описания и кодификации бразильского варианта португальского языка на современном этапе, но не является проблемой исключительно социолингвистического характера, которую данные явления представляли в более раннюю эпоху существования бразильского варианта, когда «грамматически неправильное» употребление местоимений характеризовало речь низших и необразованных слоев населения и считалось непрестижным и просторечным.

В заключение можно сказать, что в бразильском варианте португальского языка сосуществуют две парадигмы форм личных местоимений, способных выступать в позиции прямого или косвенного дополнения, то есть имеет место вариативность: безударные формы – нормативные, с точки зрения языковой кодификации, – используются наряду с ударными формами и субъектными формами, которые, в свою очередь, не рекомендуются нормативными грамматиками как допустимые. Дистрибуция нормативных и ненормативных форм претерпела в последние несколько десятилетий определенную трансформацию: будучи изначально маркерами просторечия ударные и субъектные формы личных местоимений распространились в речи образованных слоев населения, конкурируя с безударными формами в текстах различных функциональных стилей не-

официального регистра – устных беседах, художественных текстах, интервью, переписке, медийных текстах. Таким образом, вариативность диастратического (то есть социолингвистического) характера уступила место вариативности диафазической (то есть функционально-стилистической), что в свою очередь затрагивает проблему существующей нормы, поскольку данные явления, являясь формально ненормативными, воспроизводятся с очень высокой регулярностью и не зависят от образовательного уровня говорящих. Приемлемость или неприемлемость такого ненормативного употребления системы местоимений существующими грамматиками зависит от характера грамматического описания: дескриптивные грамматики, опирающиеся на реальный бразильский узус, фиксируют такое употребление местоимений как допустимое в определенном функциональном стиле, нормативные и прескриптивные грамматики, ориентирующиеся на литературные образцы Португалии и отчасти Бразилии конца XIX – начала XX века, не допускают такое употребление. Такое диаметрально противопоставленное отношение грамматик разного типа к одному и тому же языковому явлению – расширение сферы использования одних местоименных форм в ущерб другим – отражает изменение интерпретации данного явления языковым сознанием бразильцев.

Литература

- Rocha Lima C.H.* Gramática normativa da língua portuguesa. Rio de Janeiro: J. Olimpio 2001.
- Bechara E.* Moderna gramática portuguesa. 37 ed. rev. e ampliada. Rio de Janeiro: Editora Lucerna, 2001.
- Cunha C.F., Cintra, L.F.L.* Nova gramática do português contemporâneo. 2a ed. Rio de Janeiro: Ed. Nova Fronteira, 1985.
- Cipro Neto P.* Gramática da língua portuguesa. São Paulo: Scipione 3 ed., 2008.
- Neves M.H.M. de.* Gramática de usos do português. São Paulo: Editora Unesp, 1999.
- Castilho A.T. de.* Nova gramática do português brasileiro. São Paulo: Contexto, 2010.
- Bagno M.* Gramática pedagógica do português brasileiro. São Paulo: Parábola, 2011.
- Perini M.A.* Gramática do português brasileiro. São Paulo: Parábola, 2010.
- Galves Ch.* Ensaio sobre as gramáticas do português. Campinas: Editora da Unicamp, 2001.

*З.Б. Долгих
(МГЛУ)*

О некоторых средствах репрезентации категории градуальности в португальском языке

В современной лингвистике активно развиваются направления, связанные с изучением проблем, лежащих на пересечении разных разделов языкознания. Явное предпочтение отдается исследованию языка и речи в функциональном, точнее, коммуникативном аспекте. Активно продолжают изучаться функционально-семантические категории "количества", "побудительности", "результативности", "приблизительности", "оценки" в междисциплинарной парадигме. Современные ученые уделяют значительное внимание коммуникативной, или прагматической, функции исследуемых категорий, включая воздействующую и регулятивную. В рамках когнитивной лингвистики весьма плодотворными представляются исследования как универсальных, так и специфических категорий и механизмов, существенных для конструирования национально-культурной реальности и осуществления межкультурной коммуникации.

Категория градуальности как универсальная языковая категория давно находится в центре внимания как отечественных, так и зарубежных лингвистов. Предпосылками ее изучения в лингвистике можно считать исследование компаративности, базирующейся на механизмах сравнения. Собственно понятие градуальности впервые было введено Н.С. Трубецким при установлении оппозиционных отношений в фонологии. При этом акцент был сделан на разной степени проявления одного и того же признака. Изучением градуальности как семантической категории занимались Н.Д. Арутюнова, Е.М. Вольф, Ю.Л. Воротников, Е.И. Поцелуевский, Э. Сэпир, А.А. Ховалкина и другие, при этом рассматриваемая категория трактовалась как логико-семантическая [1], [10], лексико-грамматическая [6], лексико-семантическая [4]. Категорию градуальности принято включать в состав языковой категории интенсивности [11] и в состав коммуникативно-прагматической категории усиления [9]. Нередко исследователи сосредотачиваются исключительно на стилистической стороне вопроса, рассматривая градацию как стилистическую фигуру [13], при этом градуальность рассматривается на материале разных языков, в первую очередь английского. Необходимо подчеркнуть, что в романских языках, особенно в португальском языке, в меньшей степени исследован семантический аспект градуирования. В частности, в португальском языке градуальность как самостоятельная

категория ранее практически не рассматривалась исследователями, как не рассматривались операциональные средства градуирования, играющие важнейшую роль в дискурсе любого типа.

В настоящей статье мы рассматриваем градуальность как комплексный и всеобъемлющий феномен. Построение шкал градуирования предполагает сравнение степени проявления признака предмета с точкой отсчета (некой нормой), а также со степенью проявления этого же признака у другого предмета. Пример: *O filme é menos interessante do que o livro; Esta reportagem é mais informativa do que a entrevista; Antes de mais é preciso dizer que servir cocktails é muito mais barato do que servir whiskeys, gins e vodkas, já que muitos ingredientes são bem menos caros do que os bons destilados* [15, с. 23].

Следует отметить, что процесс сравнения может быть как эксплицитным, так и имплицитным, например: *O livro é muito fixe; É a obra mais recente; A festa é bastante animada; E isso mostra que – se quiseres – em pouco tempo conseguirás rastejar como o mais hábil dos répteis* [19, с. 21]; *Os mais snobes insistem nas garrafas mais pequenas, gravadas com tinta branca ou, para impressionar, nas maravilhosas Coca-Colas de meio litro que se fabricam no Brasil* [15, с. 23].

Как видно из примеров, несмотря на то, что формальный показатель сравнения может отсутствовать в тексте и в речи, имплицитное сопоставление может присутствовать и приниматься во внимание коммуникантами. Избежать одномерного подхода к описанию градуальности означает осмыслить тот факт, что градуальность подкрепляется процессами интенсификации, а также непосредственно зависит от оценки говорящим того или иного события, признака, предмета и тесно связана с экспрессивностью и эмоциональностью. При этом нельзя не согласиться с тем, что с опорой на оценку интенсивность проявления признака, объем экспрессивности и степень эмоциональности могут быть измерены и подвергнуты градуированию с использованием синонимической или антонимической сетки значений. Данные факты принято представлять в виде восходящей или нисходящей шкалы, при этом на расположение единиц на шкале влияют имплицитно выраженные эмоциональные и рационалистические оценки субъекта речи. Пример: *O texto é fácil – o texto é tão fácil – o texto é bem fácil – o texto é bastante fácil – o texto é a modos fácil – o texto é realmente fácil – o texto é muito fácil – o texto é mesmo fácil – o texto é mesmo muito fácil – o texto é imensamente fácil – o texto é extremamente fácil – o texto é facilímo.*

Несмотря на видимую простоту расположения определенного ряда единиц по шкале вверх или вниз, градуирование имеет весьма сложный

характер, так как связано с объективными свойствами объекта, интенсивностью присущего ему признака. С другой стороны, присутствует связь с говорящим субъектом, присваивающим признаку количественную оценку. Градуирование имеет прагматический характер, отражая отношение говорящего к языковому знаку и может быть интерпретировано с дискурсивной точки зрения как некий "свободный алгоритм" [7, с. 277], самокорректирующийся механизм интуитивного отбора характеристик и управления ими для выполнения той или иной практической или коммуникативной задачи. Важно осознавать, что те или иные признаки, качества, состояния, явления не могут существовать только в двух – полярных ипостасях. Даже дети интуитивно ощущают асимметрию определенных признаков ("не добрый" – не есть "злой"). Осознавая возможные полярные проявления одного и того же свойства, качества, признака, человек фиксирует в своем сознании и такие их проявления, которые не могут быть приравнены к противоположностям. Наличие в одном объекте двух противоположных черт предполагает, что он не может быть сведен к одной из противоположностей, а являет собой нечто третье, нечто среднее, следовательно, возникает необходимость это среднее выявить, определить, измерить. В лексических парадигмах, построенных на основании градуальных характеристик, наблюдается тенденция речевой коммуникации к повышению степени точности при обозначении бесконечного разнообразия явлений окружающей действительности. Стремление к точности измерения уводит от точности, любая точка отсчета теряет точность, попадая на градуированную "линейку" [1, с. 233]. В этом, собственно, проявляется дискретность и континуальность градуирования.

Следует отметить, что понятие градуальности субъективно, а средства выражения градуальности – объективны, и это парадоксальное сочетание являет собой сложное переплетение семантического, прагматического и грамматического в языковых единицах, формирующих механизм градуирования, способствующий реализации градуальной (градационной) функции.

Как и в любом языке, система средств выражения градуальности в португальском языке (грамматических и неграмматических) отражает спектр мерительных представлений говорящего, и от личной точки зрения градуирующего субъекта зависит выбор средств выражения мерительных отношений. То, как говорящий представляет себе мерность того или иного признака, тесно связано и проходит сквозь своеобразную призму его индивидуального мироощущения и личностной системы мер. Например, актуализация значений «так», «очень», «весьма», «дей-

ствительно», «настолько» на основе семантической единицы *mesmo* способствует выполнению функции указания на степень величины признака: *estou mesmo muito cansada*, – а при употреблении с прилагательными в сравнительной степени имеет градусему «указание на степень различия признака в сравниваемых и сопоставляемых объектах или явлениях», заключает в себе достаточно высокую степень экспрессивности («гораздо», «значительно», «действительно сильно»): *isto é mesmo melhor, esse assunto é mesmo mais simples*. Или, например, *próprio*: может не только иметь значение «личный», но и обретать выделительное, подтверждающее значение, при этом усиливающее качественный признак предмета: «точно тот, тот самый, именно он, тот же, этот, сам, самый» (*Foi a própria Carmélia quem me fez o convite* – Кармелия сама меня пригласила), то есть функционировать как интенсификатор степени качества и выполнять функцию пояснения и выделения. Другой пример: *Existem pessoas estupidas, existem ainda mais estupidas, mas tu és mesmo muito estúpida!* (*ainda mais / mais – muito – mesmo – mesmo muito*). В нем присутствуют разные грани проявления признака, присваиваемые объекту говорящим субъектом. Так называемые градуаторы в этом случае сигнализируют о неадекватности единицы, обозначающей признак, информируют его "полноту" по шкале нарастания согласно представлению и задачам говорящего.

Градуальность присуща языковой единице как таковой и включается в ее семантическую структуру как один из семантический компонент, что позволяет состояться процессу и результату градуирования. В языковой коммуникации этот семантический компонент актуализируется посредством градуальных операций в структурах, включающих опорное признаковое слово и собственно градуатор (назовем его "оператор градуальности"). Операторы градуальности имеют следующие специфические особенности: 1) их количество относительно невелико, вместе с тем количество числительных, измеряющих количество признака и нередко относящихся к градуаторам, безгранично; 2) многие градуаторы не имеют флексии (являются неизменяемыми); 3) предназначены для усиления или ослабления значения флексийных единиц [6, с. 127], опорного слова; 4) являются вспомогательными при построении градуального ряда или шкалы; 5) усиливают или ослабляют проявление того или иного признака, но иногда (нередко) не обозначают самого признака; 6) всегда полисемантичны.

Например: *Se fores demasiado eficaz e tiveres a pontaria afinada, em breve caçarás todos os géneros possíveis que existem na floresta* [19, с. 45]; *Verde de mais, a tua moral treina apenas os músculos que a impedirão de*

apodrecer; Uma rapariga tímida de mais para abandonar o canto daquela sala onde outras raparigas, mais audazes, dançam e se divertem, arriscando, num instante fatídico, o tropeção que as tornará ridículas ou perversas [Ibid, с. 22].

Классификацию градуаторов обуславливает конкретный язык, тем не менее есть основания утверждать, что в большинстве романских языков, включая португальский, присутствуют операторы, которые градуируют интенсивность признака по шкале вверх (выше "нормы"), усиливая семантику опорного слова, и те, которые градуируют по шкале вниз (ниже "нормы"), способствуя ослаблению семантики опорного слова. Операторы могут иметь простую семантическую структуру, это так называемые "чистые", односоставные градуаторы: *tão, tal*. Но они также могут включать другие компоненты и зачастую являются аффективными. Что касается *mais, muito, bem*, то даже они имеют дополнительную коннотацию: *mas é um problema!; cada vez mais interessante; veja bem!; Sua proposta pode ser mais ou menos entendida, dependendo de quem a receber; Bem te digo – tens que pôr mais açúcar no café!*.

Основываясь на типологии интенсификаторов, разработанной Григоренко Т.Н., мы считаем правомерным стремление разграничить степень и меру при попытке классифицирования градуаторов. Степень показывает уровень интенсивности признака относительно разных точек отсчета: "нуля", "нормы", "предела". Мера же всегда соотносится с "нормой", ее нижним и верхним пределами. Мера указывает предел, за которым изменение количества влечет за собой изменение качества объекта, и наоборот [5].

Итак, как показывают вышеизложенные факты, операторы могут быть классифицированы следующим образом:

1) те, которые воздействуют на семантический компонент "градуальность" в семантике определяемой единицы. Данные операторы, как правило, сочетаются с единицами, обозначающими градуируемые признаки, в семантике которых присутствует данный компонент. Данный факт объясняет ограничение на их сочетаемость с абсолютными признаками. Так, например, нельзя сказать: **muito impossível, consideravelmente proibido, bastante cego, muito surdo*;

2) те, которые воздействуют на семантический компонент "предельность" в семантике опорного слова, которое может включать и не включать компонент "градуальность". Они сочетаются со словами, обозначающими предельные градуируемые и неградуируемые признаки: *completamente cego, bem frio, absolutamente impossível*.

По уровню и силе интенсификации градуаторы могут быть сгруппированы следующим образом:

1) операторы предельной степени (*terrivelmente, extremamente, imensamente, tão* и др.) / превзойденной меры (*demais, demasiadamente, excessivo* и др.);

2) операторы высокой степени (*muito, profundamente, consideravelmente* и др.) / предельной меры (*completamente, absolutamente* и др.);

3) операторы достаточной степени (*bastante, assaz* и др.) / полной меры: (*todo, totalmente, inteiramente* и др.);

4) операторы низкой степени (*um bocado, um pouco, simplesmente* и др.) / относительно полной меры: (*perfeitamente, bem*).

Границы между этими уровнями градуирования не являются абсолютными. Каждый уровень имеет свое ядро, фокусный показатель, вокруг которого группируются различные единицы. Они включают основную сему, характерную для этого уровня градуирования, но имеют различия относительно периферийных и коннотативных компонентов. Переходные, диффузные зоны единиц весьма интересны с точки зрения репрезентации градуальности и набора модальных и коннотативных компонентов (*tanto quanto, mesmo, próprio / este, esse, aquele / que, qual, como / algo, alguém, nada, ninguém* и др.).

O guarda-livros, num repelão, ordenou: Tire esse bandido da minha frente, João! Tome conta dele! [16, с. 300]; Ora essa!; Essa não!; Mais esta!...; Essa é boa!; Essa cá me fica!; Esta é fina! [17, с. 339]; Mas que belo é! Como é inteligente!; Mas como explicar isto a quem não confunde arquitetura com metafísica? [19, с. 55]; O álcool pode ser líquido, mas não pode ser tratado como tal [18, с. 122]; Cada qual sabe de sua vida [Ibid]; Uma das últimas tentativas para exigir, em nós próprios, a persistência de um simples segredo [19, с. 12]; O que é preciso é cada um multiplicar-se por si próprio (Bernardo Soares) [18, с. 15].

В португальском языке присутствует ряд операторов градуальности, таких как *muito, pouco, mais, menos, mesmo* и др., имеющих очень высокую частотность употребления в сравнении с русским, английским и рядом романских языков. В сравнении с испанским (*muuy linda*, но *muchos problemas*) в португальском это выглядит по-другому: *muito linda* и *muitos problemas*. Представляет интерес сочетаемость *muito* с единицами, не имеющими градуируемого признака, например: *Ela é muito nossa* (она такая родная, она по-настоящему своя); а также те случаи, когда *muito* обретает превосходную степень сравнения: *muitíssimo (muitíssimo obrigados)* или же употребляется в сочетании с другим градуатором, модифицируя значение последнего и усиливая общий результат градуирования: *O texto é muito pouco gramatical*.

Следует подчеркнуть, что компаративный анализ процесса градуирования и средств, обеспечивающих механизм градуирования в тексте, может быть весьма перспективным. Вопросы, изложенные в статье, могут стать предметом дальнейшего исследования проблемы градуирования, а также углубления общего представления о функционально-семантической категории градуальности. Результаты проведенного исследования не исчерпывают всей сложности и многообразия данной проблемы, но имеют очевидное практическое и теоретическое значение.

Литература

1. *Арутюнова Н.Д.* Типы языковых значений: Оценка, Событие, Факт. – М.: Наука, 1988. – 341 С.
2. *Вольф Е.М.* Функциональная семантика оценки / Вступит. ст. Н.Д. Арутюновой, И.И. Чельшевой. Изд. 4-е. – М.: Книжный дом "ЛИБРОКОМ", 2009. – 280 С. (Лингвистическое наследие XX века.)
3. *Воротников Ю.Л.* Функционально-грамматическая сфера градационности признака в современном русском языке: Дис. ... канд. филол. наук. М., 1987. 214 С.
4. *Горшкова В.Е.* Коннекторы градации в современной французском языке: Дис. ... канд. филол. наук. М., 1995. 202 С.
5. *Григоренко Т.Н.* Способы интенсификации в португальском языке: Автореф. ... канд. филол. наук – М. Академия наук СССР Институт языкознания, 1987. – 24 С.
6. *Колесникова С.М.* Функционально-семантическая категория градуальности в современном русском языке: Учебное пособие. – М.: Высшая школа, 2010. – 279 С.
7. *Петряков Л.Д.* Дискурсия как метод гуманитарного знания: монография / Л.Д. Петряков. – М. : ФЛИНТА : Наука, 2013. – 304 С.
8. *Поцелуевский Е.И.* Нулевая степень качества. – В кн.: Проблемы семантики. М.: Наука, 1974, С. 229–248.
9. *Сущинский И.И.* Коммуникативно-прагматическая категория акцентирования и ее роль в вербальной коммуникации (на материале немецкого языка) // Вопросы языкознания. № 6. 1987. С. 110–120.
10. *Сэтир Э.* Градуирование: семантическое исследование // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 16. Лингвистическая прагматика. М.: Прогресс, 1986. С. 43–78.
11. *Туранский И.И.* Семантическая категория интенсивности как понятие экспрессивной стилистики // Проблемы экспрессивной стилистики. Вып. 2. Ростов н/Д., 1992. С. 27–34.

12. *Ховалкина А.А.* Лексическое выражение степени величины признака в современном русском языке Симферополь: Таврия, 1995. – 132 С.
13. *Щербаков А.В.* Градация как стилистическое средство современного русского языка // Речевое общение: Специализированный вестник. Вып. 3(11). Красноярск, 2000. С. 127–132.
14. *Amado, Jorge:* *Mar morto;* romance, 18ª edição São Paulo, Martins 68, p. 95.
15. *Cardoso, Miguel Esteves:* *Com os copos,* Assírio e Alvim (2007), Lisboa, 219 pp.
16. *Castro, Ferreira de:* *Obra Completa.* Rio de Janeiro, Aguilar, 1958-1961. 3V, I, p. 300.
17. *Cunha, Celso; Cintra, Lindley:* *Gramática do Português Contemporâneo,* Edições João Sá da Costa, Lisboa, 18ª edição, 2005, p. 339.
18. *Pessoa, Fernando:* *Aforismos e afins,* edição Richard Zenith, Assírio e Alvim, Lisboa, 2005, 89 pp.
19. *Tavares, Gonçalo M.:* *Breves notas sobre o medo,* Relógio D'Água Editores, Maio 2007, Lisboa, 69 pp.

*П.Э. Егизарян
(МГУ имени М.В. Ломоносова)*

**Сравнительный анализ дейктических средств итальянского
и португальского языков на материале переводов романа
М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита»**

Дейксис и дейктические средства – важный объект современных лингвистических исследований, работа по их изучению не прекращается, начиная с первой половины XX в. В данной статье будут представлены результаты сравнительных исследований итальянских и португальских дейктиков, проведённых на материале переводов романа М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита» [17].

Понятие дейксиса

Чтобы полноценно провести сравнительный анализ дейктических средств и изложить его результаты, важно знать, какое значение вкладывается современной наукой в это понятие и как оно развивалось в истории.

Само слово «дейксис» восходит к древнегреческому δειξις. Аристотель понимал под этим «доказательство». Значительно позднее это слово появляется у Плутарха и Диогена Лаэртского в значениях «показ», «указание» [16], в этом значении оно закрепляется в лингвистике [14, с. 128].

Предвестниками собственно лингвистического изучения дейксиса были исследования основоположника семиотики Ч. Пирса (1839–1914 гг.), который говорил об особом типе знаков-индексов, где означающее обладает динамической связью с означаемым. В его концепции такими знаками являются, например, указательные местоимения [9, с. 208].

Исследования дейксиса в рамках языковедения начал немецкий учёный К. Бругманн (1849–1919 гг.), продолжил их другой исследователь из Германии, К. Бюлер (1879–1963 гг.).

Бюлер в книге «Теория языка. Репрезентативная функция языка» [4] освещает различные вопросы, связанные с представлениями Бругманна, который выделял следующие четыре типа дейксиса.

Во-первых, это *deг*-дейксис. Данный тип дейксиса предназначен для указания на близкие к говорящему объекты.

Во-вторых, это *ich*-дейксис, который обозначает место нахождения говорящего.

В-третьих, это *du*-дейксис, указывающий на местоположение слушающего.

В-четвёртых, это *jeneg*-дейксис, используемый для обозначения дальнего объекта.

Швейцарский лингвист Я. Ваккернагель (1853–1938 гг.) несколько уточняет выводы Бругманна и предлагает для выделенных им типов дейксиса более логичные и ясные, на его взгляд, термины *to*-дейксис, *hic*-дейксис, *istic*-дейксис и *ille*-дейксис соответственно.

Бюлер, опираясь и на Бругманна, и на Ваккернагеля, пытается переосмыслить такую структуру и описывает дейксис в виде «указательного поля» (*Zeigefeld*). Центром такого поля будет точка *ich-hier-jetzt* («я-здесь-сейчас»). Таким образом, он выделяет персональный, пространственный и темпоральный дейксис.

Обращая внимание на условия коммуникации, Бюлер говорит ещё о трёх типах дейксиса: наглядном дейксисе (объект указания виден собеседникам), контекстуальный или анафорический дейксис (объект уже был назван ранее), а также дейксис к воображаемому, или *am Phantasma* (объект имеет отношение к полученному ранее общему знанию).

Проблемами дейксиса занимался также такой именитый датский лингвист как О. Есперсен (1860–1943 гг.). В своём труде «*Language, its nature, development, and origin*» (1922 г.) он использует понятие «шифтер», обозначая им такие языковые единицы, употребление которых зависит от контекста коммуникации [12, р. 123–125].

Позже Есперсен говорит о шифтерах в своей «Философии грамматики» (1935 г.), оперируя также понятием местоимения. Он показывает, что местоимения – это не просто заменители имени (если они вообще таковыми являются), это языковые средства, указывающие на что-либо. При этом сам круг того, что можно назвать местоимениями, с точки зрения Есперсена, крайне сложно чётко обозначить, и в итоге под ними он объединяет шифтеры, реляционные слова, слова-заменители и некоторые другие единицы [6, с. 90–92].

В последствии понятие шифтеров использует также Р.О. Якобсон, продолжая мысль о том, что шифтером может быть и грамматическая категория, при этом согласование времён является грамматикализованным переносом дейктического центра. Кроме этого, Якобсон говорит о соотношении дейктических и недейктических единиц (например, наречий места и времени) [13, р. 193].

Все вышеописанные идеи, безусловно, повлияли на современные представления о дейксисе.

По определению Лингвистического энциклопедического словаря, дейксис – это «указание как значение или функция языковой единицы, выражаемое лексическими и грамматическими средствами» [14, с. 128].

В научной литературе используется также определение Д. Лайонза: «Под дейксисом понимается локация и идентификация лиц, предметов, событий, процессов и действий, о которых говорят или к которым отсылают относительно пространственно-временного контекста, создаваемого и поддерживаемого актом высказывания и участием в нем, как правило, одного говорящего и, по крайней мере, одного адресата» [7, с. 539].

В современной лингвистике, несмотря на множество различных подходов к изучению дейксиса, сложились определённые идеи, общие для большинства исследователей, например, все соглашаются с тем, что дейксис эгоцентричен (т.е. говорящий при указании на что бы то ни было в качестве точки отсчёта выбирает себя). К этому принципу сводятся даже утверждения тех, кто говорит о дуоцентричности дейксиса [3, с. 7, 8]. Кроме того, все учёные сходятся в том, что существует несколько основных типов дейксиса, и практически все выделяют дейксис предметный, пространственный и темпоральный, добавляя к ним те или иные дополнительные типы.

Далее мы будем излагать материал именно по этим трём основным типам дейксиса. Отметим, что для работы были использованы следующие переводы: перевод на итальянский язык К. Валоти [18] и перевод на европейский португальский язык А. Пешкады [19].

Предметный дейксис

Задача предметного дейксиса – указать на определённый объект в пространстве. Функции такого указания могут выполнять различные части речи, и самая очевидная из них – указательные местоимения. При этом нужно понимать, что обычно указательные местоимения не могут не выражать также и значений пространственного дейксиса, то есть указания на то, близок объект к говорящему или нет. Данный вопрос мы рассмотрим позже, а сейчас обратимся к частям речи, тесно связанным с указательными местоимениями (как минимум, часть из них имеет этимологическую связь с указательными местоимениями), и при этом не выражающим пространственных значений: к личным местоимениям и артиклям.

Личные местоимения указывают на участников (или не-участников) коммуникативного акта (иногда это выделяется в особый подвид дейксиса, ролевой дейксис). В португальском и итальянском языках личные местоимения имеют сходное происхождение, хотя расходятся в некоторых аспектах. Относительно их использования в изученных текстах можно сделать следующие наблюдения:

1. Неупотребление личных местоимений в обоих языках не маркировано (в отличие, скажем, от русского), грамматической формы (которая, конечно же, тоже является составляющей дейктической системы) оказывается достаточно для указания на лицо. Это видно в переводе слов «– И что же он? – Он отказался...»: на португальском это звучит как «– E *ele*? – Ø *Recusou-se...*» без личного местоимения в ответе, а на итальянском «– Come Ø *ha riagito?* – Ø *Ha rifiutato...*», то есть вовсе без личных местоимений.

2. Встречаются случаи использования личных местоимений в одном языке там, где они опускаются в другом (в обоих направлениях). Так, слова «Он внезапно перестал икать...» на португальском звучат как «Ø *Deixou subitamente de soluçar...*», а на итальянском как «A un tratto *egli* smise di singhiozzare...». В реплике «– Ты думаешь?», наоборот, местоимение имеется в португальском и отсутствует в итальянском: «– *Tu* achas?» и «– Ø *Credi?*» соответственно. Выявить в этом какую-либо закономерность здесь не удаётся.

3. В целом использование личных местоимений в португальском и итальянском языках сходно.

В случае с артиклями наблюдается несколько отличная ситуация. Хотя не все учёные согласны с тем, что артикль можно считать дейктическим средством (это связано с довольно сложной проблемой различия дейксиса и анафоры), всё же существует понятие артиклевого дейксиса, и текст «Мастера и Маргариты» был изучен также на предмет сходства и различия использования артиклей. Здесь нужно отметить следующие моменты:

1. Функции португальского и итальянского артиклей (как определённого, так и неопределённого) весьма сходны. Это видно из множественных примеров одинакового их использования: фраза «был в ковбойке» переводится на португальский как «*vestia uma* camisa de cowboy», а на итальянский как «*indossava una* camicia scozzese»; «Поэт... внимательно слушал» на португальском звучит как «*O* poeta... *escutava* atentamente», а на итальянском как «*Il* poeta... *ascoltava...* con *attenzione*».

2. Артикли в обоих языках могут употребляться как непосредственно с существительным, так и при наличии притяжательного местоимения при нём: словосочетание «спутник его» в португальском тексте предстаёт в виде «*o* seu *companheiro*», в итальянском – «*il* suo... *accompagnatore*».

3. Из-за отсутствия артиклей в русском языке, португальский и итальянский переводчики периодически выбирают разные стратегии

«толкования» написанного, что приводит их к использованию разных артиклей. Всем известное название первой главы романа «Никогда не разговариваете с неизвестными» понимается португальским переводчиком в смысле запрета на разговор с теми людьми, которые составляют часть от множества неизвестных, и поэтому он не использует артикль (т. е. имеет место категория неопределённости): «Nunca falem com \emptyset desconhecidos». Для итальянского переводчика первична совокупность всех незнакомцев, и он предпочитает определённый артикль: «Non parlare mai con *gli sconosciuti*».

4. В определённых случаях португальским в принципе не допускается артикль там, где допускается итальянским, например, при отрицании обладания: слова Иешуа «У меня нет постоянного жилища» переводятся на итальянский как «Non ho *una* dimora fissa», а на португальский как «Não tenho \emptyset morada permanente».

5. Нередко итальянскому не требуется обязательное выражение определённости там, где требуется португальскому, например, что касается неотторжимых объектов: «в руке» на португальском звучит как «na mão», в итальянском просто «in mano», «от всего сердца» на португальском – «de todo o coração», на итальянском «di tutto cuore» и т.д., таких примеров весьма много.

6. Безусловно, по-разному в португальском и итальянском выражается партитивность. В португальском, в отличие от итальянского, нет такого класса как партитивные артикли. Обычно значение партитивности в португальском языке выражается нулевым артиклем: «Пиво есть?» – порт. «Tem \emptyset cerveja?», ит. «Ha *della* birra?».

7. У приведённого ранее утверждения, что в рассматриваемых нами языках возможно использование определённого артикля с притяжательными местоимениями, есть одно исключение: итальянский язык не позволяет такого с терминами близкого родства. В современном европейском португальском такого нет, поэтому слова «мой отец был сириец» на итальянском звучат как « \emptyset mio padre era siriano», а на португальском как «o meu pai era sírio».

8. Несоответствия между языками наблюдаются и в обозначении неопределённого множества. В португальском языке для этого существуют такие местоимения как *uns*, *umas*, в итальянском языке подобные значения зачастую выражаются числительными (обычно чётными, *due*, *quattro*): русское «пару слов сказать» переводится на итальянский как «dire due parole», а на португальский как «dizer umas palavras».

Пространственный дейксис

Перейдём теперь к выражению пространственных значений. Как указывает Борис Андреевич Успенский, обычно различают две системы пространственного дейксиса: «distance-oriented», она основывается на относительной близости объекта к говорящему, и «person-oriented», она ориентируется на разных участников коммуникации [11, с. 5].

Латинскому языку была свойственна система «person-oriented», пространство членилось на 3 части: местоимение HIC указывало на объект рядом со говорящим, ISTE – на объект рядом с собеседником, ILLE – на объект, находящийся далеко от обоих [8, с. 105]. В народной латыни эта система претерпевает некоторые изменения: ISTE расширяет сферу своих значений и постепенно вытесняет HIC, IPSE (в классической латыни – «сам») начинает использоваться вместо некоторых других местоимений и в итоге занимает место, которое ранее занимало слово ISTE, у ILLE также расширяется значение, однако оно сохраняет за собой указание на отдалённый объект [10, с. 19, 34, 35].

В португальском языке такое деление сохранилось, хотя в истории языка и были некоторые колебания и изменения [5, с. 53]. В настоящее время мы видим систему *este – esse – aquele* [1, с. 310, 311].

Italiano standard отошёл от этого в пользу двухчастной системы «distance-oriented» с противопоставлением «близко к говорящему» *questo* – «далеко от говорящего» *quello*. Трёхчастная система *person-oriented* сохраняется в Тоскане со средним элементом *codesto* «этот рядом со слушающим» (этимология, по-видимому – *ECCU + TI(BI) + ISTU(M)), но оно практически не используется в современном языке, и лексема *codesto* не встречается в рассмотренном нами переводе. Местоимение IPSE здесь приняло вид *esso*, оно зафиксировано лишь в староитальянском языке в том же значении, что и *questo* [2, с. 111, 112].

В русском языке тоже используется двухчастная система «distance-oriented», это необходимо учитывать при рассмотрении дейктических средств в итальянском и португальском переводах романа и принимать во внимание соотношение указательных местоимений и других пространственных дейктиков, использованных автором и переводчиком.

По поводу использования указательных местоимений в португальском и итальянском языках можно сказать следующее:

1. Нередко местоимения используются аналогично. К примеру, слова «– Вот на это-то...» переводятся на португальский как «– *E é isto...*», на итальянский как «– *È questo...*».
2. Достаточно часто русское «этот» переводится на итальянский как *questo*, а на португальский как *esse*. Это может относиться, напри-

мер, к тем ситуациям, когда говорящий не может непосредственно указать на объект. Словосочетание «об этом рождении» португальский переводчик передаёт как «sobre *esse* nascimento», итальянский же – как «su *questo* evento».

3. Иногда русское «этот» переводится на итальянский как *quello*, а на португальский опять-таки как *esse*. Слова «этого... вечера» переводятся на португальский как «*dessa... poite*», на итальянский же – как «*di quella... serata*». Это показывает, что итальянский не может механически воспроизводить русскую структуру, несмотря на общую для этих языков двухчастную систему. В то же время португальский по-особому оценивает координаты объекта высказывания и снова останавливается на втором варианте своей трёхчастной системы.

4. Есть примеры, когда португальскому указательному местоимению соответствует итальянский определённый артикль. Например, «человек был росту громадного»: в португальском это «*esse* homem era de estatura enorme», в итальянском просто «*l'uomo* era di statura gigantesca».

5. Также есть контексты, когда в итальянском используется указательное местоимение, а в португальском личное. Русское «от неё нет средств» передаётся на португальский язык словами «*contra ela* não existe remédio», а на итальянский – «*da questa* non c'è salvezza».

Пространственные действительные средства типа «здесь» – «там» (ит. *qui* – *là*, порт. *aquí* – *aí* – *lá*) в целом соотносятся по своему употреблению с тем, что сказано относительно указательных местоимений.

Темпоральный дейксис

Некоторые из рассмотренных выше средств могут использоваться и для обозначения темпорального дейксиса, указания на время. Так, «сегодня вечером» передаётся на португальский как «*esta poite*», на итальянский как «*questa sera*», то есть в обоих языках обращается внимание на непосредственную близость сегодняшнего вечера.

Другие элементы пространственного дейксиса также могут встречаться в темпоральных значениях, правда, далеко не всегда они совпадают:

1. Русское «тут», выражающее темпоральность, может передаваться на итальянский язык как *qui*, то есть «здесь», на португальский же как *então*, у которого нет пространственного значения: ср. «Тут приключилась...», «E *então* ocorreu...» и «*Qui* avvenne...».

2. Русское «опять» может восприниматься итальянским с акцентом на постоянство: «опять она» – «*sempre lei*», а португальским с акцентом на повторяемость – «*ela outra vez*».

Заключение

Таким образом, можно сказать, что португальская и итальянская дейктические системы обладают немалым количеством сходств (по крайней мере в тех базовых типах дейксиса, которые мы рассмотрели), как в плане содержания, так и в плане выражения. При этом, безусловно, у них есть и множество отличий как с точки зрения системы (когда языки по-разному членят реальность и, соответственно, указывают на неё), так и с точки зрения стратегии интерпретации иноязычного повествования (когда переводчики по-разному воспринимают один и тот же русский языковой факт, и используют разные средства для его передачи на своём языке).

В дальнейшем настоящее исследование можно продолжить на материале других переводов (как с третьего языка, так и с одного языка на другой), обращая особенное внимание на системные различия и сходства, которые не могут быть обусловлены идиолектом того или иного переводчика, стилем повествования или другими внешними факторами. Кроме этого, следовало бы проработать другие типы дейксиса, кроме предметного, пространственного и темпорального, а также решить все теоретические вопросы, связанные с различием дейксиса и других схожих категорий.

Литература

Научная литература

1. *Алисова Т.Б.* Введение в романскую филологию. Учебник / Т.Б. Алисова, Т.А. Репина, М.А. Таривердиева. 3-е изд., испр. и доп. – М.: Высшая школа, 2007. – 453 с.
2. *Алисова Т.Б., Чельшева И.И.* История итальянского языка: От первых памятников до XVI века: Монография. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 2009. – 440 с.
3. *Апресян Ю.Д.* Дейксис в лексике и грамматике и наивная модель мира // Семиотика и информатика. Вып. 28. – М.: Языки русской культуры, 1986. – С. 5–32.
4. *Бюлер К.* Теория языка. Репрезентативная функция языка. – М.: Прогресс, 2001. – 528 с.
5. *Вольф Е.М.* История португальского языка: Учебник для институтов и факультетов иностранных языков. – М.: Высшая школа, 1988. – 264 с.
6. *Есперсен О.* Философия грамматики / Пер. с англ. В.В. Пассека и С.П. Сафроновой. Под ред. и с предисл. Б.А. Ильиша – М.: Издательство иностранной литературы, 1958. – 404 с.

7. *Лайонз Д.* Введение в теоретическую лингвистику. – М.: Прогресс, 1978. – 544 с.
 8. *Малинаускене Н.К.* Введение в историю латинского языка (классический период): Курс лекций. Материалы для практических занятий. – М.: ГЛК, 2006. – 272 с.
 9. *Пирс Ч.* Избранные философские произведения. Пер. с англ. / Перевод К. Голубович, К. Чухрукидзе, Т. Дмитриева. – М.: Логос, 2000. – 448 с.
 10. *Пиотровский Р.Г.* Формирование артикля в романских языках: Выбор формы. Изд. 3-е. – М.: Издательство ЛКИ, 2013. – 184 с. (История языков народов Европы).
 11. *Успенский Б.А.* Дейксис и вторичный семиозис в языке // Вопросы языкознания. №2, 2011. – М.: Наука, 2011. – С. 3–30.
 12. *Jespersen O.* Language, its nature, development, and origin. – London: George Allen & Unwin Ltd., 1922. – 448 p.
 13. *Fludernik M.* Shifters and deixis: Some reflections on Jakobson, Jespersen and reference // Semiotica 86, 1991. – Berlin: Mouton de DeGruyter, 1991. – P. 193–230.
- Справочная литература
14. *Виноградов В.А.* Дейксис // Языкознание. Большой энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева. 2 (репр.) изд. «Лингвистического энциклопедического словаря» 1990 г. – М.: Большая Российская энциклопедия, 1998. – С. 128.
 15. *Кибрик А.А.* Дейксис. // Энциклопедия Кругосвет. URL: http://www.krugosvet.ru/enc/gumanitarnye_nauki/lingvistika/DEKSIS.html (дата обращения: 04.06.2015). – 4 с.
 16. δειξίς, εως, ή // Alpha online. Древнегреческо-русский словарь Дворецкого. URL: <http://gurin.tomsknet.ru/alphaonline.html> (дата обращения: 16.06.2015).
- Источники
17. *Булгаков М.А.* Мастер и Маргарита: Роман / Вступ. ст. В. Петелина; Худож. А. Симанчук. – М.: Детская литература, 2004. – 490 с.; ил. – (Школьная библиотека).
 18. *Bulgakov M.* Il maestro e Margherita / trad. di C. Valoti. – Roma: Fermento, 2015. – 352 p.
 19. *Bulgakov M.* Margarita e o Mestre / trad. de A. Pescada. – Lisboa: Colecção Mil Folhas, 2002. – 447 p.

*К.А. Елохин
(ИВИ РАН)*

Визуализация участников процессий Corpus Christi в Лиссабоне в первой половине XVI в.

История процессии праздника Тела и Крови Христовой (лат. Corpus Christi) насчитывает не один век. Традиция проведения публичных, как светских, так и религиозных, церемоний и шествий, имеет ещё древнеримские корни. В Португалии этот праздник сначала именовался «процессией святого Георгия»¹, и позже стал называться «днём Тела Бога» (порт. dia do Corpo de Deus). Фигура святого Георгия всегда была центральной, или одной из центральных, ей же она остаётся и поныне. В течение столетий регламент процессии неоднократно изменялся, более того, в разное время, в разных городах и странах проведение процессии было не похожим друг на друга, за исключением литургических основ. Именно на проведение праздника Corpus Christi в Средневековье и начале Нового времени тратились огромные средства городских бюджетов².

Праздник Corpus Christi был введён во всём католическом мире папой Урбаном IV в 1264 г., и буквально через 2 года он уже отмечался в Португалии, в Коимбре. Праздник приходится на второй четверг после праздника Святой Троицы, или 60 день после Пасхи, и отмечается между 21 мая и 24 июня. С точки зрения богослужения, наиболее важной частью праздника считается месса, на которой читаются литургические тексты, относящиеся к таинству евхаристии. Во многих общинах богослужение проводится под открытым небом, например, на площадях. Публичное проведение церемонии берёт начало в 1317 г., с установлений папы Иоанна XXII. После богослужения обычно начинаются торжественные процессии – праздничные шествия по улицам города, сопровождаемые танцами, пением псалмов и молитв. Затем процессия возвращается в церковь, где исполняются песнопения «Tantum Ergo» и «Te Deum».

Церемонии подобные Corpus Christi проводились в течение Позднего Средневековья и Нового времени в католическом мире повсеместно³. Но наиболее зрелищными были, по признанию самих португальцев, церемонии в Лиссабоне и Порту. Более того, именно процессии в Лиссабоне и Порту служили образцом для подобных церемоний в Америке.

В Средневековье в день празднования Corpus Christi в Португалии и соседней Кастилии во время войн даже останавливались боевые действия⁴, настолько этот праздник был важен для людей того времени.

Уже с XIV в. участники процессии Corpus Christi исполняли пантомимы, и даже небольшие мистерии, связанные с житиями святых⁵. Также они несли знамёна, большие восковые свечи (позже заменённые фафакелами и светильниками), и фигуры святых. Помимо этого, они несли фигуры драконов, виверн, чертей и т.д., образная наполненность которых имела демоническое начало.

Что же представляла, по сути, процессия Corpus Christi в Португалии XVI в.? Ответ на этот вопрос мы узнаем чуть позже. Можно говорить о нескольких уровнях восприятия этой процессии. Первый – это официальное восприятие праздника через догматы католической веры – единение с Богом посредством его принятия через святые дары. Второй – собственно португальское видение этой процессии как сочетания латинского обряда и местных культов, имеющих корни, как среди античных, так и более поздних, арабских традиций. Третий же уровень – демонстрация обществу (зрителям: как низам общества, так и его верхам) социального статуса, которым обладала та или иная гильдия, выражавшаяся в *совокупном* ношении знамён гильдий и приходов, выносных крестов, свечей (а позже, светильников), эмблем, фигур святых, демонов, в исполнении танцев (например, с мечами), в демонстрации персонифицированных фигур гильдейских судей.

Одной из специфических черт, присущих проведению церемонии Corpus Christi в Португалии (и Бразилии) являются тапетеш (порт. tapetes) – дословно «ковры» – выложенные на дороге, по которой движется процессия, из лепестков и целых цветов картины на религиозные темы. Традиция берёт начало в Средневековье, но точное время её возникновения неизвестно.

В авангарде, под общим знаменем имеется в виду пендон – т.е. хоругвь (изображавшие местнотимых святых и общих небесных покровителей того или иного ремесла и, как правило, того прихода, к которому принадлежали гильдии, иногда таких святых могло быть несколько), шли представители ремёсел, связанных со строительством: печники, угольщики, черепичники и кирпичники, и давилщики вина/масла, которые исполняли танец жуденга (judenga).

Вероятно, жуденга, как и мориска, изначально были танцами соответствующих национальных меньшинств, но после изгнания и крещения иудеев, и ассимиляции морисков, эти танцы стали исполняться христианами⁶.

По одной из версий, жуденгу танцевали переодетые раввинами люди либо со своими жёнами, либо с Книгой Законов в руке. Танцоры должны были быть одеты в яркие одежды, перевязанными лентами с

мишурой и бубенчиками. В руках у них были лук и стрелы, они должны были кривляться и гримасничать.

Следует также отметить, что дополнительным способом визуализации, подчёркивающим особое положение иудеев, являлось обязательное ношение на одежде отличительного знака, обычно в форме колеса или круглой латки желтого цвета, а позднее – шляпы с рогом, символизирующим дьявола⁷, введённое постановлением канона 68 IV Латеранского собора (11–30.11.1215 г.), созванного папой Иннокентием III. Подобные знаки иудеи носили и в землях, принадлежащих мусульманам⁸. Знак исполнял двойную функцию: с точки зрения христиан, для иудеев он был позорным клеймом, а для колеблющихся в вере христиан (например, женатых на иудейках) – знаком предупреждения. Для самих иудеев этот знак исполнял ещё одну функцию – с его помощью вырабатывалась и укреплялась их групповая солидарность⁹.

Возможно, хотя и сомнительно, что пародийные танцы вроде жуденги и моуриква могли таким образом отражать негативные настроения в обществе. Затем в процессии шли кузнецы и замочники, также под общим знаменем и несли фигуру Сежиториу.

Можно предположить, что это могла быть фигура Стрельца (Sagitário) т.е. кентавра, вооружённого луком со стрелами. В окружении таких мифических существ как дракон и виверна, она выглядела вполне естественно.

За кузнецами и замочниками шли плотники, которые шли под собственным знаменем и несли две фигуры – Виверны (Serpe) и Дикаря – «лесного великана» (silvagem grande).

Образ Виверны (Serpe) происходит от лат. Serpo, -ere, т.е. «ползать, пресмыкаться», что, несомненно, роднит его с англ. the Serpent, т.е. Змеем-искусителем, в том числе и с его геральдическим образом. Однако португальская виверна имеет отличия, считаясь символом Зла лишь отчасти, так образ виверны присутствует на гербе Авишской династии и некоторых дворянских фамилий, например, Серпа (Serpa). Очевидно, что для португальцев образ виверны был гораздо более многозначен, чем принято считать.

Дикари, «дикие люди» наряду с сатирами считались олицетворением необузданной природы, их нередко сравнивали с великанами¹⁰. Фигура Дикаря явно им родственна. Фигура и образ «Дикого человека», или, как именовал его В.П. Даркевич, «вегетативного демона» «была очень популярна в XIV–XVI вв. в придворных балетах-момериях. Персонажи, украшенные ветками и цветами, отражали древние поверия о благодетельных духах поля, урожая и леса. Закутанный в зелень юноша, со срублен-

ным деревцем в руках символизировал возрождение растительности... в дворцовых маскарадах традиционный образ «человека в листве» подвергся радикальному переосмыслению. В куртуазной литературе дикий человек – абориген легендарных стран Востока, покорённых Александром Великим, или обитатель непроходимых лесных чащ»¹¹.

В Португалии образ дикого человека имел дополнительный смысл и включал в себя двойственные представления о бразильских индейцах, живущих в джунглях, которых воспринимали и как простодушных дикарей, лишённых Слова Божьего, и требовавших обратить их в католичество, и как людей, сочетающих в себе отрицательные, дьявольские черты (украшения из перьев, раскраска тела и т.д.)¹².

Следом шли верёвочники, седельщики, бурдючники и красильщики под общим знаменем и несли 4 тёмных раскрашенных конька (*cavalinhos fuscos bem feitos e pintados*).

Под коньками понимались макеты коней, с отверстием посередине, которые крепились на человеке с помощью специальных ремней или верёвок в районе пояса. Они надевались участниками как светских, так и религиозных шествий во многих странах Западной Европы со времён позднего Средневековья. По сути, они являлись подобиями турнирных коней, укрытых цветными попонами.

Затем двигались лодочники – владельцы барок, под собственным знаменем и фигурой св. Христофора с маленьким Иисусом на шее (в католической традиции Св. Христофор изображался великаном, переносящим Христа: традиция берёт начало в его имени, которое буквально означает «несущий Христа»). Иисус изображался именно младенцем, а не подобием взрослого с крошечным телом, что отличало его от подобной общепринятой манеры изображения детей. Фигура святого Христофора могла быть как андором, т.е. статуей, которую несли несколько человек, так и куклой, внутри которой шёл человек.

Потом шли три женские гильдии: розничных торговок – перекупщиц и торговок рыбой и продавщиц фруктов. Судя по тексту источника, обе фигуры (св. Христофора и Иисуса) они должны были делать вскладчину с лодочниками. Не удивительно, что они ничего не несли – фигуры должны были быть тяжёлыми, и женщинам их нести было не под силу. Однако женщины держали в руках дудки и небольшие цилиндрические барабаны – тамбурины. Розничные торговки-перекупщицы покупали рыбу, зелень, фрукты с целью последующей перепродажи. Интересное определение англ. слову *billingsgate* (площадная брань) давал А. Виейра, описывая розничных торговок-перекупщиц (*Regateiras*), как грубых и невоздержанных в речах торговок речной рыбой¹³.

Каменотёсы и каменщики несли общее знамя (видимо, своего прихода), и несли макеты-зámки. Среди них были те ремесленники, которые занимали должность гильдейского судьи («императора») – т.е. были состоятельными людьми, носящими корону.

Портные, портнихи и ткачихи на низких станках шли под общим знаменем и несли фигуры «императора» (Emperador), Императрицы (Emperatriz) со свитой из восьми Дам (Damas), аккомпанируя себе на дудках и тамбуринах.

Фигура «императора» являлась персонифицированным изображением гильдейского судьи, и право на шествие с подобной фигурой отражало более высокий статус гильдии относительно других корпоративных объединений¹⁴. «Императором» судья назывался не случайно, поскольку, согласно бытовавшим в обществе со времён Средневековья представлениям о «regnum или imperium как совокупности властных полномочий, особого достоинства – dignitas – и высоких обязанностей»¹⁵, обладал этой совокупностью властных полномочий и обязанностей. Одежда «императоров» и «королей» была выполнена с большим обилием украшений, и делала ярче всё шествие.

В образе «императрицы» могла быть изображена супруга гильдейского судьи. Или, что вероятнее, глава женской части гильдии. Но это далеко не полное толкование данного образа: «императрица» с восемью Даминами также хорошо укладываются в образ Девяти совершенных дам¹⁶, введённых в европейскую литературу Эташем Дешаном (конец XIV в.), что совершенно не противоречит другим культурным архетипам, которые могли сочетаться в их образах.

Далее шёл некий «праздник города». Видимо, имелось в виду, театральные сцены, разыгрываемые горожанами и оплаченные муниципалитетом, которые были настолько привычны, что не нуждались ни в каких пояснениях. Возможно, их исполняли дубильщики, т.к. сапожники, шедшие следом, шли за портными и дубильщиками.

Затем снова появлялся Св. Христофор. Участники процессии либо несли фигуру этого святого, либо его мог изображать какой-нибудь член гильдии (вероятно, сапожников, т.к. они шли следом).

Затем шли сапожники, под собственным знаменем, с тамбурином и дудкой, исполнявшие танцы морисков, девушки принадлежавшие к их гильдии исполняли сцены из жизни Св. Клары. Семь мавров, представленных королём (речь могла идти как об актёрах, загримированных тёмной краской, так и о настоящих морисках, или о рабах-неграх), должны были добавить этим танцам зрелищности.

Под королём мавров понимался глава местной общины морисков. После завершения Реконкисты, мавры были менее притесняемым религиозно-этническим меньшинством, нежели иудеи, и в основном использовались как рабы и наёмные работники, поэтому, даже через столетие, их гильдиям разрешалось нести фигуры Короля мавров и Муллы. Спустя столетия, когда местные мориски были перекрещены и ассимилированы, в Португалии их место на процессии *Corpus Christi* заняли гильдии ремесленников-негров, рабов, принадлежавших тем или иным монастырям. Данная ситуация является характерной лишь для Португалии.

Танец морисков, называемый мориска¹⁷, вероятно, напоминал жуденгу.

Затем шли ткачи и ткачихи на высоких станках, под общим знаменем дудкой и тамбурином, Одна девушка-ткачиха, исполняла сцены мученичества Св. Екатерины, имея атрибуты одного (ножи).

Фигуры и образы Пресвятой Девы Марии и святых Клары и Екатерины были очень популярны в Португалии XVI в.

Следом шли шорники, достойнейший из которых исполнял сцены мученичества Св. Себастьяна, будучи одетым в белое и в сопровождении четырёх лучников. Вместе с шорниками шли изготовители восковых свечей, латунщики, вышивальщицы, владельцы амбаров с зерном, изготовители щитов, книжники и щепетильники.

Изготовители восковых свечей обязаны были исполнять сцены из жизни Марии Египетской и Иоахима, несли собственное знамя, а следом за ними шли художники и книжники.

Следом шли шнуровщики и аптекари. Но именно шнуровщики делали (вероятно, фигуру) Св. Михаила и двух больших чертей, несли свечи и знамя. Святой Михаил ещё с вестготских времён на Иберийском полуострове почитался как победитель мавров.

Изготовители аркебуз шли со своим капитаном, вооружённые аркебузами. Когда они доходили до важных для лиссабонцев мест, они стреляли в воздух, обеспечивая, таким образом, звуковое сопровождение праздника.

В XVI в. ремесленники, жившие в городах, служили в милиции – своеобразном народном ополчении. Еще во время правления короля Мануэла, более богатые горожане практически отказались от использования арбалетов, как почти бесполезных, на фоне развития ручного огнестрельного оружия. Горожане побогаче (то же касается и жителей деревень и других поселений), служившие в милиции, имели собственного коня, копьё, меч, стальной нагрудный доспех или кожаный нагрудник. Менее зажиточные имели меч, аркебузу или пику, а в качестве защиты – кольчугу. Наиболее бедные горожане были вооружены

лишь пиками. Обычно войско милиции состояло из 250 человек, которые были разделены на 10 отрядов, каждый из которых имел своё знамя, знаменосца капитана, сержанта, капрала и барабан¹⁸. За обладание оружием и доспехами горожане с 1503 г. платили специальный налог¹⁹. Таким образом, можно предположить, что изготовители аркебуз относились к средним слоям ремесленников.

Брадобрей, мастера, подковывавшие лошадей (Fetadores) и изготовители оловянных сосудов несли общее знамя и конную фигуру Св. Георгия. Фигуру сопровождало миниатюрное войско, каждого солдата которого, и его экипировку должен был оплачивать отдельный брадобрей.

За ними шёл знаменосец знамени города, который участвовал после процессии в праздничном ужине с чиновниками муниципалитета города и управляющими города. Таких знаменосцев было четыре из старинных горожан города. Видимо, они менялись по мере усталости или после прохождения определённых участков пути. Из текста следует, что также несли и знамя Клира – видимо, архиепископа. Под знаменем города и клира шли булочницы, раздававшие ритуальные хлебцы.

Следом шла коронованная девушка с гербом города. Девушка представляла, видимо, сам Лиссабон, поскольку по-португальски название Лиссабона – «Lisboa» – женского рода. Герб был исполнен на средства ткачей из льна, или хлопка – торговцев (malagueiros tratantes), и представлял собой плывущий корабль, обременённый одним или двумя воронами.

Затем появлялся Клирик.

Появление священника на данной процессии знаменует собой её кульминацию; под Клириком имеется в виду, вероятнее всего, Мартинью да Кошта (Martinho da Costa, 1500–1521), лиссабонский архиепископ, как высшее духовное лицо. Следует отметить, что, как в процессии участвовали представители всех религиозных братств, существовавших в то время в Португалии: францисканцы, доминиканцы, бенедиктинцы и др., и все они носили одежду, положенную орденам по уставу, «цветов печали», и, тем самым, воплощали собой скорбь по умершему Христу.

Четверо помощников архиепископа выносили оргán, на котором играл профессионал, ему и четверым несшим его людям город оплачивал торжественный ужин на 200 реалов. Следует упомянуть, что существовали и ручные оргány; но, учитывая, что в источнике упоминаются люди, которые несут оргán, я придерживаюсь мнения, что речь идёт об относительно большом оргáne.

Затем шли наиболее достойные горожане, представители муниципалитета. Они несли большие толстые восковые свечи (зачастую размером в рост человека и более).

Следует отметить также, что традиционно они несли особенные красного цвета жезлы позолоченными наверху, называемые *varas* – атрибуты власти.

Рядом с дароносицей шли четыре человека, изображавших ангелов, с украшениями, ленточками и белыми сапогами, игравших на виолах и арфах (в противоположность дудкам и тамбуринам), подчёркивая тем самым, после выступления органиста, наступление Царства Божьего.

Следует отметить, что в XVI–первой половине XVII вв. короли, знать и дворяне в целом не участвовали в процессиях *Corpus Christi*. В процессии 1482 г. король обозначал своё присутствие в процессии с помощью своего знамени и гербов наследника, которые несли в конце процессии, подчёркивая их самый уважаемый статус. Тогда как в Испании короли, их ближайшие родственники и гранды присутствовали лично и ходили в процессии *Corpus Christi*. И лишь после обретения независимости от Испании, португальские короли стали лично ходить в этой процессии, что, без сомнения, является результатом испанского влияния.

Итак, повторим, плотники несли демонические фигуры Дикаря и виверны. Кузнецы и замочники – загадочную фигуру Сежиторию (также имевшую языческий, демонический характер происхождения). Бурдочники, седельщики, красильщики и верёвочники – 4 конька (также, напоминающих, скорее, всадников Апокалипсиса). Все эти ремесленные объединения входили в число наиболее уважаемых гильдий в Лиссабоне XV–XVI вв., именно их члены были представлены в ведомстве, получившем название «Палата Двадцати Четырёх» (*Casa dos Vinte e Quatro*) – коллегия из 24 представителей 12 важнейших гильдий (также известных как «*bandeiras*», т.е. знамя), по 2 человека от каждой. Это ведомство было создано 16 декабря 1383 г. в Лиссабоне при лиссабонском муниципалитете с одобрения магистра ависского ордена Жоана (будущем короле Жоане I), дабы представители ремесленных братств могли активно участвовать в жизни города, и именно представители этих цеховых объединений помогли ему занять трон.

Уникальные знамёна упоминаются в связи с гильдиями гончаров, плотников, сапожников, ткачей и ткачих на высоких станках, ткачей и ткачих на низких станках, а также изготовителей восковых свечей. Помимо вышеперечисленных гильдий следует отметить и гильдии портных и портних, а также каменотёсов и каменщиков, которые имели право нести или изображать персонифицированные фигуры цеховых судей-«императоров».

Эти гильдии входили в «Палату Двадцати Четырёх», и обладали наиболее высоким социальным статусом в обществе. Безусловно, к их числу следует отнести и лиссабонских торговцев (Mercadores), в 1445 г. Именно эта гильдия несла на процессии Corpus Christi большие восковые свечи (tochas) и балдахин над святыми дарами.

Вся жизнь виделась людям Средневековья как борьба двух противоположностей – добра и зла, Бога и дьявола, и сопутствующих им сил. Основываясь на данных источников, можно предположить, что для португальцев церемония Corpus Christi была своеобразным Триумфом (парадом) победы Бога, его помощников (святых, мучеников и блаженных) и его верных почитателей над силами зла (дракон, виверна, дикари, ведьмаки, черти и прочая нечисть) и его приспешниками – иудеями и маврами (морисками), победы, в первую очередь, в брани духовной.

Именно потому, что Corpus Christi представляла собой Триумф победы в брани духовной, ключевой её фигурой являлся образ святого Георгия как воина-победителя Змея (воплощённого зла). В качестве аргумента можно привести следующий факт: военные действия против мавров – жителей Гранады или африканских стран (Марокко, Туниса и Алжира и др.) в португальских источниках конца XIV – начала XV вв. назывались «службой Господа» (serviço de Deus). Таким образом, можно сделать вывод, что святой Георгий мог восприниматься не просто как победитель Зла, а как воин на службе Бога, как воин Господа. Ещё одним дополнительным аргументом в пользу моей точки зрения может служить тот факт, что во время процессии Corpus Christi в Лиссабоне в 1482 г. несли фигуру дьявола в цепях (Diabo preso por huma cadeia), где цепи выступали как символ смирения и побеждённости.

Истоки именно этой стороны рассматриваемой процессии лежат в традиции проведения торжественных шествий в честь Св. Георгия (имеющих корни в древнеримской традиции парадных шествий). Можно сказать, что идеи празднования военных побед стали срастаться с представлениями о победах в духовных битвах (имеются в виду культы святых, посрамивших дьявола и прославлявших Бога и Веру).

Яркие музыкальные выступления и танцы иудеев и морисков (пародии на музыку и танцы существовавших в действительности) являлась не просто попыткой их высмеивания (такой аспект тоже существовал, но был не главным), а попыткой передать их чуждость португальскому обществу, их враждебную сущность.

Почему же были выбраны именно эти средства? Вероятно потому, что процессия Corpus Christi помимо радостного триумфального характера, имела и мрачный траурный оттенок, не даром во время её проведе-

ния звучала мрачная органная музыка, в память о кончине Христа, погибшего от рук его гонителей. И грустить на ней должны были именно христиане. А в качестве противопоставления актёры, исполнявшие роли иудеев и морисков, веселились, подчёркивая антихристианскую суть последних.

Высказанный чуть выше тезис о «победе в брани духовной», наряду с победами португальской нации, имевшими место в действительности, заставляет нас задуматься о существовавших в португальском обществе XVI века общественных настроениях, лежащих в основе португальского мессианизма.

Процессии, подобные Corpus Christi, изобилующие визуальными признаками самого разного рода (конфессиональными, статусными, цеховыми и пр.) не только подтверждают наличие очень высокой визуальной составляющей традиционной европейской культуры, но и принципиальную роль этих признаков в социальной идентификации и, соответственно, в социальной коммуникации. Визуальная составляющая – беспристрастный и объективный свидетель отношения португальцев к своему миру, посредством которой окружающий мир становился им понятнее.

¹ *Morais Barros A.J.* A procissão do Corpo de Deus do Porto nos séculos XV e XVI: a participação de uma confraria // Revista da Faculdade de Letras: História. Série II. Vol. 10. Porto, 1993. P. 118.

² *Silva Alves Dos Santos Figueiredo da M.A.* A administração municipal do Porto entre 1488 e 1498 segundo o livro 6 de vereações. Dissertação de mestrado em História Medieval, apresentada à Faculdade de Letras da Universidade do Porto. Porto, 1996. P. 149.

³ В целом о народных карнавалах, праздниках и торжественных шествиях по разным поводам см.: *Варьяш О.И.* Культура стран Пиренейского полуострова в конце XV – начале XVII в. // *Брагина Л.М.* (ред.) Культура Западной Европы в эпоху Возрождения. М., 1996. С. 275–276; *Бахтин М.М.* Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. М., 1990. С. 9–10.

⁴ *Soares da Sylva J.* Memórias para a historia de Portugal que comprehendem o governo Delrey D. João I. T. 2. Lisboa, 1731. P. 731.

⁵ *Rebello da Silva L.A.* História de Portugal nos séculos XVII e XVIII. Lisboa, 1871. P. 550.

⁶ *Braga M.M.* Alguns dados para o entendimento da iconografia do portal da igreja matriz do Alvor // MEDIEVALISTA online. Ano 3. Número 3. 2007. Universidade Nova de Lisboa. прим. 20. [электронный ресурс] URL: http://www2.fcsh.unl.pt/iem/medievalista/MEDIEVALISTA3/medievalista-portal.htm#_ftn20 (дата обращения: 29.06.2013).

⁷ *Ястребицкая А.Л.* Средневековая Европа глазами современников и историков. Часть II. Европейский мир X–XV вв. М., 1995. С. 118.

- ⁸ *Arkel Dik van*. The Drawing of the Mark of Cain. [A Social-Historical Analysis of the Growth of Anti-Jewish Stereotypes]. Amsterdam, 2009. P. 269.
- ⁹ *Jung Jacqueline E*. The Passion, the Jews, and the Crisis of the Individual on the Naumburg West Choir Screen. // *Beyond the Yellow Badge. Anti-Judaism and Antisemitism in Medieval and Early Modern Visual Culture*. Leiden-Boston, 2008. P. 151.
- ¹⁰ *Бидерманн Г.* Энциклопедия символов. М., 1996. С. 71–72; *Cirlot J.E.* A dictionary of Symbols. Digitised version. London, 2001. P. 372–373.
- ¹¹ *Даркевич В.П.* Народная культура средневековья: светская праздничная жизнь в искусстве IX–XVI вв. М., 1988. С. 121–122, 174.
- ¹² Подробнее об этом см.: *Goulão M.J.* Do homem selvagem ao índio brasileiro: a construção de uma nova imagem da humanidade na arte europeia de Quinhentos // *Carta de Pero Vaz de Caminha: documentos e ensaios sobre o achamento do Brasil*. Rio de Janeiro, 2000. P. 173–195; *Idem.* O negro e a negritude na arte portuguesa no século XVI // *A Arte na Península Ibérica ao tempo do Tratado de Tordesilhas*. Coimbra, 1994. P. 451–484.
- ¹³ «Mulier sem vergonha e descomedida do fallar como as regateiras da ribeira». См.: *Vieyra Antony*. A Dictionary of the Portuguese and English Languages in two parts; Portuguese and English and English and Portuguese: Wherein I. The words are explained in their different Meanings by examples from the best Portuguese and English Writers. II. The Etymology of the Portuguese generally indicated from the Latin, Arabic and other Languages. London, 1813. P. BIL–BIN (72–73).
- ¹⁴ «...todos os annos a Camara com o Ouvidor e Escrivão fazia a eleição dos Juizes ou Imperadores dos officios que erão obrigados a ellas, os quaes na vespera de Corpo de Deus devião apresentar a sua dança prompta perante a mesma Camara» – *Almeide de A.* Descrição Histórica e Topografica da Cidade de Penafel. Pt. I de Arrifana de Sousa. Cap. IX // *História e Memórias de Academia R. das Ciências de Lisboa*. T. X. Pt. I. Lisboa, 1827. P. 30 (422).
- ¹⁵ *Бойцов М.А.* Власть правителя // *Гуревич А.Я.* (ред.). Словарь средневековой культуры. М., 2003. С. 82.
- ¹⁶ Эти Девять идеальных дам имели и своих демонических антиподов – Девять дочерей Сатаны, восемь из которых он «выдал за разные классы людей: симонию – за прелатов и клириков; лицемерие – за монахов и лжемонахов; грабеж – за рыцарей; ростовщичество – за горожан; мошенничество – за купцов; святотатство – за крестьян, не платящих десятину, нечестную службу – за работников; богатство и излишество в одежде – за женщин. Девятая же дочь дьявола, похоть, замуж ни за кого не вышла, но отдается всем как подлая проститутка». См.: *Гуревич А.Я.* Культура и общество средневековой Европы глазами современников (Exempla XIII века). М., 1989. С. 194.
- ¹⁷ Также мог называться мориква или морискава.
- ¹⁸ *Rebello da Silva L.A.* Historia de Portugal nos seculos XVII e XVIII. T. V. Lisboa, 1871. P. 10.
- ¹⁹ *Mariz P. de.* Dialogos de varia historia, em que se referem as vidas dos senhores reys de Portugal com os mais verdadeiros retratos que se puderam achar. Com as noticias de nossos reynos & conquistas & successos do mundo. Lisboa, 1674. P. 404.

Л.И. Жолудева
(МГУ имени М.В. Ломоносова)

**К вопросу о португало-итальянских культурных связях
в эпоху Возрождения: Мигел да Силва, кардинал Визеу,
и его итальянские собеседники**

Контакты между Италией и иберо-романским миром в эпоху Возрождения не могли не быть тесными; достаточно вспомнить, что весь Апеннинский полуостров к югу от Рима с конца XIII века попеременно принадлежал Анжуйской династии и Арагонской короне, а с 1442 года Арагон одержал победу и закрепил за собой итальянские владения. В XVI веке Неаполитанским королевством и герцогством Миланским правили испанские вице-короли, а независимость от Испании многих центральных микросоударств, Тосканы и Генуэзской республики была скорее номинальной. Папской области удавалось сохранить автономию только благодаря сложной политической игре, но и она порой не удавалась: в 1527 г. наемные войска Карла V разграбили Рим и пленили папу Климента VII (Giuliano de' Medici). Интересы Итальянских государств и Португалии в эпоху Возрождения также неизбежно сталкиваются: Великие географические открытия раз и навсегда лишили Венецианскую республику положения монополиста в торговле с Востоком.

Если на политическом уровне ситуация складывается не в пользу Италии, то в культурном отношении, как ни парадоксально, именно Италия ведет экспансию. В эпоху барокко Европу охватывает мода на итальянское изобразительное искусство, архитектуру, музыку и литературу. В Риме, при папском дворе, представители интеллектуальной элиты – дипломаты, высокопоставленное духовенство, придворные, чиновники, ученые, гуманисты – общаются между собой на итальянском языке, который Карл V в своем знаменитом афоризме назвал подходящим для бесед с друзьями (по версии Ломоносова – с женским полом). Именно в этом кругу ведутся беседы, положившие начало знаменитой итальянской полемике о языке – *questione della lingua*.

Тема апологии языка, его обработки и кодификации, проблемы языковой вариативности и соотношения нормы и узуса начали обсуждаться в Италии уже с середины XV века, но особой остроты полемика достигла в первой половине – середине XVI века. Столь раннее осознание проблем нормализации языка во многом объясняется тем, что разработка и кодификация итальянской языковой нормы требовала куда больших сознательных усилий, чем подобная деятельность в других романских странах – из-за отсутствия национального, политического,

культурного и языкового единства на территории нынешнего государства Италия.

Среди многочисленных трактатов, целиком посвященных проблемам языкового варьирования или уделяющих этим проблемам внимание наряду с другими, выделяются два сочинения, посвященные одному адресату – Дону Мигелу да Силва, епископу (позднее кардиналу) Визеу. Это изданные с разницей в год трактат Бальдассара Кастильоне «О придворном» (Baldassar Castiglione “Il libro del cortegiano”, 1524; в 1530-е переведен на испанский и французский) и трактат Клаудио Толемеи «Полиго» (Claudio Tolomei “Il Polito”, 1525). Итальянские историки и филологи почти не упоминают о кардинале Визеу в связи с посвященными ему сочинениями Толемеи и Кастильоне¹, однако тот факт, что именно эти две работы объединяет посвящение Дону Мигелу да Силва, представляется не случайным. Из множества иностранных и итальянских интеллектуалов, находившихся при папском дворе в одно время с авторами трактатов, именно португальский посол, по-видимому, принял самое живое участие в обсуждении проблем языка и, в частности, проблемы соотношения узуса и нормы. Для португальской лингвистической традиции эта проблема была одной из ключевых (Косарик 2013: 95–122); в частности, автор первой грамматики португальского языка Фернан де Оливейра (Fernão de Oliveira “Grammatica da lingoagem portuguesa”, 1536) именно узус («обычай», «хороший обычай» – “costume”, “bom costume”, “uso”) рассматривает как основной ориентир в процессе кодификации языка (Косарик 2013: 115).

В истории Португалии Дон Мигел да Силва остался как Кардинал де Визеу – по антономазии. Это говорит, по меньшей мере, о его незаурядных качествах, сохранившихся в народной памяти. На фоне событий XVI века, однако, Кардинал Визеу стал не просто одним из видных церковных деятелей, но одной из знаковых фигур, чья судьба может служить иллюстрацией исторического выбора, сделанного Португалией в эпоху контрреформации.

В Италии Дон Мигел да Силва оказался не случайно. Он был сыном графа Порталегре, имевшего немалое влияние при дворе Дона Мануэла I. С ранних лет Мигела да Силва готовили к церковно-дипломатической карьере; в двадцать лет (в 1500 году) он покинул Португалию, куда вернется лишь спустя двадцать пять лет. Сначала Мигел да Силва отправился в Париж, где изучал теологию и гуманитарные науки до 1514 года. За это время он успел неоднократно побывать в Италии – в частности, в Болонье и Сиене, где, среди прочего, изучал итальянский язык, что в дальнейшем поможет ему стать полноправным

участником разного рода ученых собраний и дискуссий среди итальянских интеллектуалов, а также любимым собеседником и доверенным лицом римских пап. С 1514 по 1525 год Дон Мигел пребывал в Италии на дипломатической службе безотлучно; все это время он занимал должность посла Португалии при Римской курии.

Назначение в курию Мигел да Силва получил при короле Доне Мануэле I; в 1521 году на престол взошел новый монарх – Дон Жоан III (с ним посол Португалии в Риме был знаком лишь заочно: будущий король появился на свет уже после отъезда Дона Мигела из Португалии). Отношения Мигела да Силва с новым королем с самого начала не отличались теплотой – вероятно, из-за роли, которую Дон Жоан III приписывал Дону Мигелу в расторжении помолвки между ним и принцессой Леонор, сестрой Карла V, на которой – вместо своего наследника – женился третьим браком Дон Мануэл I (Buescu 2010). Враждебность многократно усилилась, когда папа Лев X изъявил желание сделать Дона Мигела кардиналом (1539), тогда как его предшественник отказал в этом самому младшему брату короля – инфанту Дону Энрике, будущему королю-кардиналу Энрике I (король с 1578 по 1580 г.; кардинал с 1546 г.). Кроме того, Дон Мигел приложил все усилия, чтобы отдалить введение инквизиции в Португалии, которого король Дон Жоан III, напротив, горячо добивался. Первая булла, касавшаяся введения инквизиции на территории Португалии датируется 1531 годом, однако уже в следующем году папа Климент VII отменил это решение (возможно, определенную роль в этом мог сыграть епископ Визеу, не утративший влияния в Риме). Окончательное решение о введении инквизиции, таким образом, удалось оттянуть на пять лет. Дон Мигел да Силва был также известен как защитник новых христиан.

Осознав неотвратимость репрессий (Дону Мигелу угрожало по меньшей мере тюремное заключение), кардинал Визеу бежал в Рим в 1540 году, и папа Павел III, оказав ему радушный прием, назначил его легатом в Венецианской республике. Последние пятнадцать лет жизни Дон Мигел да Силва провел в Италии. В этот период одним из его достижений стало посольство к Карлу V (1542), благодаря которому курии удалось заручиться согласием испанских представителей на участие в Тридентском соборе; для этого было необходимо сначала примирить Испанию и Францию, чьи интересы сталкивались в Италии. Что касается португальского монарха, Дону Жуану III не удалось ни уговорить опального кардинала вернуться на родину (португальский посол неоднократно вел с ним об этом беседы), ни организовать его убийство. Впрочем, в том, что касалось интеллектуального климата и путей разви-

тия португальской культуры на ближайшие столетия, король остался победителем.

Итальянские друзья и собеседники Дона Мигела, посвятившие ему свои сочинения, – Бальдассар Кастильоне и Клаудио Толомеи – были его коллегами по дипломатической службе при папском дворе. Говоря о лингвистической полемике XVI века, их обычно характеризуют как представителей противоборствующих лагерей (Алисова 1960; Migliorini 1963: 339–360). Клаудио Толомеи, уроженец Сиены, был сторонником кодификации итальянской языковой нормы с опорой на узус современной ему Тосканы. Бальдассар Кастильоне, ломбардец по происхождению, считал себя носителем «придворного» итальянского языка и выступал за то, чтобы именно речь образованных людей, придворных и высшего духовенства, стала основой для кодификации нормы. Характер «придворного» итальянского языка, за счет приоритета социальной базы нормы по отношению к территориальной, был бы более эклектичным за счет латинизации лексики, присутствия диалектных и иноязычных заимствований, а также совмещения тосканских и нетосканских черт в фонетике и морфологии.

Именно эти взгляды на нормализацию и кодификацию итальянского языка Кастильоне и Толомеи излагают в работах, посвященных кардиналу Визеу. Однако, если отвлечься от традиционно принятого в итальянистике деления участников *questione della lingua* на архаизирующих пуристов (Пьетро Бембо и его единомышленники), тосканистов и сторонников придворного языка, то между взглядами на язык Толомеи и Кастильоне можно увидеть немало общего (Trovato 1994: 77). Оба автора пишут о своем нежелании реформировать язык «сверху»: Толомеи – в связи с критикой попыток орфографических реформ, а Кастильоне – в связи с возникшей в гуманистических кругах модой на стилизацию языка, его намеренную архаизацию по образцу сочинений Петрарки и Боккаччо. Для Толомеи узус для языкового коллектива – то же, что и обычаи и многолетние традиции для общества в целом:

Chi dunque solo, o con poca compagnia ardirà far in ciò innovazione alcuna, pensi bene, come egli muta i comuni ordini, et invecchiati d'università, onde ne segue ch'egli sia amato da pochi, o forse niuno, et odiato da molti. (Tolomei, Polito, 45)

La inconstanzia, e varietà non s'ama ne le cose, che dependono da ordini antichi di università, come sono leggi, costituzioni, vecchie consuetudini, religioni, e simili modi, che s'appertengono ad una compagnia di molti... (Tolomei, Polito, 44)

Кастильоне критикует неестественность и вычурность языка писателей-имитаторов Петрарки и Боккаччо: сами писатели придерживались обычаев своей эпохи и не стали бы употреблять заведомо устаревших и непонятных слов:

E' ben vero che molte parole si ritrovano nel Petrarca e nel Boccaccio, che or son interlassate dalla consuetudine d'oggi; e queste io, per me, non usarei mai né parlando né scrivendo; e credo che essi ancor, se insin a qui vivuti fossero, non le userebbono più. (Castiglione, Cortegiano, I, XXXI)

Кроме того, Кастильоне обращает внимание на стилистическую неоднородность прозы Боккаччо, и, в отличие от пуристов круга Пьетро Бембо, отдает предпочтение не возвышенным и риторически усложненным, а стилистически нейтральным и естественным ее образцам:

...alcuni... mi biasimano perch'io non ho imitato Boccaccio, né mi sono obligato alla consuetudine del parlar toscano d'oggi; non restarò di dire che, anchor che 'l Boccaccio fusse di gentil ingegno, secondo quei tempi, e che in alcuna parte scrivesse con discrezione ed industria, nientedimeno assai meglio scrisse quando si lasso guidar solamente dall'ingegno ed istinto suo naturale, senz'altro studio o cura di limare i scritti suoi, che quando con diligenza e fatica si sforzò d'esser più culto e castigato. (Castiglione, Cortegiano, Introduzione, II)

В том, что касается роли узуса и роли современных, а не архаичных образцов речи, позиция итальянских авторов перекликается с позицией португальских грамматистов. Так, Фернан де Оливейра² неоднократно подчеркивал роль обычая как ориентира при кодификации языка:

E porém o costume val muito, sem o qual a escritura porventura ficaria duvidosa. (Oliveira, Gram. 24)

Жоан де Барруш, как и Бальдассар Кастильоне, указывает на то, что образцовым следует считать узус людей образованных, как в письменной, так и в устной речи:

...e hũ módo certo e iusto de falar & escrever, colheito do uso, e autoridáde dos barões doutos (Barros, Gram³, 2)

Внимание устному (а не только письменному) узусу современников уделяет и Фернан де Оливейра:

...notemos o falar dos nossos homens e da hi ajuntaremos preçeitos... (Oliveira, Gram. V)

В итальянских трактатах соотношение устной и письменной речи при кодификации языка трактуется исходя из общей позиции автора в

спорах о языке. Так, Пьетро Бембо отказывается от опоры на устную речь при кодификации – в первую очередь, из-за неустойчивости узуса (применение метода интроспекции затруднялось тем, что сам Бембо не был тосканцем по происхождению и не верил в возможность совершенного владения литературным языком в устной форме). В отличие от него, и Кастильоне, и Толомеи призывают подражать речи образованных людей, настаивая на том, что между устной и письменной речью нет и не должно быть принципиальных отличий, а следовательно, не должно быть и правил, касающихся исключительно языка в его письменной форме:

...secondo me, la scrittura non è altro che una forma di parlare che resta ancor poi che l'omo ha parlato... perché la scrittura conserva le parole e le sottopone al giudizio di chi legge e dà tempo di considerare maturamente. E perciò è ragionevole che in questa si metta maggior diligenza per farla più culta e castigata; non però di modo che le parole scritte siano dissimili dalle dette, ma che nello scrivere fosse licito quello che non è licito nel parlare. (Castiglione, Cortegiano, I, XXIX)

Di qui nasce una verissima conclusione, che noi dobbiamo così scrivere come parlare, e non parlare in un modo, et in altro modo scrivere. Perché la figura deve esser simile, quanto puote, a quella cosa ch'ella vuol figurare. (Tolomei, Polito, 27)

Как португальские, так и итальянские авторы размышляют о механизмах языковой эволюции, как на больших временных отрезках (см. рассуждения об образовании романских языков из «испорченной» латыни в ренессансных трактатах – в частности, в «Чезано» К. Толомеи (VI 44–49) и «О придворном» Б. Кастильоне (XXXII)), так и на более обозримых промежутках времени. К примеру, Ж. де Барруш, предлагая новую систему обозначения открытости / закрытости гласных, выражает надежду, что со временем сила привычки заставит узус перестроиться:

E bem sey que por ser novidáde e o uso estár ã contráiro, será cousa trabalhósa serê lôgo estas nóuas figuras recebidas em nóssa orthografia: mas o tempo ás fará tâ próprias como sam as outras de que usamos. (Barros, De orth., 43)

Б. Кастильоне пишет о стихийном характере языковых изменений, а также о роли «хорошего обычая», который позволяет закрепиться в языке наиболее удачным выражениям и даже инновациям, противоречащим «правилам грамматики»:

La bona consuetudine adunque del parlare credo io che nasca dagli omini che hanno ingegno e che con la dottrina ed esperienza s'hanno guadagnato il bon giudizio, e con quello concorrono e consentono ad accettar le parole che lor

paion bone, le quali si conoscono per un certo giudizio naturale e non per arte o regula alcuna. Non sapete voi che le figure del parlare, le quai dànno tanta grazia e splendor alla orazione, tutte sono abusioni delle regule grammaticali, ma accettate e confirmate dalla usanza, perché, senza poterne render altra ragione, piaceno ed al senso proprio dell'orecchia par che portino suavità e dolcezza? (Castiglione, Cortegiano, I, XXXV)

Мы привели лишь немногие из параллелей, которые обнаруживаются при сопоставлении языковой доктрины Клаудио Толомеи и Бальдассара Кастильоне, с одной стороны, и авторов первых грамматик португальского языка, с другой. К сожалению, мы не располагаем данными, которые позволили бы с точностью сказать, какие именно дискуссии, в которых участвовал Мигел да Силва, заставили его итальянских современников вспомнить о нем, излагая в трактатах «Полито» и «О придворном» свои взгляды на язык. Однако не вызывает сомнения, что оба автора пытались донести до аудитории одну и ту же общую идею: язык – это нечто живое, единое в двух формах существования (устной и письменной), изменчивое, но при этом плохо поддающееся изменению извне.

Эти идеи, весьма близкие к современному пониманию бытования и эволюции языка, соответствуют духу португальской ренессансной лингвистики, но в Италии наталкиваются на сопротивление со стороны архаистов, призывающих культивировать литературный итальянский язык так же, как ренессансные гуманисты культивировали латынь, подражая литературным образцам давно ушедших эпох. На первый взгляд, это кажется противоречащим здравому смыслу, но на практике именно наличие узкого круга образцовых текстов помогло Пьетро Bembo (который был не только гуманистом, но и профессиональным редактором и соратником типографи Альда Мануция) и другим сторонникам «архаизирующего пуризма» в кратчайшие сроки ответить на вызовы времени и создать грамматику языка, еще не прошедшего стадию естественной нормализации и устранения нефункциональной вариативности. Подобным образом, Академии делла Круска первой в Европе удалось создать словарь: материалом послужили все те же образцовые тексты, тщательно отобранные и подвергнутые строгой оценке с позиций изящества слога. Пожертвовав связью между устной и письменной речью, авторы первых итальянских печатных грамматик смогли задать ориентиры, по крайней мере, для письменной речи, оставив будущим поколениям задачу гармонизировать отношения между письменным и устным узусом (по большому счету, это удастся сделать только в XX веке и не в полной мере).

Фигура Мигела да Силвы, кардинала Визеу, таким образом, может символизировать не только тот путь, который могла бы выбрать Ренессансная Португалия, но и путь развития, который предлагался, но не был выбран в ходе кодификации итальянского литературного языка. И тем не менее, в обоих случаях есть повод задуматься о том, что многие идеи становятся актуальными спустя много столетий после того, как были впервые предложены, а люди, подобные кардиналу Визеу, оказавшиеся чужими, непринятыми и непонятыми в собственной стране, впоследствии навсегда войдут в ее историю – настолько, что их титул станет восприниматься как имя собственное.

Литература

- Алисова Т.Б.* Особенности становления норм итальянского письменного литературного языка в XVI в. // Вопросы формирования и развития национальных языков // Труды Института языкознания, Т. X. М.: АН СССР. 1960. С. 177–203.
- Косарик М.А.* Социолингвистическая проблематика в ранних португальских сочинениях в языке. М.: МАКС Пресс, 2013.
- Buescu A. I. D.* João III e D. Miguel da Silva, bispo de Viseu: novas razões para um ódio velho. // Revista de História da Sociedade e da Cultura. №10 (2010). С. 141–168.
- Deswarte S.* Il “Perfetto Cortegiano” D. Miguel da Silva. Roma: Bulzoni editore, 1989.
- Migliorini B.* Storia della lingua italiana. Firenze: Sansoni, 1963.
- Motta U.* Castiglione e il mito di Urbino. Studi sulla elaborazione del «Cortegiano». Milano: Vita e pensiero, 2003.
- Motta U.* La “questione della lingua” nel primo libro del *Cortegiano*: dalla seconda alla terza redazione. // Aevum, №72, Fasc. 3, 1998. С. 693–732.
- Souza M. L. Z.* de D. Miguel da Silva, bispo de Viseu e o seu destacado papel na eclosão de um novo repertório artístico e cultural renascentista em Portugal em meados do século XVI. // Revista Diálogos Mediterrânicos. №8 (2015). С. 151–173.
- Trovato P.* Storia della lingua italiana: il primo Cinquecento. Bologna: Il Mulino, 1994.

¹ Исключение составляет работа *U. Motta* “Castiglione e il mito di Urbino: Studi sulla elaborazione del «Cortegiano»”. Milano, 2003.

² Grammatica da lingoagem portuguesa, 1536.

³ Grammatica da lingua portuguesa, Da orthographia, 1540.

М.В. Зеликов
(СПбГУ)

К этимологии *ainda*

В основе образования наречий в романских языках и, в частности, в португальском, как и вообще большинства морфологических формантов, лежит диахроническая компрессия [Зеликов 2005: 94–100]. Компрессия как основной фактор закона экономии осуществляется путем стяжения двух и более самостоятельных лексических элементов, зачастую сопровождающегося опущением или фонетической модификацией одного из составляющих формирующейся адвербиальной единицы.

Рассмотрим наречия *места*: *acola* (< лат. *eccu(m)* + *illae*) «там»; *aquem* (< лат. *ecce* + *illinc*) «здесь»; *aquí* (лат. *eccu(m)* *hic*) «здесь»; *ali* (лат. *ad* + *illic*) «там»; *além* (< ст.-порт. *alende* < лат. *ad* + *ille* + *inde*) «там, в том месте»; *abaixo* (< ст.-порт. *a* (< лат. *ad*) + *baixo* (< лат. *bassiare*) «внизу»; *dentro* (лат. *deintro* < лат. *de* + *intro*) «внутри»; *debaixo* (ст.-порт. *de* + *baixo*) «снизу»; *adiante* (< лат. *ad* + *de* + *in* + *ante*) «вперед»; *atrás* (< ст.-порт. *a* + *tras*) «сзади»; *donde* (< ст.-порт. *de* + *onde*) «откуда, где»; *aonde* (< ст.-порт. *a* + *onde* ≠ нестяженное кастильск. *a dónde*) «куда»; *enfrente* (ст.-порт. *em* + *frente*) «спереди»; *avante* (< лат. *ab* + *ante*) «вперед».

То же – при образовании наречий *времени*: *agora* (лат. *has* + *hora*) «сейчас»; *jamais* (лат. *iam* + *magis*) «никогда»; *nunca* (< лат. *nun* + *qua(m)*) «то же»; *então* (< *en* (< лат. *in*) + *tão* (< лат. *tunc*)) «тогда»; *hoje* (лат. *hoc* + *die(m)*) «сегодня»; здесь же и португальский гапакс *ontem* «вчера» (< лат. *has* + *nocte* или *ad nocte(m)*), предполагающее развитие **āoite* > *oote* > *ote* и исключаяющее встречающуюся еще в словаре А. Барбозы форму с *h-* (*hontem*) по аналогии с *hoje* или с лат. *heri* (> фр. *hier*, ит. *ieri*) [Head 2003: 149; Зеликов 2007: 44].

Ср. также адвербиальные формы, выражающие *утверждение*: *certo* (< *de* + *certo*) «точно»; *também* (< *tão* *bem*), *outrossim* (< *outro* + *sim*) «также»; *сомнение*: *acaso* (< *a* + *caso*), *porventura* (< *por* + *ventura*) «случайно»; *образ действия*: *tamalavez* (< *tão* + *mal* + *aves*) «едва» и *сравнение*: *assim* (< лат. *ad* + *sic*) «так», *como* (< лат. *quo* + *modo*) «как»; *deveras* (< *de* + *versa*) «действительно», *talqualmente* (< *tal* + *qual* + *mente*) «одинаково» и др.

В группе последней разновидности отмечается такое же компрессионное наречие *ainda* «еще», которое возводят к латинскому составному *ad* + *inde* «*ali, lá*» [GDEPLP: 134], также с вопросом [DULP: 52], что однако нельзя признать удовлетворительным семантически.

Ж. Короминас, в свою очередь, относит порт. и галис. *ainda* к реликтам соротаптических языков (предполагаемая им семья древнейших индоевропейских языков, на которых говорили докельтские обитатели северо-запада и северо-востока Пиренейского полуострова, известные по способу захоронения в урнах (от греч. *sogos* «захоронение» + *taphos* «урна» = нем. *Urnenfelder*, порт. *Vasos Campaniformes*). Отвергая (по фонетическим причинам) лат. *inde*, Короминас указывает, что исследуемая форма непосредственно связана с элементом *indí*, отмеченным в лузитанской (*Cabeça das Fraguas*) и кельтиберской (*Arroyo del Puerco*) надписях, а также с *in* в надписях на свинцовых табличках из Арля (Южная Франция). Дороманская форма при этом возводится к индоевропейским: нем. *und* «и», англ. *and* «то же», санскр. *átna* «после», совр. исл. *enn* «еще» и др. [Corominas 1976: 132]. Тем не менее, нельзя не отметить, что предлагаемая этимология также является маловероятной либо по семантическим (*und*, *and*, *átna*), либо по фонетическим (*enn*, *in*) причинам.

Старопортугальские памятники позволяют говорить о варианте без начального *a* – *inda*: “*A cerviz inda agoa não sacode*” (*Lusiadas*, IV, 55), сосуществовавшего с *ainda*. Ср. в том же памятнике: “(*Ainda que bastardo*) *verdadeiro*” (IV, 2). Эта же форма отмечается и для астурийского: “*Inda nun viõu*” (говор Систерны, юго-запад Астурии) [Fernández 1960: 72]; здесь же – варианты *enta*, *tovia* и *entovia* [DBLA: 98]. Это позволяет сделать предположение о непосредственной связи порт. и галис. (*a*)*inda* с ит. *tuttavia*, исп. *todavía* и ст.-порт. *todavía*, отмеченной, например, в IV «Генеалогической книге» (XIV в.) [Вольф 1988: 237], являющихся компрессивными образованиями латинской пространственной синтагмы (*in*) *tota via* «всю дорогу» (= англ. *always*) (ср. также *tota bia* из старо-арагонского латино-романского документа из арагонского монастыря Веруэлы (1168 г.) еще сохраняющий исходное и близкое к конкретному значение «всегда» (исп. «*siempre*», «*constantemente*») [DCECH, V, todo]. То же, но позже, у Берсео [Kiviharju 1989: 27]. Здесь следует выделить 4 этапа эволюции: (*en*) *tota via* → (1) *entovia* (редукция второго слога *tota*: *to*) → (2) *entá* (редукция первого слога *tota*: *ta* и опущение элемента *via*) → (3) *inda* (фонетическая редукция *e > i* и озвончение *t > d* после носового, обычные для португальского) → (4) *ainda* (аттракция нового предлога. Ср. аналогичное появление предлога *en* перед *sim*: *en-sin* в астурийском (≠ порт. *sem*, исп. *sin*).

Вышеизложенное однозначно свидетельствует о том, что опора на конкретные языковые факты диалектологии при проведении этимологического исследования остается продуктивной и актуальной.

Литература

1. *Вольф Е.М.* История португальского языка. – М.: Высшая школа, 1988.
2. *Зеликов М.В.* Компрессия как фактор структуры и функционирования иберороманских языков (Монография). – СПб.: Лингвистические исследования. Филолог. ф-т СПбГУ, 2005.
3. *Зеликов М.В.* Западно-европейский ориентир времени в свете данных когнитивной и диахронической лингвистики. / Материалы XXXVI Межд. фил. конференции. – Фил. фак-т СПбГУ. Вып. 24. История языка. (Романо-германский цикл). – СПб, 2007.
4. *Corominas J.* Elementos prelatinos de las lenguas romances / Actas I Coloquio de las Lenguas y Culturas Pirenaicas de la Península Ibérica. Salamanca. 1976, p. 87–164.
5. DBLA = Manzano P., Rodríguez U. Diccionariu Básicu de la Llingua Asturiana. Xixón. 2001.
6. DCECH = Corominas J., Pascual J. A. Diccionario Crítico Etimológico castellano e hispánico. T. V. Madrid, 1980.
7. DULP = Diccionario Universal da Lingua Portuguesa. Lisboa. 2001.
8. *Fernández J. A.* El habla de Cisterna. Madrid, 1960.
9. GDEPLP = Grande Diccionario Etimológico-Prosódico da Lengua Portuguesa. São Paulo. 1988. Vol. I.
10. *Head B.F.* O registo de variantes linguísticas no Diccionario Lusitanicolatinum (1611) // Diacrítica, Ciências da Linguagem, 17.1 (2003), 127–162.
11. *Kiviharju J.* Los documentos latino-romances del Monasterio de Veruela 1157–1301: edición, estudio morfosintáctico y vocabulario. Helsinki, 1989.
12. Lusíadas = Luis de Camões. Os Lusíadas. Braga, 1997.

*М.А. Косарик
(МГУ имени М.В. Ломоносова)*

Юбилейные размышления

Основная ценность юбилеев состоит в том, что они заставляют задуматься и ответить на некоторые вопросы. Первый вопрос, который себе задаешь в связи с нынешним юбилеем: а какой именно юбилей мы празднуем? Ведь их несколько. Поскольку теперь уже, к сожалению, я самая старшая из наших португалистов, я позволю себе обратиться к своим собственным воспоминаниям и отметить не только некоторые вехи истории португалистики в МГУ, но и отдать должное учителям, благодаря которым смогло начаться регулярное преподавание португальского языка, литературы и культуры португалоязычных стран сразу после апрельской революции 1974 г.

Открывшиеся широкие контакты поставили задачу обучения португальскому языку, а специалистов, которые к этому времени уже занимались португальским, было очень мало – во всей Москве не больше четырех-пяти человек. И очень большую роль в решении этой задачи сыграл именно наш университет, где впервые в Москве открылись группы португальского языка как основного (эту работу в 1975 г. начинали выпускники филологического факультета испанисты В. Баранов, к сожалению, очень рано ушедший, И.Ф. Ликунова, с 1977 г. в этих группах работают О.А. Сапрыкина и автор настоящей статьи, а теперь и наши ученики). В том же 1975 г. началось преподавание португальского языка на историческом факультете, где мне пришлось вести занятия до возвращения на родной факультет в феврале 1977 г. для работы в группах по ускоренной подготовке португалистов, организованных по специальному приказу тогдашнего министра образования. Филологический факультет МГУ, единственный в России, смог выполнить эту программу, открыв специальные группы для студентов, заканчивавших разные отделения филологического факультета. Именно студенты этих групп, где шли интенсивные занятия португальским языком на основе серьезной филологической подготовки, стали первыми дипломированными португалистами, выпущенными в МГУ¹.

Однако преподавание португальского языка в университете имеет гораздо более длинную историю, о которой важно помнить еще и потому, что с ее истоками связаны имена, важные для отечественной не только португалистики, но романистики в целом.

В 2015 г. исполнилось 50 лет с момента начала, в сентябре 1965 г., преподавания португальского языка как спецкурса (или, как тогда назы-

вали, факультативного курса) португальского языка для испанистов Еленой Михайловной Вольф, работавшей в Институте языкознания². Елена Михайловна говорила, что ее взяли в академический институт именно в качестве португалиста, и к моменту открытия факультатива по португальскому на филологическом факультете она уже была автором учебника португальского языка³. Этот факультативный курс Е.М. Вольф вела в 1965–1966 и в 1968–1969 гг.⁴ Некоторые участники этого спецкурса стали соавторами первого обратного словаря португальского языка⁵. В 1971–1972 гг., Е.М. Вольф передала этот курс мне, хотя я тогда еще не была штатным преподавателем университета⁶.

Однако сама Елена Михайловна начала заниматься португальским устоявшей у истоков испанистики в Московском университете. Эрнестины Иосифовны Левинтовой, которая рассказывала своим ученикам, среди них посчастливилось быть и мне, что первые занятия португальским начались еще во время войны, когда университет был в эвакуации. И еще Э.И. Левинтова всегда с гордостью подчеркивала, что в 20–30-х годах XX в. она была ученицей В.Ф. Шишмарева⁷. Так что традиция связывает нас и с достаточно давними временами, и с Петербургским университетом.

За многие годы Московский университет подготовил, помимо специалистов-практиков, преподавателей, работающих в разных учебных заведениях, исследователей языка, литературы, культуры, истории португалоязычных стран⁸.

Возвращаясь к нашим временам, упомянем о более близких к нам датах.

20 лет тому назад был подписан договор между МГУ им. М.В. Ломоносова и Институтом Камонса о создании на филологическом факультете Центра Камонса (*C tedra Cam es*). Это было сделано при максимальном участии декана филологического факультета М.Л. Ремневой, которая всегда оказывала всяческую поддержку развитию португалистики на факультете. Большую помощь в подготовке договора и в организации Центра оказало посольство Португалии в Москве.

В 1995 г. были проведены I Камонсовские чтения (*Leituras Camonianas–1995*)⁹.

Почти 15 лет на факультете успешно работает бразильский лекторат, организованный при очень действенном участии Посольства Бразилии.

И, наконец, можно отметить 5 лет работы на факультете магистратуры с изучением португальского (основного) языка.

Как видим, мы отмечаем целый ряд дат.

Самое важное, что традиция продолжается, и что занятия языком, литературой и культурой стран португальского языка продолжают при-

влекать немалое число студентов всех уровней образования: бакалавриата, магистратуры и аспирантуры.

Но в этом году я могу отметить и свой личный «юбилей португалиста» – в сентябре 2015 г. исполнилось 50 лет, как я, будучи на втором курсе, начала посещать занятия в группе старшекурсников, которую Е.М. Вольф открыла для преподавания факультативного курса португальского языка для испанистов. Фактически это был сопоставительный курс испанского и португальского. Поначалу мне было нелегко, поскольку я оказалась среди студентов 4 курса, которые уже знали испанский, к тому же у них уже был курс истории испанского языка, что очень облегчало изучение португальского. После перерыва в один год, когда не было такой группы, я продолжила занятия. Именно эти весьма краткие факультативные курсы определили всю мою профессиональную жизнь и создали основу для дальнейшего самостоятельного изучения языка (это позволило сразу после окончания филологического факультета стать преподавателем португальского в Министерстве Внешней Торговли, где отнюдь не требовалось знание филологии и истории языка), а также понимание важности изучения истории языка и сопоставительного изучения романских языков не только с точки зрения чисто филологических теоретических интересов, но и с позиций практики преподавания языка, а это уже очень пригодилось в университете, куда я вернулась в 1975 (еще один «юбилей»).

Эти даты дают повод для ответа на вопрос, что же заставило меня, получившую диплом испаниста, столько лет заниматься прежде всего португалистикой. Конечно, это давнее осознание места португальской традиции в европейской (и отнюдь не только в европейской!) истории и культуре.

Тем, кто пристально изучает эту традицию, ее роль и во многих отношениях новаторский характер становятся очевидными и бесспорными. Известна португальская манера не слишком себя выпячивать – скромное “*somos pequeninos*”. Но знающие Португалию и португальцев прекрасно понимают, что за этим стоит глубокое понимание значения своей традиции в мировой истории и культуре. И для этого есть все основания: португальцы во многих отношениях были первопроходцами, опережали свое время. Рискуя далеко выйти за рамки своей компетентности, я все же упомяну о самых ярких фактах.

Прежде всего, вспомним о роли португальцев в Великих географических открытиях. Нет нужды напоминать португалистам о раннем выходе португальцев в Атлантику, об открытии сначала островов, о знании о континенте на далеком западе, что явственно подтверждает и подписан-

ный между Испанией и Португалией именно по инициативе последней Тордесильясский трактат о пересмотре границ разделенного между двумя Пиренейскими странами мира; о плаваниях вдоль побережья Африки, о путешествии Васко да Гамы. Или о плавании в Индию во главе флота из 13 (!) каравелл Педру Алвареша Кабрала (кстати, контр-адмирала Васко да Гамы в первом его путешествии), как бы «между делом завернувшим», благодаря прекрасному знанию пассатов, в Бразилию по дороге на восток и отправившего одно судно в Лиссабон с донесением королю об этом ничуть никого не удивившем «неожиданном» открытии; сам же Кабрал преспокойно продолжил свое путешествие в Азию. Результатом огромной деятельности, начало которой мы видим задолго до Васко да Гамы (благодаря раннему завершению Реконксты на западе полуострова, что, заметим, освобождало для морских путешествий значительный слой мужского населения, раньше занятого войной, а Дону Динишу позволило заняться серьезными преобразованиями, в том числе организацией морского страхования и посадками лесов, будущей корабельной сосны), явилось создание уже в начале XVI в. торговой империи, связавшей регулярными морскими плаваниями все континенты, в первую очередь Азию и Европу, и ставшей первым опытом мировой торговли, который можно считать началом глобализации.

Для Португалии, в отличие от ее соседей, открытия отнюдь не стали неожиданностью. Все это были не случайные разрозненные факты, а результат напряженных усилий, в которых приняли участие все слои общества: королевский дом и нобилитет (вспомним деятельность инфанта Энрике, Генриха Мореплвателя, и заинтересованность королей Ависской династии в выходе за пределы полуострова); церковь, оказывавшая весьма активную, в том числе и финансовую, поддержку, например, Орден Христа, чей символ мы видим на каравеллах; третье сословие – от простого люда, который если не плыл в дальние моря, то во многом себе отказывал, как, например, горожане Порту, отправлявшие все мясо на корабли (примечательно сохраняющееся до сих пор их прозвище *tripeiros*¹⁰), до занявшейся заморской торговлей богатой верхушки.

В течение всего XV в. португальские мореходы, положив конец традиционному каботажному плаванию, изучали морские течения, ветры, способы определения местоположения судна в открытом океане. В Португалии эпохи Возрождения развиваются науки, связанные с мореплаванием: картография, навигация, кораблестроение. Португальскими учеными были решены многие теоретические и практические проблемы, связанные с мореплаванием. Здесь, на основе математических расчетов, были усовершенствованы приборы для определения гео-

графической широты, измерения склонений солнца и звезд, без чего невозможно знать положение судна в открытом море, разработаны новые принципы создания географических карт¹¹. Астрология превращается в астрономию и используется в практических целях. Создаются таблицы солнечного и звездного склонения (примечательно, что эти таблицы были одной из первых печатных книг Португалии¹²). Публикуются трактаты по астрономии, океанографии (большое внимание уделяется морским течениям, ветрам, маршрутам судов). Создаются описания новых земель, их природы, населяющих их народов (обычаев, истории, религии) и, конечно, языков. На разные европейские языки переводятся многие книги по морскому делу. Высоко ценятся в разных странах португальские капитаны и лоцманы (достаточно вспомнить о португальце Магеллане, возглавившем испанскую экспедицию вокруг света). Несколько лет плывал лоцманом на французских кораблях Ф. де Оливейра, автор первой португальской грамматики, написавший также несколько трактатов о мореплавании¹³.

В первой половине XVI в. в Португалии происходит важнейший сдвиг в научном мышлении: осознание опыта как основного критерия истины и отказ от авторитета древних. Раньше других об этом свидетельствует Дуарте Пашеку Перейра¹⁴: «опыт, отец всех вещей, выводит нас из заблуждений и уничтожает все сомнения», «опыт, отец вещей, научил нас непреложной истине»¹⁵. О. Алмейда пишет, что «после Дуарте Пашеку Перейры ссылки на опыт как на основу истины, более прочную, чем учения древних, становятся лейтмотивом у португальских авторов» (Жоана де Лишбоа, Са де Миранды, Гашпара Баррейруша, Камознса). Жоан де Каштру, убежденный, что знания, полученные португальцами эмпирическим путем, – лучшая основа, чем писания древних, отказывается опираться на Птолемея, Плиния, Помпония Мелу и Страбона. О роли опыта в познании, о связи опыта и разума писали и до этого (Аристотель, Гален, Р. Бэкон и др.), но если раньше это были отдельные изолированные высказывания, то в Португалии XVI в. идея распространяется среди тех, кто занят практикой морских открытий. Опыт становится основным критерием истины и в других отраслях знания. Этому способствует огромная новая информация из разных областей (астрономии, физической и демографической географии, ботаники, техники мореплавания), полученная моряками в дальних путешествиях и стекавшаяся в Португалию. Гарсия де Орта¹⁶ писал об огромном накоплении новых научных сведений: «за один день португальцы узнают больше, чем римляне узнавали за сто лет»¹⁷. Сочинения по медицине также противопоставляли античному знанию новые сведения, основан-

ные на наблюдениях и опыте – на данных анатомии, полученных в результате операций и вскрытий, на сведениях о восточной медицине¹⁸. Португальцы XVI в., в первую очередь, Педру Нунеш, Жоан де Каштру, Гарсия де Орта, развив и укрепив идею опыта как основы истины и отказа от авторитета древних, сыграли немалую роль в подготовке того переворота, который совершила европейская наука в течение следующих ста лет. Ж. де Каштру явно близок к идее рационализма, когда в своем диалоге¹⁹ отвечает ученику, задающему вопрос о «разуме, отрицающем то, что видят глаза»: «Чувство должно подчиняться пониманию <...>, т.к. чувство, не проверенное пониманием, может нас обмануть»²⁰. Э. Сидаде имел все основания для утверждения, что в ренессансной Португалии царил подлинно научный дух задолго до рождения Ф. Бэкона, первого его теоретика [Cidade 1959, v. 1, 100–101].

Особенность португальской науки – не противопоставление теории и практики, а их сочетание, соединение²¹.

Открытие и освоение новых земель требовали конкретных практических знаний. Естественные науки в Португалии XVI в. отнюдь не относились к периферии знания и не сводились к теологии, были не умозрительным знанием. Картографы, штурманы, судостроители, космографы – все были заняты фактами, внимание к практике – характерная особенность португальского Возрождения²², но прагматизм имел и оборотную сторону: в Португалии не произошло перехода от факта к закону, к построению философской системы, португальская наука остановилась на наблюдении, вклад португальцев в происходивший в эпоху Возрождения прогресс состоял в накоплении фактов. В результате важные научные идеи, связанные с теориями света, звука, всемирного тяготения, вакуума, высказывавшиеся португальцами²³, не получили должного философского осмысления и развития и как научные теории были представлены позднее Декартом и Ньютоном.

Возможно, я излишне подробно остановилась на вкладе португальцев в становление естественных наук, потому что эта сторона обычно привлекает меньшее внимание гуманитариев. Однако это вовсе не означает, что вклад Португалии в мировую культуру ограничивается этой сферой. Историографы считают, что хроника Фернана Лопеша, посвященная событиям 1383–1385 гг., была первым собственно историческим сочинением в европейской традиции, историки литературы видят истоки современного театра в *autos* Жила Висенте и отмечают, что именно Камознсу в *Лузиадах* удалось создать ренессансную эпопею по образцу античной. Обращусь, однако, к предмету, более знакомому мне в силу многолетнего изучения – к истории языкознания, но не с целью анализа

какой-то конкретной лингвистической проблемы перед широким кругом португалистов, представляющих разные гуманитарные дисциплины а для того, чтобы просто обозначить, еще раз, вклад португальской науки и в эту область, чтобы подчеркнуть, что и в этой сфере Португалия предвосхитила важнейшие тенденции развития европейской науки и практики изучения языка.

Изучение начального этапа португальской лингвистики выявляет ее связь не только с предшествующей и с последующей порроялевской традицией, но и с лингвистикой наших дней. Авторы ранних португальских сочинений о языке разрабатывают проблематику, которая находит очень интересные параллели с современной наукой о языке, предвосхищая концепции и принципы описания современной лингвистики (разумеется, изложенные в терминсистемах, отличающихся от современных).

Вопросы апологии, значения языка для народа, государства, полноты его функциональной парадигмы для языкового коллектива был одним из ключевых и для Оливейры (как и для многих ренессансных авторов, вспомним Данте, Небриху), и для Гумбольдта, а в наши дни приобретает все большую актуальность. Отметим, что апология родного языка эволюционирует у португальских авторов XVI–XVII вв. от защиты конкретного языка к самому принципу защиты родного языка вообще и к разрушению иерархического видения языков.

Оливейра, Барруш, авторы миссионерских грамматик (Фигейра, Эштеван) нащупывают некоторые аспекты соотношения системы, нормы и речи, регулярных и нерегулярных форм, типовых и нетиповых моделей, различное содержание «терминов» *língua*, *linguagem*, *falar*, что заставляет вспомнить о структуралистах XX в. Толкование автором первой португальской грамматики вопросов нормы (ее территориальной, социальной, функциональной базы, историчности, роли узуса в кодификации, языкового варьирования), социолингвистики весьма сближают его с Косериу. У Оливейры намечаются черты системного подхода к фонетике, приближение к понятию фонемы, различению общей и частной фонетики; его внимание к звучащей речи подводит к описанию артикуляций, различению фонетики и графики (ср. Бодуэна де Куртенэ, Трубецкого, современную фонетику, фонологию). К современной лингвистике приближает португальских авторов и понимание проблематики членности слова: он решают проблема делимитации слова, аналитических форм; в разных языках выделяют морфемы, носители словообразовательных и словоизменительных значений, при этом намечается выделение словообразования в особый раздел лингвистического описания. Авторы грамматик португальского, латыни, древнееврейского, тупи, конкани

(Оливейра, Барруш, Соуза, Резенде, Тавора, Робореду, Аншьета, Фигейра, Эштеван), представили множество разных языков на основе единой модели, в качестве которой выступил античный грамматический канон, который в результате сам был переосмыслен как универсальная основа языков; подошли к грамматическим и универсальным категориям (категорий падежа, времени, наклонения, залога); уделяли внимание уровню предложения, описывая, в терминах морфологии, его синтаксис – актанты, соотношение глубинной и поверхностной структур (Ср. Филлмора, Куриловича). Все это подводило к разделению грамматик на частные и универсальные, к лингвистической типологии (одной из центральных дисциплин современного языкознания), и вылилось в появление в португальской традиции, за 40 лет до грамматики Пор-Рояля, первой универсальной рациональной грамматики, идеи которой Робореду ясно эксплицирует как в тексте самого сочинения, параллельно описывающего два языка, португальский и латынь, так и в названии произведения и его частей: “Methodo grammatical para todas as línguas”, “Grammatica exemplificada na Portuguesa e Latina” (грамматика предстает здесь как универсальная абстракция, которая может быть проиллюстрирована примерами из разных конкретных языков, в данном случае, португальского и латинского). О формирующемся процессе исторического подхода к языку свидетельствует отход от понимания языковых изменений как порчи языка. Появляются трактаты (Нунеш де Леан), описывающие историю родного языка, представляющие формирование романских языков из латыни, изменения в фонетике, грамматике, лексике; современное понимание этимологии – учета, наряду с семантикой, фонетических процессов, понимание которых приближается к понятию фонетических законов, позволяет создать прообраз этимологического словаря. Складывающееся понимание этимологии, весьма близкое к ее пониманию Пизани, позволяет португальскому автору осуществить достаточно успешный опыт создания этимологического словаря. Задача обучения живой речи на иностранном языке вызывает внимание к проблематике дискурса. Авторы миссионерских грамматик (Фигейра, Эштеван), грамматика португальского языка как иностранного (Б. Перейра), исходя из задач обучения успешной коммуникации в реальных условиях не могли ограничиться просто описанием языковой системы и затрагивают функциональную проблематику. Намечается тенденция к различению семантики и прагматики, а в последней – средств организации высказывания в зависимости от его целей, социальных, гендерных характеристик, эмоционального состояния участников коммуникации и т.п. (ср. Ван Дейка). О развитии идей лингводидактики задолго до Бозе и до Вернея свиде-

тельствуют грамматика португальского языка как иностранного (Б. Перрейра) и особенно сочинения (практически серия, комплект учебных пособий) Робореду. Исходя из апологии родного языка и разработанной португальской неосхоластикой теории познания, (сенсуализм, учет психологических аспектов обучения) автор начала XVII в., предлагает проверенные в практике обучения языку универсальный метод и детально проработанную методику преподавания, во многом предвосхищающую современную.

Как видим, уже на самом раннем (но и наиболее интересном) этапе своей истории португальская лингвистика по широте охвата и глубине разработки различных аспектов намного опережает современную ей итальянскую и французскую традиции, сближаясь, подчеркну, с содержанием испанских лингвистических сочинений эпохи. Это далеко не случайно: в эпоху, предшествующую созданию грамматики Пор-Рояля, на Иберийском полуострове сложился особый социокультурный контекст: сочетание ренессансных черт, сближающих пиренейские страны с Италией и Францией, и черт средневековых, обусловленных охранительными тенденциями контрреформации, в частности, сохранение средневековой философии и логики. В этой связи уместно напомнить о знаменитом, основанном на комментарии к Аристотелю, Коимбрском курсе философии, *Curso Conimbricense*, с примыкающим к нему трактатом Фонсеки по логике, которые оказали огромное влияние на Декарта, Спинозу, Лейбница. Португальская традиция отнюдь не отказалась от достижений средневековой лингвистики (идей единой грамматики, универсальной рациональной основы всех языков, внимания к семантике, к синтаксису предложения. Сочетание идей, характерных для ренессансной лингвистики (апология родного языка, задача его кодификации, интерес к реальным фактам и условиям бытования живых языков, обращение к античной традиции), сохраняющихся на Пиренейском полуострове достижений средневековой грамматической мысли, представленных в трактатах модистов (семантико-синтаксическая, универсалистская проблематика), а также задачи, вызванные Великими географическими открытиями (эмпиризм, внимание к конкретным живым языкам не просто для представления их языковых систем, а в целях обучения успешной коммуникации в разнообразных ситуациях реального общения) предопределило максимально широкий подход к проблемам языка.

Это вело от некогда единого канона грамматического описания языка к целому комплексу различных подходов к языку: тенденции к системному описанию всех уровней языка, к формированию типологии,

исторического языкознания, социолингвистики, к выработке принципов обучения языку, подводило к структуризации лингвистического описания, а следовательно к формированию отдельных лингвистических дисциплин. На этом пути важную роль сыграла универсализация самих лингвистических понятий, идея их применимости к любому языку. Характер португальской традиции обусловил не только максимальной широкий спектр проблематики, но и утверждение самых разных принципов описания языка, необычайное расширение круга описываемых языков, становление основных жанров лингвистических сочинений, типов грамматик (универсальных и частных, сопоставительных, исторических, теоретических и учебных, словарей, понятий (а с ними и терминосистем) и методов, характерных для современной науки. Все это означало становление лингвистики как зрелой науки со своим особым предметом и принципами изучения. Переоценить роль португальских и, шире, пиренейских сочинений в этом процессе невозможно. Португальские сочинения представляют тот поворот в науке предпорроялевской эпохи, который определил формирование лингвистики Нового времени.

Обстоятельства истории Португалии сложились так, что после утраты на 60 лет независимости на излете Ренессанса (унии с Испанией), небольшая пиренейская страна теряет многие свои позиции. Но занятия Португалией, ее языком, историей, культурой остаются очень интересными. Кроме того, она создала новый португалоязычный ареал с большими перспективами в будущем – думаю, что никто из португалистов не сомневается в возможностях и растущем потенциале Бразилии. Таким образом, юбилейные размышления португалиста не могут ограничиваться подведением итогов.

Литература

Косарик М.А. Социокультурный контекст, языковая ситуация в Португалии XVI–XVII вв. и содержание португальских лингвистических сочинений (роль межпарадигматических периодов в истории языкознания) // Филология: вечная и молодая: Сборник статей к юбилею профессора М.Л. Ремневой / Под ред. М.Ю. Сидоровой и Л.А. Дунаевой. – Издательство Московского университета (Москва), 2012. – С. 181–250.

Косарик М.А. Социолингвистическая проблематика в ранних португальских сочинениях о языке: В рамках проекта "Лингвистическая доктрина Португалии XVI–XVII веков: Теория и практика описания языка": Монография. – МАКС Пресс Москва, 2013. – С. 208.

Косарик М.А. Описание языковой системы в ранних лингвистических памятниках Португалии: В рамках проекта "Лингвистическая доктрина Португалии XVI–XVII веков: Теория и практика описания языка": Т. I: Фонетика. Морфемика. Морфология именных частей речи: Монография. – Макс Пресс Москва, 2013. – С. 228.

Cidade H. Lições de cultura e literatura portuguesas. – Coimbra editora, 1975.

Kossarik M.A. A obra de Amaro de Roboredo. Questões de historiografia linguística portuguesa. // Roboredo A. de. Methodo Grammatical para todas as Linguas. Edição de Marina A. Kossarik. – Imprensa nacional – Casa da Moeda Lisboa, 2002.

Kosarik M.A. Universalização de conceitos linguísticos como etapa da consolidação da ciência – contribuição dos filólogos portugueses // CONFLUÊNCIA Revista do Instituto da Língua Portuguesa. – 2015. – №49. – P. 162–200.

¹ Первый выпуск, состоялся в том же 1977 г., группы продолжали работать в течение пяти лет.

² Тогда Институт языкознания АН СССР, ныне ИЯ РАН.

³ Вольф Е.М., Никонов Б.А. Португальский язык / Под ред. проф. Р.А. Будагова и Н.С. Чемоданова // М.: Изд-во МГУ. – 1965. Насколько мне известно, это первый учебник португальского языка в России.

⁴ В этих группах занимались Котрелев Н.В., Резниченко В.Е., Косарик М.А., Нарумов Б.П., Мартынова Л.Л., Константинова Н.С. и др.

⁵ Вольф Е.М., Нарумов Б.П., Вайсборд А.С., Косарик М.А. Обратный словарь португальского языка. / Dicionário inverso da língua portuguesa. – М.: Наука, 1971.

⁶ В этих группах изучали португальский О. Урибес, И.Ф. Ликунова, В. Алексеев, Н.В. Малыгина.

⁷ Вспомним в этой связи разделы об истории португальского, галисийского в его книге: Шишмарев В. Очерки по истории языков Испании. – АН СССР, 1941.

⁸ Среди тех, кто занимался португальским в МГУ, Вольф Е.М., Нарумов Б.П., Варьяш О.И., Косарик М.А., Константинова Н.С., Мартынова Л.Л., Чельшева И.И., Азарова Н.М., Сапрыкина О.А., Окунева Л.С., Кирсанова Н.В., Хенкин С.М., Петрова Г.М., Огнева Е.В., Надъярных М.Ф., Овчаренко О.А., Воронова А.Г., Шершуква О.А., Гуревич Д.Л., Черных А.П., Кабицкий М.Е.

⁹ До настоящего времени было проведено 5 конференций и изданы двуязычные сборники их материалов.

¹⁰ От tripas, требуха.

¹¹ Автором многих трудов по естественным наукам был Педру Нунеш: это комментированные переводы Птолемея, Сакробоско, трактаты по геометрии, алгебре, астрономии, географии, навигации, картографии (Tratado da Esfera, Teoria do movimento do Sol e da Lua, Tratado de Geografia de Ptolomeu, Tratado de algumas duvidas da navegação, Tratado em defensam da carta de marear 1537 г.; Astronomici Introductorii de Sphaere Eritome между 1537 и 1542 г.; De Crepusculis Libri Unus 1542 г.; Erratis Orontii Finaei. Petri Nonii Salaciensis Opera 1566г.; Libro de Álgebra en Arithmetica y Geometria 1567г.;

De arte atque Navigandi 1546?, 1573.; Defensam do Tratado de Rumação do Globo para a Arte de Navegar; Algebra). Нунеш разработал принципы картографии, в дальнейшем легшие в основу атласа Г. Меркатора: принцип сохранения углов и передачи расстояний по прямой, учитывая кривизну поверхности земли. Теоретические разработки Педру Нунеша сделали возможным создание более точных навигационных инструментов. Жоан де Каштру – автор трактатов по астрономии и географии (Tratado da Sphaera por Perguntas e Respostas e Da Geographia, 1538 г.). Он оставил также описания морских путей в Индию и в Красное море (1538–1540 гг.), которые на протяжении XVII и XVIII вв. переводились на латинский, английский, французский, голландский и другие языки, т.к. содержали данные о склонении солнца и звезд, уточнения к существующим картам, наброски новых карт, топографические планы и описания бухт, рек, морских стоянок и т.п.

¹² Составленные А. Закутой, они были изданы в Лейпциге в 1496 г. – “Almanach Perpetuum”.

¹³ “Arte de guerra do mar”, “Ars nautica”, “Livro do fabrico das naus”.

¹⁴ Pereira, Duarte Pacheco. Esmeraldo de Situ Orbis (между 1505 и 1508). Описанные в этом сочинении факты, с которыми португальцы сталкиваются во время путешествия у западного побережья Африки, опровергают представления античных авторов. “A experiência nos faz viver sem engano das abusões e fábulas que alguns dos antigos cosmógrafos escreveram acerca da descrição da terra e do mar, os quais disseram que toda a terra que jaz dabaixo do círculo da equinocial era inabitável pola grande quentura do sol” (livro II, capítulo 11). “Esta terra é muito vezinha do circulo equinocial, da qual os antigos disseram que era inabitável e nós por ‘experiência’ achamos o contrário” (livro II, capítulo 10).

¹⁵ “a experiência, que é madre das cousas, nos desengana e de toda a dúvida nos tira” (p. 135). “sendo a experiência a madre das cousas, ela ensinou-nos a verdade segura” (p. 55).

¹⁶ Garcia de Orta. Coloquios dos simples, he drogas e cousas mediçinaes da India. (Goa, 1563).

¹⁷ Sabe-se mais agora em um dia pelos Portugueses do que se sabia em cem anos pelos Romãos [Orta, Colóquio 9].

¹⁸ “Centurias Medicas” А. Лузитану, трактат Гарсии де Орта.

¹⁹ “Tratado da Sphaera por Perguntas e Respostas a Modo de Diálogo” [Obras 1968].

²⁰ “É necessário aqui o sentido obedecer ao entendimento, <...> porque certo está que em muitas coisas nos enganaram os sentidos, se não fossem guiados e examinados pelo entendimento” [Obras 1968, 54–55].

²¹ Пример тому – Педру Нунеш, сочетавший преподавание в университете Коимбры с реальной практической работой космографа, которого регулярно приглашали для решения технических задач, связанных с техникой навигации. Кроме того, он вел «класс сферы» (aula de esfera), т.е. занятия по астрономии и картографии для лоцманов, навигаторов и картографов.

²² Este espírito de Renascimento não haveria transcendido, entre nós, para além destas manifestações de natureza interessada, prática, determinada pelos objectivos práticos que serviam. Teria sido capaz de se erguer, em esforço especulativo, a uma nova concepção da Vida e do Universo?

²³ Антониу Луишем, Антониу Кордейрой.

Н.Г. Мед
(СПбГУ)

Национально-культурное своеобразие бразильских фразеологизмов

Язык следует рассматривать как вербальный код культуры, как ее творец, поскольку материальная и духовная культура находят свое выражение именно в языке (Толстой 1995: 15–26). Таким образом, культура определяется как совокупность определенных знаков – культурем, которых составляют культурную компетенцию того или иного этноса и которые обобщают результаты духовной деятельности человека (Телия 1991: 5–66, Привалова 2005: 51). Среди существующих определений культурных знаков наиболее близким нам является определение В.В. Воробьева, который считает культурему элементом действительности, реалией, свойственной той или иной культуре, а лингвокультуремой он называет проекцию элемента культуры в языковой знак (Воробьев 1997: 44–49).

Фразеология португальского языка, и, в частности, его бразильского варианта, не получила должного освещения ни в отечественной, ни в зарубежной лингвистике, хотя в последнее время появился ряд интересных научных работ по бразильской фразеологии (M.L. Ortiz Alvarez, R.S. Monteiro-Plantin, C. Xatara, etc.).

Темой настоящего исследования являются идиоэтнические фразеологизмы бразильского варианта португальского языка, отражающие его национально-культурную специфику. Анализ исследованного языкового материала показал, что национально-культурная специфика бразильской фразеологии отражает реалии животного и растительного мира Бразилии, особенности гастрономии, национальные традиции (карнавал), местные верования, футбол, воплощаемые в ряде лингвокультурем.

Так, среди зоонимов, формирующих национально-окрашенные фразеологизмы, можно выделить такие лингвокультуремы как “urubu”, “arara”, “emu”, tetéu.

Зооним “**urubu**”, птица семейства американских грифов, обитающая в Северной и Южной Америки и питающаяся падалью, отбросами, входит в состав фразеологизма “**como urubu na carniça**” (букв. как урубубу на падаль), создавая образ безжалостного человека, охотящегося за своей жертвой. Фразеологизм “**no bico do urubu**” (букв. в клюве урубубу) характеризует человека, ослабленного болезнью, находящегося при смерти или в крайне тяжелой жизненной ситуации (Xatara, Cassiano Riva 2015: 291). Например: Fulano não pagou a dívida e agora está “**no bico do urubu**”

(<http://www.dicionarioinformal.com.br/no%20bico%20do%20urubu/>) ‘Он не выплатил долг и сейчас находится в безвыходном положении’.

Во фразеологизме “**Escovar, lavar urubu**” (букв. чистить, мыть урубубу) то есть находиться в плохом положении, быть бездельником или безработным (Cruz Romão 2012: 110), по всей видимости, отражаются представления о бессмысленности данного неприятного времяпровождения, которые создают образ никчемного, неудачливого человека.

Крик **арары или ара**, длиннохвостого попугая, обитающего в Америке (от Мексики до Парагвая), отличается схожестью с возгласами, вскриками взволнованного, отчаявшегося человека, что находит отражение во фразеологизме “**ficar uma arara**” (нервничать, волноваться) (Xatara, Cassiano Riva 2015: 294). Например: Fulano vai **ficar uma arara** com você. (<http://www.dicionarioinformal.com.br/ficar%20uma%20arara/>) ‘Он будет очень нервничать из-за вас’.

Образ человека сидящего верхом на **эму**, разновидности бразильского страуса, всеми силами пытающегося на нем удержаться, подскакивающего и нелепо болтающегося, ассоциируется с походкой и движениями пьяного человека: “**Estar montado no ema, montar na ema**” (букв. сидеть верхом на эму, перен. быть пьяным) (Cruz Romão 2012: 107).

Птица **tetéu** (quego-quego) или терутеро из семейства ржанкообразных, обитающая в Южной Америке, стала прообразом ничтожного и эгоистичного человека во фразеологизме “**ser carne de tetéu**”, видимо, в силу звуковых ассоциаций: ее хриплые крики похожи на возгласы quego-quego (букв. хочу-хочу – отсюда и второе название) человека, живущего только для себя и не считающегося с другими: “Esse governo é **carne de tetéu**, não dá aumento de salário há oito anos...” (<http://www.acumae.com.br/dicionario-ceares>) ‘Это правительство живет только для себя, за 8 лет не сделало никакой прибавки к зарплате’.

Среди фразеологизмов семантической сферы «Животный мир» отметим еще фразеологизм “**boi de piranha**” (букв. бык для пираньи) со значением «козел отпущения» или «отклонение от главной темы в беседе» (Xatara, Cassiano Riva 2015: 293). Префразеологическая ситуация связана с обычаем бразильских скотоводов заводить первым в реку, кишашую пираниями, старого или больного быка для сохранения остального стада, переходящего реку (https://pt.wikipedia.org/wiki/Boi_de_piranha). Так, заголовок статьи в бразильской газете “Estadão” сообщает о несправедливом обвинении управляющего компанией «Петробраз» Жеовани де Мораиса в превышении полномочий: “Me usaram **como boi de piranha** – diz ex-gerente da Petrobras” (<http://politica.estadao.com.br/noticias/geral,me-usaram-como-boi-de->

piranha-diz-ex-gerente-da-petrobras,1606132) ‘Меня использовали как козла отпущения – заявил бывший управляющий компании Петробраз’.

Фразеологизм **“chapéu de touro”** (букв. шляпа быка), используемый в значении «наставить рога» характеризуется как специфически бразильский (Xatara, Cassiano Riva 2015: 294). В его основе заложен образ рогов, венчающих голову быка наподобие головного убора: Mariana levou um *chapéu de touro* de seu namorado (<http://www.dicionarioinformal.com.br/chap%C3%A9u%20de%20touro/>) ‘Жених Марианы наставил ей рога’.

В отношении сферы-источника «Растительный мир» наши наблюдения показали, что здесь основной бразильской лингвокультуремой в формировании фразеологизмов является **abacaxi** (ананас). Основным семантическим компонентом, выделяемым в данном фитониме бразильским языковым сознанием, является сложность его чистки, что и отражается в следующих фразеологизмах: **“descascar o abacaxi”** (букв. очистить абакаши, перен. решать сложную проблему) и **“passar o abacaxi”** para alguém (букв. передать абакаши кому-либо, перен. переложить решение проблемы на другого). Например: A situação financeira da empresa piorou, Maria terá que *descascar esse abacaxi* (Поскольку финансовое положение предприятия ухудшилось, Марии придется решать эту проблему); Como eu não sei nada de informática, eu vou *passar esse abacaxi* para o Pedro (Silva Medeiros Caetano 2012: 507) ‘Так как я ничего не понимаю в информатике, я это поручу Педро’. Поскольку за данным фитонимом закрепилось отрицательное значение (Ele está com um tremendo *abacaxi* para resolver – ему предстоит решить очень трудную задачу), появился еще один фразеологизм **“troféu abacaxi”** (букв. трофей абакаши), в шутливо-иронической форме означающий «утешительный приз для неудачников». Его происхождение связано с телевизионной программой 70-х годов прошлого века “A Vuzina do Chacrinha”, в которой ведущий вручал ананас в качестве утешительного приза для выбывших участников (Monteiro-Plantin 2012: 137).

Банан является дешевым фруктом, поэтому фразеологизм **“a preço de banana”** (букв. по цене банана) используется со значением крайней дешевизны какого-либо товара, широко используется, например, в рекламе: *Ações a preço de banana!* (<http://www.gazetadopovo.com.br/economia/acoes-a-preco-de-banana-baxo0gk4lst4qsf6tflmfwtam>). ‘Акции – дешево!’

Вьющееся растение **chuchu** отличается невероятной способностью к размножению, что нашло свое отражение во фразеологизме **“dar mais do que chuchu na serra”** (букв. давать больше, чем шушу в сьерре, перен. действовать интенсивно, с большой частотностью) (Monteiro-Plantin

2012:134). Например: *Enfim a eUSropa se transformou em um Rendez-vous de baixa categoria para as tropas do USArmy, baixa categoria porque todas as províncias estão sem grana e fazendo amor quase de graça a troco de um prato de sopa. De graça, hein! Esperem as sanções da RÚSSIA começarem a esquentar, pois vão **dar mais que chuchu na serra**.* (<http://navalbrasil.com/assange-afirma-que-deixara-embaixada-do-equador-em-londres/>). ‘В конечном итоге проштатовская Европа превратилась в бордель низкой категории для войск США, низкой потому, что все их провинции в Европе сидят без денег и занимаются любовью почти даром в обмен на тарелку супа. Бесплатно, да! Подождите, скоро российские санкции начнут прижимать и будут давить больше, чем шушу в сьерре)’.

Среди многочисленных национально-окрашенных фразеологизмов, относящихся к семантической сфере «Гастрономия», отметим лишь фразеологизм **“tudo acabou em pizza”** (букв. все закончилось пиццей), широко используемый в политическом дискурсе в тех случаях, когда никто не получил заслуженного наказания за свои проступки и, таким образом, дело ничем не закончилось. Считается, что данное выражение возникло в 60-е годы XX века в футбольной среде. Спортивные чиновники команды *Palmeiras* собрались для обсуждения серьезных вопросов и после 14 часов дискуссий проголодались и заказали 18 больших пицц и пиво. За едой они благополучно забыли свои разногласия и разошлись по домам, не придя ни к каким выводам. Милтон Перруцци, спортивный журналист *Gazeta Esportiva*, опубликовал потом статью, озаглавленную «*Crise do Palmeiras termina em pizza*» (букв. Кризис Палмейрас закончился пиццей). Отсюда и пошло это выражение со значением «ничем не закончиться»: *O último escândalo sobre os deputados corruptos acabou em pizza, ninguém foi preso* (<http://www.dicionarioinformal.com.br/acabar%20em%20pizza/>). ‘Последний скандал с коррумпированными депутатами ничем не закончился, никого не арестовали’.

Неотъемлемой частью бразильской культуры является карнавал с его зажигательной музыкой и танцами, пышными нарядами, конкурсом школ самбы. Фразеологизм **“rodar a baiana”** (букв. кружить баиану, перен. устроить скандал, произвести фурор, ссориться) связан своим значением с таким элементом карнавала как “*ala das baianas*”, то есть с группой женщин в пышных юбках, с браслетами, бусами, в тюрбанах, чествующих так называемых “*tias do samba*” родом из Баии, которые в свое время прятали в своих домах танцоров самбы, поскольку в 20-е и 30-е годы XX века самба как музыкальное произведение и танец были запрещены (Xatara, Cassiano Riva 2015: 295). Например: *Pare com isso ou*

eu vou *rodar a baiana* (<http://www.significados.com.br/rodar-a-baiana/>) ‘Прекратите это, иначе я устрою скандал’.

Во фразеологизме “*dar samba*” (букв. сочинять самбу, исполнять самбу, перен. иметь успех в каком-либо предприятии, проекте) лингвокультурема “*samba*” обладает положительным значением, связанным с радостными эмоциями, которые вызывает этот зажигательный танец. Журналист Мартинью да Вила пишет: *Quando o Barack estava concorrendo à presidência dos Estados Unidos, eu escrevi o artigo “Obama vai dar Samba”. Vai dar samba é uma expressão popular que quer dizer “vai dar certo” e eu escrevi no sentido de “vai vencer, vai ser eleito” e deu samba* (<http://www.irdeb.ba.gov.br/tamboresdaliberdade/?p=217>) (Xatara, Cassiano Riva 2015: 295). ‘Когда Барак баллотировался на должность президента США, я написал статью «Обама добьется успеха» (букв. станцует самбу). Станцует самбу – это разговорное выражение, означающее «добьется успеха», и я написал, что «он победит, его изберут, и он победил» (букв. станцевал самбу)’.

Однако, в ритме и движениях танцоров самбы можно также усмотреть некий вызов, агрессию, отсюда фразеологизм “*sambar na cara*” (букв. танцевать самбу в лицо, перен. унижить кого-либо): *Gaga samba na cara* da Britney. (<http://www.dicionarioinformal.com.br/sambar/>) ‘Гага утерла нос Бритни’.

В семантической сфере «Верования, религия» яркой национально-культурной маркированностью обладает фразеологизм “*estar de/ fazer/ calundu*” (букв. совершать калунду, перен. быть в плохом настроении, агрессивным, сердиться), в котором прослеживается связь с африканским магическим культом калунду, распространенным в Бразилии. Сердитый, агрессивный человек своим внешним видом напоминает одержимого, исповедующего этот культ (Ramos Nogueira 2015: 73).

С футболом, национальным спортом Бразилии, также связано большое количество устойчивых выражений, широко используемых в повседневном общении. Так, например, “*mudar de time*” (букв. сменить команду, перен. сменить политическую, идеологическую, сексуальную ориентацию), “*dar/ levar(um) cartão vermelho*” (букв. поднять красную карточку, то есть удалить игрока с футбольного поля, перен. исключить из игры, из учреждения, из коллектива (Cassiano Riva 2012: 327). Например: *As advertências são o cartão amarelo dentro de uma empresa, sendo o cartão vermelho a suspensão ou mesmo a demissão do emprego por comportamentos inadequados no ambiente de trabalho* (<http://www.pontorh.com.br/principais-motivos-para-advertencias-trabalhistas/>). ‘Предупреждения – это своего рода желтая карточка на предприятии, а

красная карточка – это отстранение или даже увольнение с работы за неадекватное поведение на рабочем месте’.

Отдельно остановимся на таком фразеологизме как **Lei de Gérson** (букв. закон Жерсона) или а **Lei da Vantagem** (букв. закон преимущества), означающем нарушение моральных принципов с целью извлечения выгоды. Конечно, знаменитый футболист Жерсон де Оливейра, игрок бразильской сборной в 70-х годах прошлого века, не нарушал никаких этических норм, а просто однажды снялся в рекламе сигарет Vila Rica. Зажигая сигарету, он произнес следующую фразу: “Por que pagar mais caro se o Vila me dá tudo aquilo que eu quero de um bom cigarro? Gosto de levar vantagem em tudo, certo? *Leve vantagem você também, leve Vila Rica!*” ‘Зачем платить больше, если Вила Рика мне дает все то, что требуется от хороших сигарет. Я люблю иметь преимущество во всем, понятно? Получите тоже это преимущество, курите Вила Рика!’ После этой рекламы и появился фразеологизм а **Lei de Gérson**, который в настоящее время используется для характеристики национального характера бразильцев, любящих нарушать общепринятые нормы для достижения собственных своекорыстных целей.

Отношение бразильцев к своему национальному характеру и к Другому также находит свое отражение в ряде фразеологизмов. В-первых, это знаменитый “**jeitinho brasileiro**” как образ существования бразильцев, состоящий в игнорировании существующих норм, в насмешке над установленными правилами, в умении вывернуться в сложной ситуации, решить проблему нетривиальным способом, обходя все возможные условности: *Se não fosse o meu “jeitinho brasileiro”, eu não teria resolvido aquele problema.* (<http://www.dicionarioinformal.com.br/exemplos/jeitinho%20brasileiro/>). ‘Если бы не моя бразильская национальная особенность, я бы не решил эту проблему’. Воплощением этих черт характера является антропоморфный попугай Зе Кариока, придуманный Уолтом Диснеем, главный персонаж одноименного журнала, веселый, беспечный, ленивый. Он танцует самбу, рассказывает смешные истории, всегда выходит сухим из воды, то есть “*dá um jeitinho para tudo*” (Monteiro-Plantin 2012: 151–152).

В каждом языке существует определенный круг стереотипных представлений о чужих, обусловленных предвзятым мнением носителей языка, характеризующих людей, не похожих на своих, с позиции отрицательной оценки, поскольку людям свойственно переоценивать свою собственную культуру и обобщать опыт общения с иностранцами в различного рода предрассудках (Лихтенберг 1994: 90). Такими «иностран-

цами» для бразильцев являются коренные жители Бразилии, негры и индейцы. Пренебрежительное отношение к бразильским неграм отражается во фразеологизме “**nascer com um pé na cozinha**” (букв. родиться с одной ногой на кухне), в котором отражаются стереотипные представления о месте темнокожего в обществе, а также во фразеологизме “**serviço de preto**” (букв. работа негра, перен. плохо выполненная работа, халтура): *Que serviço de preto!* (Monteiro-Plantin 2012: 297) ‘Что за халтура!’.

Фразеологизм “**programa de índio**” (букв. программа индейца) отражает представления о жизни индейцев на природе, в условиях, лишенных современного комфорта, и означает какое-либо незатейливое мероприятие, без предварительной организации, удобств цивилизации: *Fazer trilha no meio do mato? Isso é programa de índio! Visitar uma praia deserta onde não tem nada? Isso é programa de índio! Ir a uma floresta só para ficar observando os passarinhos? Isso é programa de índio!* (<http://www.teclasap.com.br/expressoes-idiomaticas-programa-de-indio/>). ‘Пробираться через заросли? Это программа индейца! Пойти на пустынный пляж, где нет никаких удобств? Это программа индейца! Пойти в лес только затем, чтобы наблюдать за птичками? Это программа индейца!’

Представления о русских отражены во фразеологизме «**a coisa está russa**» (букв. русская вещь, перен. серьезная проблема, трудность) (Monteiro-Plantin 2012: 159). Как отмечается в справочниках по бразильской фразеологии, здесь наблюдается народная этимология: прилагательное «**ruço**» (серый, пепельный, туманный) в народном сознании превратилось в “**russo**” (русский) (<http://www.portuguesnarede.com/2010/11/situacao-esta-russa-ou-ruca.html>), видимо, по аналогии с бытующим за рубежом образом России, постоянно преодолевающей трудности. Хотя, возможно, что речь не идет о народной этимологии, поскольку, например, в итальянском языке существуют схожие фразеологизмы “**essere una Russia**” (букв. быть Россией, перен. сложная ситуация, беспорядок, сумятица) и “**far Russia**” (букв. делать Россию, перен. создавать беспорядок, сумятицу).

Рамки данной статьи не позволяют изложить более подробно другие национально-специфические особенности бразильской фразеологии. Важным является то, что национально-культурная специфика фразеологизмов состоит не в наименовании и характеристике чего-либо уникального, свойственного лишь одной культуре, а прежде всего в выборе техники номинации.

Литература

- Воробьев В.В.* Лингвокультурология (теория и методы). – М.: Изд-во МГУ, 1997 – 340 с.
- Лихтенберг Ю.* Устойчивые сравнения в диалоге культур (на материале русского, болгарского, немецкого и итальянского языков) // РЯЗР, 1994. №5/6. – С. 85–90.
- Привалова И.В.* Интеркультура и языковой знак (лингвокогнитивные основы межкультурной коммуникации. М., Гнозис, 2005. – 472 стр.
- Телия В.Н.* Механизмы экспрессивной окраски языковых единиц // Человеческий фактор в языке: Языковые механизмы экспрессивности. – М., Наука, 1991. – Стр. 5–66.
- Толстой Н.И.* Язык и народная культура // Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. – М., Индрик, 1995. – С.15–26.
- Cassiano Riva Huéinton.* O levantamento de neologismos fraseológicos // Tendências atuais na pesquisa descritiva e aplicada em fraseologia e paremiologia. – Anais – Volume 1 / María Luisa Ortiz Alvarez (Org.) Campinas, SP: Pontes Editores, 2012. – P. 313–331.
- Cruz Romão Tito Lívio.* As aves de aquém e além-mar: fraseologias cotejadas entre o português do Brasil e o alemão // Tendências atuais na pesquisa descritiva e aplicada em fraseologia e paremiologia. –Anais – Volume 2 / María Luisa Ortiz Alvarez (Org.) Campinas, SP: Pontes Editores, 2012. – P. 103–113.
- Monteiro-Plantin Rosemeire Selma.* Fraseologia: era uma vez um Patinho Feio no ensino da língua materna (volume I). – Fortaleza: Edições UFC. 2012. – 309 p.
- Silva Medeiros Caetano Fernanda.* Expressões idiomáticas à mesa: sabores do português do Brasil. // Tendências atuais na pesquisa descritiva e aplicada em fraseologia e paremiologia. –Anais – Volume 2 / María Luisa Ortiz Alvarez(Org.) Campinas, SP: Pontes Editores, 2012. – P. 499–508.
- Ramos Nogueira Luis Carlos.* (Re)enunciar a fraseologia: a difícil tarefa do tradutor // Certas palavras o vento não leva: Homenagem ao professor Antonio Pamies Bertrán. Rosemeire Selma Monteiro-Plantin organizadora. – Fortaleza:Parole, 2015 (432 p). – P. 357–380.
- Xatara Cláudia, Cassiano Riva Huéilton.* Os culturemas nas expressões idiomáticas // Certas palavras o vento não leva: Homenagem ao professor Antonio Pamies Bertrán. Rosemeire Selma Monteiro-Plantin organizadora. – Fortaleza:Parole, 2015 (432 p). – P. 287–298.

Ж.К. Мендонса Жоау
(лектор Института Камознса)

Рассуждения на тему звуковой среды Португалии

В первую очередь необходимо напомнить, что акустика – это научная область, которая была создана канадским гуру композиторского искусства Р. Мюрреем Шафером. Он же ввел впервые термин «звуковой ландшафт». Размышляя на тему национальных акустических особенностей, напрашиваются вопросы «есть ли особый португальский способ слушать и воспроизводить звук?», «что отличает нашу звуковую среду от прочих?» и «как может повлиять та или иная звуковая среда на нас?», «есть ли какое-то португальское звуковое наследие», «как Португалия относится к своей звуковой среде?»

Эти вопросы могут показаться банальными, но сегодняшняя Португалия готова исчерпывающе ответить на все из них.

На протяжении истории звуковое восприятие повстречало периоды своего взлета и падения. С легкостью можно заметить, что сегодня все больше встречается визуальное восприятие, нежели на слух. Изобретение книгопечатания осуществило переход от устной культуры к литературной. Этот переход ознаменовал начало нового способа взаимодействия с миром. Невозможно слушать другого без молчания и размышления, зачастую голоса звучат громко и перемешиваются, звучат как удары в барабан – это все не является внимательным слушанием. Возможно подобная ситуация четко описывает слова известной поговорки «Когда все говорят, никто не слышит».

Кажется, что даже само понятие диалога в Португалии отвечает словам вышеупомянутой поговорки. Однако в ней есть и противоречие. Невозможно хотеть говорить и одновременно заставить собеседника не слушать. Заведомо зная, что он не будет слушать собеседника, говорящий особенно не следит за тем, что говорит, а слушатель лишь ограничивается киванием головы. Есть разница между звучанием и восприятием звука. Однако существование этих понятий все меньше зависит от их соотношения, по мере того как нас со всех сторон обложили визуальными образами.

Сложность в примирении понятий «звучать» и «воспринимать» является тем отпечатком, который наложила та модель развития, которой мы сегодня с вами следуем. Звуковая среда электронного, механического происхождения также препятствует их уравниванию. В Португалии, в частности, эта проблема имеет свои характерные черты.

В начале 80-х годов появляются электронные колокола, которые заполняют звуковую среду городов и деревень Португалии. Колокол – это символ общины. Он несет ответственность за отсчет времени, оповещает о каких-то общественных событиях, его удары также служат сигналом тревоги в случае катастрофы. Колокола являются основой звукового ландшафта времен землетрясения 1755 года, это подтверждается в письменных документах той эпохи. Более того, в честь 250-летия со дня трагедии, церкви Лиссабона провели единый ритуал, одновременно забив в колокола в час катастрофы.

Колокол является сильнейшим инструментом, и церковь практически всегда его использовала. Настолько сильным, что даже была попытка секуляризации колоколов во время Французской революции и во времена установления Португальской Республики.

Колокольный звон в моей деревне обозначает просторы моей земли. Когда перестает слышаться колокол, то это означает, что мы вышли за пределы. И вот в то время, когда колокол всегда выполнял роль посредника между учреждениями и сообществом, появляется электронный колокол, более мощный, настоящий звук современности. Но никто не задумался о последствиях его установления. Он стал настоящей напастью для соседей, покушением на чужую территорию.

В контору по вопросам окружающей среды стали приходиться многочисленные жалобы. Тем не менее, представители духовенства ни разу не выступили против установления электронных колоколов до тех пор, пока в Португалии не задумались о заботе звуковой среды. Вопросы, связанные с шумом, проходили через контору по защите окружающей среды, которая была создана в 80-е годы с целью заботы об экологии.

Берни Краузе, исследователь вопросов звуковой среды, установил 3 типа звукового окружения: геофония, созданная из звуков природы; биофония, связанная со звуками живых существ; и антропофония – звуки, издаваемые человеческими существами.

Геофония и биофония очень мешали первым обитателям. В свою очередь, подобная реакция на них послужила примером для разработок стратегий запугивания, например, атака на враждующий народ. Налеты и грабежи времен Реконквисты, сопровождаемые топотом конницы и металлическим клацаньем брони и оружия. Поселения, напуганные шумом, становились легкой добычей. Потом они научились убегать и снова возвращаться на свои территории, когда топот копыт стихал. Позже военные действия приобрели более профессиональный характер и армии перестали заниматься запугиванием друг друга. Прекрасным при-

меров является описание битвы при Оурике. Шум и грохот – оружие превосходства, а покой это недостижимая роскошь.

Трудно сказать наверняка, были ли в давние времена жалобы на шум, но иностранцы уже им были недовольны. Помимо отсутствия гигиены, каждый день на улицах столицы было очень шумно в конце XVIII века, рассказывает шведский протестантский миссионер Карл Израэль Рудерс. Позже Бекфорд жаловался на вопли и гам во время многочисленных религиозных процессий. В конце XIX века Клаус вспоминает о шуме, вызванном проезжающим трамваем. Шантель в своих повествованиях о Землетрясении пишет: *иностранцы были оглушены звоном церковных колоколов, воем собак, рёвом ослов, звоном колокольчиков у коз, выкриками уличных торговцев, стуком молотов по наковальням, по киям кораблей да осям автомобилей, скрипом долота каменщика, свистом русалок в реке, плачем гитары и воплями. Не говоря уже об исполнении песен во время процессий, грохотом фейерверка во время гуляний.* В свою очередь в третьей четверти века Сезариу Верде в своих поэмах *Мир чувств западного человека* или *В одном современном квартале* описывал звуковую среду Лиссабона в его полной городской красе в период «фонтизма». Повествование относит к звукам труда рабочего класса, например, укладчика дороги или торговца рыбой. Автор также рассказывает о социальном положении тех, кто остался в столице после массового переселения из города, вызванного бумом промышленного развития в то время. Столичный космополитизм, описанный Сезариу Верде, позволяет нам не только визуально его представить, но и «услышать». Сезариу Верде не только «поэт визуалист», как его часто называют, но он еще и «поэт звука».

По мере того как механизация все больше проникает в звуковую среду Португалии, способы ее контроля также начинают претерпевать изменения.

Рассуждая о звуке нельзя забывать и о тишине, которая в Португалии имеет свои совершенно особенные черты.

В Португалии в сентябре 1999 года произошло особенное событие. Особенное в плане анализа португальской звуковой среды и нашего поведения в зависимости от нее. Тимор погрузился в тишину. На 3 минуты остановился транспорт, пешеходы замерли и слышался только вой сирен пожарных. Было настолько тихо, что звон тишины можно было «услышать». Как известно, не существует полного и кромешного беззвучия, и согласно известным теоретикам, полная тишина «рождается» только когда мы умираем, так как звуки – это последнее, что должно уйти за нами. Это подтверждают эксперименты Джона Кейджа, созда-

теля так называемой «безэховой камеры». После помещения в нее можно услышать, как в собственных жилах течет кровь. Возможно, отсюда и исходят идеи о том, что тишина – это смерть. Отрицание смерти и вечное существование ассоциируются с шумом, звучанием. Эта идея подтверждается в поэме *Конец* Мариу де Са Карнейру, в которой он инсценирует свою смерть в шумной карнавальной атмосфере «Когда я умру, бейте в тарелки [...] щелкайте хлыстами».

По правде говоря, молчание – это довольно противоречивое понятие, которого очень боятся на Западе.

Молчание имеет большое значение для коммуникации, в этом смысле оно является частью коммуникации в португальском обществе. Существует португальское молчание, португальская тишина, которая составляет звуковую среду страны.

Молчание в Португалии тесно связано с формой авторитаризма. Мудрость молчания, о которой говорит Фернанду Пессоа и продолжительное молчание Жасинту из «Города и горы» (роман Эса де Кейрош) являются для португальцев атрибутами игры, которая не стоит свеч. В Португалии господствует молчание-страх. Нас приучили «проглатывать слова», мы боимся гробового молчания, мы молчим о наших убеждениях и взглядах.

Звон колокола священен. В момент его звучания появляется внутренне равновесие и связь с высшими существами. Механизация звуковой среды упростила звон колокола, заставила его «молчать», разрушив связь с божественным. И только сами колокола хранят память о былых временах, когда их звон заставлял стариков прикрывать глаза и опускать головы.

У каждого общества свое особое звучание тишины. Где-то тишина становится средством общения, а где-то используется, чтобы дистанцироваться от мира. В Португалии же преобладает безмолвие, воплощающее собой недоверие и скрытность. Это безмолвие в португальском обществе, главным образом, было рождено разрушительным авторитаризмом, попытками установить свое господство путем запугивания остальных.

Во времена, предшествующие землетрясению в 1775 году, жители Португалии постоянно прислушивались к своим соседям: не нарушают ли они предписанную по субботам и воскресеньям тишину? Уже в XVII веке в лиссабонских кафе политику обсуждали лишь шепотом, испытывая страх перед полицией. Это обыкновение просуществовало весь век: это были времена, когда официанты и чистильщики обуви прислушивались к разговорам, а затем писали доносы. Так появилось правило:

«Здесь не говорят громко!». Политическая полиция, как правило, действовала по ночам, под прикрытием тишины. Португальские учебники хороших манер XIX и XX веков, по примеру близко расположенной викторианской Англии, предписывали женщинам и детям хранить молчание.

Еще одним проявлением тишины стал тот факт, что в португальском обществе, многонациональном и мультикультурном (что составляло гордость режима «Новое государство»), постепенно начинали ограничивать и, таким образом, заглушать культуру народов, проживающих в португальском государстве. Некогда просматривающееся в мотивах различных песен и танцах лундум звучание африканской культуры насильно замалчивалось. На телевидении, за редким исключением, не было темнокожих ведущих. Как это ни парадоксально, Мариза, икона фаду (наиболее известного в мире португальского музыкального жанра) современности, стала также представителем и голосом темнокожего населения. В ее творчестве особое место занимают темы африканского населения и его музыки.

В Португалии безмолвие царит в религии, тайных обществах, на собраниях и встречах, при политических ограничениях, в организациях мулатов; даже если их и раскрывали, их звучание все равно оставалось приглушенным. Но это также и безмолвие тех, кому вернули голос. И если царит тишина, значит, за этим кроется история, как и почему она царит. В качестве примера, в указе короля Афонсу V было сказано: «когда король попрощался со всеми и отправился в свои покои, чтобы отойти ко сну, камергер должен запереть двери королевского дворца. Это служит сигналом для того, чтобы, начиная с этого момента, все огни были погашены. Шум и волнение должны уступить место тишине ночи. (Жозе Маттозу)

Именно в момент завершения феодальной эпохи и наступления периода капитализма создается колоссальный механизм по сотворению тишины, и именно в этот момент создаются первые институты, которые будут управлять ею. В Португалии сотворение тишины обретает форму по мере становления политико-религиозных структур, таких, как Инквизиция. А освобождение тишины произошло 25 апреля 1974 г.

В свою очередь, музыка, еще со Средних веков, всегда имела преобладающее значение в формировании португальского пейзажа. Музыка всегда сопровождала народ, когда он веселился, трудился, молился, в его повседневной жизни, в его отношениях с представителями светской и церковной власти. Музыка звучала у шутов, мимов, глашатаев, менестрелей и трубадуров. Постепенно музыка начала использоваться в

официальных мероприятиях и при богослужении. И все это отражается в многоголосии португальской музыки.

С началом географических открытий у португальцев расширился круг занятий; в случае с музыкой, произошло преобразование существующих форм и жанров, возникла новая форма разделения труда и новый тип взаимоотношений, как между самими музыкантами, так и между ними и обновленным обществом. Теперь музыка звучала и за пределами дворцов и церквей, а музыканты больше не служили исключительно духовенству. Музыка становится частью звуковой среды.

Различные звуки исторически играли важную роль в сельскохозяйственной деятельности, что можно проследить на нижеследующих примерах.

Мельницы. Шум от прикрепленных к крыльям ветряной мельницы тыквенных бутылей и глиняных кувшинов. Большие сосуды производят низкие звуки, сосуды поменьше – звуки более высокие. Как часто слышен шум, зависит от скорости ветра и, соответственно, скорости вращения крыльев мельницы: чем быстрее они вертятся, тем чаще он слышен. В момент, когда звук становится более низким или более высоким, скорость вращения крыльев мельницы становится достаточной, чтобы привести в движение большие сосуды, звуки от которых слышатся чаще; это значит, что пришло время разложить зерно и начинать помол. Если начинают раздаваться более низкие звуки, нужно остановить механизм и передвинуть крылья мельницы в более безопасное положение. Мельник способен определить направление ветра лишь по верхушке мельницы. Состояние, в котором находится мельница, также определяется по производимым ею звукам и различным шумам. Именно по шуму определяют, что в дереве появились трещины и изъяны. По определенным звукам определяют, когда производить те или иные действия, например, разложить зерно по различным уровням. Мельница подобна большому оркестру. И для мельника, таким образом, очень важно уделять особое внимание тому, что его непосредственно окружает, и обладать чутким слухом.

Португалия позиционирует себя в качестве одного из лидеров в Европе по использованию возобновляемых источников энергии, страна смогла извлечь выгоду из тех климатических условий, в которых находится, и сейчас она постепенно продвигается к энергетической самодостаточности. Но именно из-за этого причиняется вред фауне. В частности, в случае современных ветряных мельниц, которые распространились практически по всей территории страны. Шум, производимый их огромными винтами, пугает птиц и заставляет их покидать места своего привычного обитания. Подобным образом в давние време-

на войска внушали страх жителям деревень звоном доспехов, лязгом оружия и топотом копыт своих лошадей.

Звуки определяют и общественные нормы. Еще один пример практического применения звуков, а именно того, как звуки одновременно связывают с окружающей средой и являются рабочим инструментом, можно найти у пастухов, которые используют различное звучание колокольчиков. Пастушьи колокольчики изготавливаются вручную из железной пластинки, которой придают нужную форму, не накаляя ее, с помощью молота и наковальни. Колокольчики различаются для каждого вида домашнего скота, и, таким образом, они формируют подобие оркестра, который выполняет ряд различных функций. К примеру, по звуку колокольчика можно определить вид животного, его местонахождение, его эмоциональное состояние (звук колокольчика обладает успокаивающим свойством для стада), при помощи колокольчика легче управлять стадом, и он же может служить сигналом об опасности. Язычок для колокольчика тоже не выбирается случайно: он должен соответствовать предназначению колокольчика. Его номер варьируется в соответствии со временем года и эмоциональным состоянием стада. Зимой, к примеру, звук колокольчиков раздается реже, потому что животные меньше двигаются. В Португалии все еще «остались» те, кто мастерят колокольчики, многие из них уже в преклонном возрасте и они живут в таких регионах, как Алентежу, Эштремож, Регенгуш ды Монсараз и Виана ду Алентежу, а также в Брагансе, Томаре, Карташу и Ангра ду Эроижму.

Индустриализация и падение спроса на колокольчики вследствие произошедших изменений в пастушьем деле (прекращение сезонного перегона скота на новые пастбища и введение в практику огораживания участков), являются причиной практически полного отмирания этого элемента культуры.

Кроме того, язычки колокольчиков являются главными символами праздников, на которые собираются пастухи после долгих месяцев, проведенных в одиночестве. Праздники колокольчиков олицетворяют радость пастухов от того, что они вернулись к своим землякам.

Звуковое окружение в сельской местности объединяет в себе еще два компонента: звуки, которые производят сами пастухи, подзывая собаку или обращаясь к животным, помогают им в работе, а трели и свист помогают им скоротать время.

Как и мельники, рыбаки живут в единении с окружающей их природой. И зачастую они находят опору в том, что им раскрывает звуковая среда. Изменение направления ветра, которое можно проследить по из-

менениям в звуковом окружении и началу прилива или отлива, прослеживается и в поведении и криках птиц. Именно по этим параметрам определяется начало и конец рыбалки. Звуки ветра и моря могут многое рассказать о метеорологических условиях тому, кто сумеет распознать эти знаки.

Музыка португальских просторов слышится с самого севера и до юга. Музыка служила для того, чтобы определять темп проводимых работ, как на полях, так и в шахтах. Огромная и беспрецедентная работа, проделанная Мишелем Джакометти по сбору этнографического материала, дает представление об устном народном творчестве, доставшимся нам в наследие.

Изобретение радио существенным образом отразилось на звуковой среде в Португалии. Изначально, когда радиоприемники были редкостью, они были словно общим для всех спектаклем и способствовали развитию аудитивной культуры населения, большая часть которого была неграмотной. Радио использовалось и государственной пропагандой для того, чтобы вести идеологическое воспитание. По радио же были переданы сообщения, ознаменовавшие начало «Революции гвоздик».

По мере того, как развиваются процессы автоматизации, меняется и все звуковое окружение.

Хотя, с одной стороны, вопросы акустики остаются недостаточно исследованными в Португалии, с другой стороны, мы видим, что звуковая среда является неотъемлемой частью нашего культурного наследия. За последние несколько лет были приняты определенные меры по его сохранению. К примеру, статус нематериального наследия ЮНЕСКО получили фаду, песни Алентежу и, в совсем недавнем времени, изготовление пастушьих колокольчиков. Все это позволяет нам верить, что за пределами страны, не считая морских завоеваний, мы известны именно нашим звучанием.

Литература

Португалия и море. Тиаго Питта и Кунья

Смерть. Мария Филомена Моника

Португалия, португальцы: национальная идентичность. Жозе Мануэл
Собрал

Звуки и тишина в пейзажах Португалии. Карлуш Алберту Аугушту

Песни и танцы Португалии. Мишел Джакометти

Настройка мира. Рэймонд Мюррей Шафер

Путешествие в Португалию 1798-1802. Карл Израел Рудерс.

*Е.С. Николаева
(СПбГУ)*

Расширение сферы функционирования формы *Futuro do Conjuntivo* в современном португальском языке

Форма *Futuro do Conjuntivo* (будущее время сослагательного наклонения) является наименее изученной в португалистике, несмотря на то, что португальский язык – единственный из романских языков, сохранивших эту форму в современной речи, и её употребление вызывает много вопросов.

Проблема категории сослагательного наклонения является одной из самых сложных и в практической и в теоретической грамматике романских языков. Португальский язык является крайне интересным для исследований подобного вопроса в связи с расширенной системой форм сослагательного наклонения (*Modo Conjuntivo*) в сравнении с другими романскими языками, а также в связи с существованием форм, конкурирующих с этим наклонением и употребляющимися в тех же условиях (изофункциональность *Infinitivo Pessoal* (Личного инфинитива) и *Modo Conjuntivo*). Основной проблемой, связанной с изучением наклонения, в том числе и в португальском языке, является определение его значения в сопоставлении с изъявительным наклонением. И не менее важной проблемой для португальского языка является распределение форм *Presente do Conjuntivo* (настоящее время сослагательного наклонения) и *Futuro do Conjuntivo* (будущее время сослагательного наклонения) в различных типах придаточных предложений, а в особенности, возможность выбора одной из них. При сопоставлении этих форм безусловно возникает вопрос модальности и значения сослагательного наклонения, а также его способность выражать временные отношения. Для некоторых форм сослагательного наклонения установлено как модальное, так и временное употребление (в частности для придаточных времени, в которых выбор формы настоящего или будущего времени сослагательного наклонения зависит от временной соотнесенности действий главного и придаточного предложений [напр., работы Е.Г. Голубевой]).

Что касается *Futuro do Conjuntivo*, в португальской грамматике существует различные точки зрения по поводу его модальности и временного содержания. Напомним, что эта форма в португальском языке может употребляться только в определенных типах придаточных предложений, а именно в придаточных условия, времени, в некоторых придаточных определительных и образа действия. Что касается модальности, то признаётся либо наличие у этой формы гипотетической

модальности (говоря, например о придаточных условных (*Se chover, vamos ficar em casa*)), либо утверждается, что эта форма является аналогом Futuro do Indicativo, т.е. выражает реальное условие плана будущего. В некоторых случаях эта форма может приобретать модальный оттенок с одновременной утратой временного значения (потерей отнесенности к будущему), т.е., модализируясь, будущее действие становится нейтральным во временном плане [Голубева, 1985]. Что касается временного значения этой формы, главным образом это – выражение завершенного действия, предшествующего другому действию в будущем. Такое четкое временное определение будущего действия свойственно португальскому языку, чем, вероятно, и объясняется сохранность этой формы в португальском языке.

Это можно наблюдать в придаточных времени, в которых может быть использована как форма Futuro (*Quando o vires, avisa-lhe*), так и Presente do Conjuntivo (*Antes que vás de férias, é preciso organizar tudo no escritório*). Выбор формы зависит не от временного союза, как пишут нормативные грамматики, а от временной направленности действия. В предложениях, содержащих действие, предшествующее в будущем действию главного предложения, а также, если действие одновременно, употребляется преимущественно Futuro do Conjuntivo. Если действие следует за действием главного предложения, то предпочитается Presente do Conjuntivo [Голубева, 1972]. Эти формы существуют в современном языке параллельно, и не наблюдается никакой тенденции к вытеснению формы Futuro, как это произошло, например, в близкородственном испанском языке. Скорее, наоборот, по нашим наблюдениям, имеет место некоторое вытеснение формы Presente do Conjuntivo, как в бразильском варианте, где все временные придаточные предпочитают Futuro do Conjuntivo, и в европейском варианте, где, на наш взгляд, намечается похожая тенденция. Так, многие нормативные грамматики, ориентируясь на союзы, требующие постановки Futuro do Conjuntivo, кроме союзов *quando* (когда) и *enquanto* (пока) предлагают также союз *logo que* (как только), даже не оговаривая, что он допускает постановку обоих времен (*Logo que mudarmos, avisa-te*). Или, даже не ссылаясь на союзы, предлагают следующее правило постановки Futuro do Conjuntivo в придаточных предложениях: «Будущее сослагательного наклонения используется после определенных союзов для обозначения будущего действия» (Coimbra Olga Mata. *Gramática activa. s.l., 2000*).

Такая особенность португальского языка, заключающаяся в возможности выбора между двумя формами Presente или Futuro do Conjuntivo (в придаточных времени) большинством исследователей

расценивается как проявление особой семантики Конъюнктива, а также со способностью формы Futuro иметь временное значение.

По-видимому, именно подобной способностью формы Futuro do Conjuntivo приобретать временное значение можно попытаться объяснить некоторые случаи употребления этой формы в придаточных дополнительных предложениях. Португальский Futuro do Conjuntivo, согласно правилам нормативной грамматики, в придаточных дополнительных употребляться не может. В них допускается только два времени (не рассматриваем согласование времен), а именно Presente do Conjuntivo (настоящее время сослагательного наклонения) и Preterito Perfeito Composto do Conjuntivo (прошедшее завершённое время сослагательного наклонения): *Espero que tudo corra bem* и *Espero que tudo tenha corrido bem*. С точки зрения временной соотносённости, первая форма обозначает действие одновременное или будущее, а вторая – действие свершившееся, завершённое в прошлом: *Надеюсь, что всё идет (или пройдет) хорошо* и *Надеюсь, что всё прошло хорошо*. И хотя, в отличие от изъявительного наклонения, которое указывает на план реализации действия, сослагательное имеет возможность не учитывать этот аспект, поскольку действие представлено как неактуальное, мы видим, что в подобных предложениях имеется некоторая двойственность. Она обычно снимается либо контекстом, либо использованием временных показателей: *Estamos esperançadas que em breve comecem a surgir mais clients* (Publico, 07.13, p.5). К тому же глагол не любой семантики в сложносочинённых предложениях с придаточным дополнительным допускает подобное временное соотношение. Так, глаголы со значением просьбы, волеизъявления, приказа и т.д. в любом случае подразумевают всего лишь действие, которое сможет (или не сможет) реализоваться: *Queremos que Portugal crie riquezas* (Público, ib.). Однако, в предложениях, где семантика глагола допускает возможность действия, пусть даже не актуализованного во временном плане (esperar, ter pena, recear, ter medo, duvidar, (não) acreditar, (não) achar и др.), может возникнуть потребность отнести действие к будущему. По-видимому, это даёт основания для проникновения в придаточные дополнительные формы Futuro do Conjuntivo, уже в самом названии которой заявлено будущее время, и чья основная функция в тех придаточных, где эта форма нормативна – выражение будущего неактуального или предшествование в будущем в плане сослагательного наклонения. Вполне вероятно, что подобное, вопреки правилам грамматики, внедрение формы Futuro do Conjuntivo в сферу придаточных дополнительных, представляет собой попытку «выравнять» схему распределения временного действия в при-

даточном по схеме изъявительного наклонения, где для выражения действия в плане будущего употребляется Futuro do Indicativo, а для действия одновременного – Presente do Indicativo. На наш взгляд, пока можно говорить только о тенденции подобного употребления, поскольку примеры немногочисленны и ни одна грамматика не говорит о подобном употреблении, хотя некоторые примеры были взяты нами из сборников упражнений к португальским учебникам, что может свидетельствовать о случаях, пока единичных, проникновения этой формы в современную разговорную речь: *Temos pena que nao puderes vir conosco* (Ramos A.M. *Palavras Limitadas. Língua Portuguesa 10 ano; Caderno de Exercícios e Actividades. Lisboa, 2003, p. 15*).

В основном, примеры с формой Futuro do Conjuntivo встретились нам в португальской прессе и в текстах в Интернете, что вполне объяснимо, поскольку именно медиа тексты в первую очередь отражают тенденции разговорного языка: *No que se refere ao consulado é um problema que exige que se paque melhor, e prevê que o Estado acompanhar aquilo que é o custo da vida* (*Mundo Português, 7.15, p. 7*); *Esperamos que estas previsões se tornarem uma realidade de que nós todos poderemos beneficiar nos tempos futuros* (*Visão, 8.13, p. 3*); *Para eles pouco interessa que a vida acabar* (*Mundo português, 3.14, p. 12*).

В придаточных определительных предложениях определяющим для выбора формы Presente или Futuro являются средства актуализации. Кванторные показатели при antecedente могут представлять собой квантры обобщения и кванторы ограничения, что определяет выбор формы сослагательного наклонения. В этом типе придаточных важной оказывается модальность действия, а не временная составляющая и в них часто наблюдается обратная тенденция употреблять Presente в случаях, когда норма предполагает Futuro.- *Japão tem mísseis prontos a interceptar a qualquer destroço que ameace cair sobre o seu territorio*. Однако при подобных же кванторах, когда носитель чувствует отнесенность действия – в данном случае реализованность признаков предмета к плану будущего, выбирается форма Futuro. – *Recorda-se que no próximo ano qualquer contribuinte que possuir dívidas fiscais ficará inibido de fruir de benefícios*.

Таким образом, отмеченные нами случаи ненормативного употребления формы Futuro do Conjuntivo в придаточных дополнительных предложениях, предпочтение этой формы форме Presente в придаточных временных и употребление в придаточных определительных в тех случаях, где к модальной составляющей добавляется временная, могут, на наш взгляд, свидетельствовать о нескольких тенденциях в современ-

ном португальском языке. Во-первых, они ещё раз подтверждают тот факт, что форма *Futuro do Conjuntivo*, вышедшая из употребления в других романских языках, в португальском, наоборот, стремится к некоторому расширению сферы своего функционирования, отвоёвывая частично позиции у формы *Presente do Conjuntivo*, которая, за исключением придаточных условных первого типа, употребляется в тех же типах придаточных, что и *Futuro do Conjuntivo*, а именно в придаточных времени и определительных. В придаточных же дополнительных, используется только форма *Presente*, здесь она не делит сферу функционирования с формой *Futuro*, но даже при этом мы зафиксировали случаи употребления этой формы. Подобное внедрение *Futuro do Conjuntivo* в несвойственный ему тип придаточных, по-видимому, объясняется тем, что способность этой формы иметь временное значение будущего действия делает её удобной для использования в придаточных дополнительных, не имеющих никаких грамматических маркеров отнесённости действия в план будущего. Это может говорить и о другой тенденции, а именно развитии и закреплении за формой *Futuro do Conjuntivo* временного значения в системе сослагательного наклонения.

*Е.В. Огнева
(МГУ имени М.В. Ломоносова)*

**К. Кастело Бранко: художественная иллюстрация
к «коимбрскому спору»**

Камило Кастело Бранко (1825–1890), знаковая фигура португальской словесности XIX в., современник и собеседник на пиру португальской культуры 60-х–80-х г., оставил многочисленные свидетельства о том, как она перестраивалась. Главным из таких свидетельств стало его собственное творчество.

На середину XIX в. приходится небывалый расцвет португальской популярной литературы, призванной удовлетворять вкус (не всегда утонченный) все более разрастающейся читательской аудитории. Камило Кастело Бранко, войдя в литературу, утверждает именно на этом поприще и стремительно завоевывает лидирующую позицию среди авторов романа-фельетона. Его необычайная плодовитость объясняется не только особенностями писательского темперамента, но и необходимостью своевременно поставлять все новые «серии»-фрагменты в периодическую печать. Кастело Бранко был одним из первых португальских авторов, живущих литературным трудом.

В это время еще живы великие романтики первого поколения – Алмейда Гаррет (1799–1854) и Алешандре Эркулано (1810–1877). Их главные произведения, созданные в 30-е–40-е г., осознаются как бесспорная классика. В академических кругах Коимбры утверждается авторитет Антонио Фелисиано Кастильо (1800–1875), поэта, переводчика и университетского профессора, которого ученики – а вследствие некоей инерции восприятия и критики – объявят законным и главным продолжателем традиции португальского романтизма. Однако «ниша», которую заполняла еще недавно проза Гаррета и Эркулано, будет пустовать недолго: ее-то и заполнит «популярная литература». Следует отметить, что критерии элитарности и массовости в португальской прозе тех лет ещё не были выработаны, автор и читатель действовали наугад, руководствуясь соображениями собственного вкуса.

Камило Кастело Бранко, во всяком случае, с самого начала обращался к «большинству», учитывая его эстетические ожидания, а эти ожидания требовали узнаваемости типажей, повторяемости ситуаций, мелодраматизма, нагнетания страстей, описания «беззаконий» и манихейского разделения на добро и зло, ангельское и демоническое. Ориентируясь на требования издательского рынка, Кастело Бранко уже к середине 50-х г. в совершенстве освоил роман этого типа. Именно тогда

стала очевидной такая особенность его творчества, как *демонстрация понимания правил игры*, канона. От такой демонстрации был всего один шаг до нарушения правил – а это уже говорило о том, что писатель осознает необходимость создавать, изобретать (*inventar*) другое качество литературы. Так это и произошло впоследствии.

Выход за границы «поля» популярной литературы и размывание ее канонов связаны в творчестве Кастиело Бранко с тем, что он уже к началу 60-х г. испытывает потребность совместить две важные позиции: позицию писателя-романтика, осознающего свою высокую миссию пророка, морализатора, глашатая истины – и позицию бульварного писателя, не скрывающего свою зависимость от литературного рынка. Два эти голоса вступают в его творчестве в диалог, который усложняется необходимостью произведения «реплик в сторону» сразу по двум адресам.

Во-первых, писатель ощущает себя современником европейской литературы, которая, в отличие от португальской, в то время может похвалиться такими авторитетными именами, как Бальзак и Флобер. Прекрасно понимая, что «часы» португальской культуры значительно отстают от европейских, Кастиело Бранко пробует как минимум соизмерить, соотнести с открытиями ведущих европейских писателей свое творчество. Во-вторых, в самой Португалии появляются силы, призывающие пересмотреть образ романтика, его роль в искусстве, понимание литературного мастерства.

В 1865 г. начинается знаменитый «коимбрский спор».

Формально поводом для дискуссии стало послесловие А.Ф. Кастильо к «Поэме юности» Пинейро Шагаса. Маститый профессор Коимбры и признанный мэтр написал его в форме открытого письма к издателю. Похвалы в адрес молодого поэта Мануэла Жоакина Пинеро Шагаса (1842–1895) должны были стать своего рода рекомендательным письмом, способным помочь ему занять престижное место на кафедре современной литературы. Кастильо не только превозносил талант своего протеже, но и производил сравнение достоинств его поэмы с творчеством других молодых коимбрских литераторов. В частности, с произведениями поэта Антеро де Кентала (1842–1891) и филолога Теофила Браги (1843–1924), который, кстати, тоже претендовал на вакантную должность в университете.

То, что началось как полемика по частному поводу и дискуссия о литературной этике (упреки в протекционизме, взаимном восхвалении, публичной критике того, что не было еще напечатано, Кастильо лишь слышал поэмы Антеро де Кентала в исполнении автора) переросло в настоящую многолетнюю битву по принципиальным вопросам. Антеро де Кентал

ответил целым трактатом «Здравый смысл и хороший вкус» (1865), который вышел отдельной брошюрой. Он требовал независимости от авторитетов, настаивал на особой миссии поэта, современника общественных потрясений – проводника революционных идей, с которыми должен соотноситься его идеал; упрекал Кастильо в провинциальности, приверженности ничтожным темам. Теофило Брага присоединился к спору, выпустив в 1866 г. брошюру «Литературные теократии». Антеро де Кентал продолжил подробно развивать свои мысли в трактате «Достоинства словесности и официальная литература» (1865).

То, что в разгоревшейся дискуссии говорилось о конкретных поэтах и поэмах, следовало понимать расширительно. Мишенью молодых коимбрских бунтарей, переместившихся позднее в Лиссабон, стал уже не только и не столько Кастильо (по просьбе которого в полемику втянулись также его протеже, ученики и друзья). Речь шла о необходимости поднимать в литературе злободневные вопросы, связанные с теми социальными сдвигами, которые происходили в Португалии и Европе во второй половине XIX в. Из мира чувств предлагалось переместиться в мир идей, точных знаний. Не воспевать сиюминутное, а видеть современность как ступень в сложнейшем процессе. Не ремесленно отделять окостенелые формы – а изобретать новые.

Главное, к чему призывали молодые «спорщики», это осознание творческой личностью новой задачи: заставить португальцев почувствовать себя современниками действительности, находящейся в процессе становления.

Именно на этой ноте дискуссия перешла в новую фазу. Бывшие выпускники Коимбры, переехав в Лиссабон, объединились в творческом содружестве, которое назвали «Сенакуло» – на манер французского Сенакля. В него, кроме признанного лидера группы Антеро де Кентала и Теофило Браги, входили Эса де Кейрош, Мануэл де Арриага, Ж.А. Машадо де Фариа Майя и др. Впоследствии к ним присоединились Ж. Баталья Рейс, Оливейра Мартинс, Г. де Азеведо, Герра Жункейро и даже Ромальо Ортиган, журналист и университетский преподаватель старшего поколения, выступавший в «Коимбрском споре» на стороне Кастильо.

Сначала «Сенакуло» – это кружок единомышленников, где его члены читают свои произведения и обсуждают работы Прудона, Штрауса, Ипполита Тэна. Но постепенно, на рубеже 70-х г. (что позволит потом назвать их «поколением 70-х») кружок превращается в трибуну, ему нужна аудитория, он надеется коренным образом изменить мышление современников. Так возникает идея проведения лекций в лиссабонском

Казино. Планируется прочесть целый цикл: о формировании исторического сознания, о религии, литературе, науке.

Примечательно, что в рядах «Сенакуло» и среди лекторов в Казино оказались люди, чьи литературные мнения и вкусы совсем не совпадали. Так, Эса де Кейрош, ниспровергавший романтизм, предоставил трибуну и Аугусто Сероменью, призывавшего возродить в Португалии традиции Шатобриана. Парадоксом это кажется лишь на первый взгляд. Для того, чтобы переделать, изобрести заново, годились разные способы. Главное – нарушить статику, угрожавшую португальской культуре.

Власти не были готовы согласиться с такой попыткой расшатать господствующую идеологию, и в день, когда С. Саррага собирался прочесть лекцию о Ренане, организаторы «демократических чтений» были арестованы. В дальнейшем их просветительская деятельность (так, в частности, случилось с Эсой де Кейрошем) вылилась в серию публикаций, где развивались основные идеи лекций.

На фоне этой борьбы идей, смены культурных ориентиров, происходит эволюция творчества Камило Кастело Бранко. Он из любимца публики, которую развлекает, постепенно превращается в живого классика, которому пишут письма, спрашивая: как жить? Сдвиги эти происходят незаметно в 60-х–70-х г. в рамках парадигмы, разработанной самим Кастело Бранко для популярного романа. Он настаивает на своем праве поучать развлекая, понятно говорить о сложном, допускать повторы и использовать клише, а главное – подавать свой художественный материал как «незаконченный», готовый к продолжению.

Его конек – любовный роман, та его разновидность, где говорится о любви, изначально обреченной преодолевать препятствия (*romance passionnal*). Камило гордится тем, что в нем признают создателя своеобразной «религии любви» – религии, где есть свои святые, свои бесы и свои мученики. Популярному роману он обязан набором типажей: роковая женщина, преступивший запреты священник, гордый древностью рода фидалго, «бразилец» (так называли в Португалии разбогатевших в Бразилии эмигрантов, вернувшихся на родину), наивный юноша, невежественный крестьянин. Но постепенно, от романа к роману, за этими масками все шире приоткрывается неисчерпаемость самой жизни, бесконечность вариантов, калейдоскоп португальской действительности.

В конце 50-х г. он озаглавит одну из своих книг «Сцены современной жизни», все более расширяя картину португальских нравов. Нравописание с изрядной примесью сатиры станет одним из полюсов на его художественной карте; на другом останется роман о страстной любви. Исследователи будут сравнивать перемещения его взгляда с одного по-

люса на другой с движением маятника. Хотя логичнее было бы говорить о вечном стремлении Камило к синтезу обеих тенденций. В его новаторских попытках осуществления такого синтеза нашли отражение все литературные баталии его эпохи.

Пропорции здесь определяет авторский голос, переходящий от откровенного морализаторства к доверчивой болтовне, от едких обличений к иронической саморефлексии. Это авторское присутствие позволит «взять в кавычки» достояние популярной литературы и начать создавать то, что им самим воспринимается уже как литература серьезная. Это присутствие (проявляющееся в различных формах) позволит Кастело Бранко писать романы с двойной кодировкой, существующие в «поле интерференции элитарной и массовой словесности» (о таком типе повествования см.¹). При этом он не утратит и свою широкую аудиторию, и вступит в диалог с собратьями по перу, участниками «коимбрского спора», а затем и с организаторами «Демократических лекций».

Первым опытом работы в поле интерференции высокой и популярной литературы становится роман «Губительная любовь» (1863) – история португальских Ромео и Джульетты, которых закоснелость мышления, предрассудки и упрямство их родовитых семей привели к заточению и разлуке. Задушевности повествования, адресованного сочувствующему читателю, во многом способствовали автобиографические реалии в романе. Бурная, порой скандальная жизнь самого Кастело Бранко – дуэлянта, соблазителя и похитителя чужой жены, опыт заключения, болезни и разорения – из всего этого биографы потом сложат «роман самого романиста».

Кастело Бранко обратится и к семейным анналам. «Документальность» «Губительной любви», впрочем, не столько будет работать на создание эффекта правдоподобия, сколько привлечет читательское внимание к роковому повторению судеб предков и потомков. В разрушительную орбиту страстей главного героя романа, обаятельного «романтического эгоиста» Симана Ботельо, втягиваются себе на погибель другие люди. Это показывается писателем как закономерность, о которой он вновь и вновь хочет говорить с читателем.

В том же году выходит роман «Добро и Зло», а в следующем – «Любовь спасительная». На первый взгляд, Кастело Бранко, исполняя заказ, диктуемый рынком, создает в этих произведениях разнообразные варианты истории Симана Ботельо, снискавшей бешеный успех у читающей публики. Но создает он их в том числе и для того, чтобы бросить вызов тем литераторам, кто уже поднимает голос против романтизма, понимаемого как взгляд на мир сквозь розовые очки.

В «Любви спасительной – романе о безупречных счастливицах, восторжествовавших над упрямством и злобой своих врагов, есть сцены (вроде ночного нападения на семью Казимира в Коимбре), призванные показать всю хрупкость романтической идиллии, есть разговор о роковой власти случайностей. Все это если и не разрушает иллюзию нетрагичности бытия, то расшатывает ее.

А полное иронии предисловие ко 2-му изданию этого романа противопоставляет «розовые очки» – «черным». Сознавая уязвимость романа, где налицо «переизбыток добродетелей», писатель не приемлет и литературы, где о «диких преступлениях» говорится диким языком². Таким в эти годы видится ему оппонент – «новая литература». Пока ещё в собирательном образе этих «новаторов» просматривается не столько черты будущих реалистов, сколько португальских писателей второго и третьего ряда, подражающих французской «неистойой литературе».

1866 год стал в каком-то смысле поворотным в творческой судьбе Кастело Бранко. Он открыто вступил в «коимбрский спор» на стороне «старых» романтиков, но при этом и осознал, что стоит перед необходимостью скорректировать свои творческие принципы. Точнее, сделать достоянием читателя те сомнения, которые и раньше примешивались к его самоидентификации романтика. Практически одновременно выходит его знаменитый памфлет «Уязвленные и язвящие самолюбия»³ и роман «Падение ангела».

Вновь он (как всегда, демонстративно) берет свой любимый «заезженный» с точки зрения одних и «вечный» с точки зрения других сюжет о запретной любви, преодолении препятствий, роковой женщине. И при этом ни в малейшей степени не скрывает, что перед читателем – самоцитирование, добавление к уже сказанному, но добавление, включенное в новый контекст, с привнесением новых акцентов.

Исследователям, писавшим о «Падении ангела», традиционно бросалась в глаза политическая сатира, и этот аспект как-то отвлекал от проблемы героя. Да, Кастело Бранко, без сомнения, отдавал дань злободневным размышлениям об опереточном характере португальского конституционализма, как он всегда и во всех своих произведениях откликался на мало-мальски актуальные для португальцев вопросы... Но это не мешало ему вести свой, нескончаемый, мучительный и главный для него разговор с собой и читателем – разговор об идеале, об истинных ценностях, вечных вопросах. Но теперь, во времена «коимбрского спора» становится очевидно, что прежний модус повествования дискредитирован. И в этом смысле особенно интересно, как Кастело Бранко распорядится своим традиционным материалом.

Весь корпус авторских отступлений прежде всего призван убедить нас в том, что это именно материал, то есть факты, «кусочек жизни» наследника майората Калисто Элоя де Барбуда, и с этим материалом можно работать по-разному. Его можно интерпретировать, можно о чем-то умалчивать, строить догадки и т.д. И, главное, сразу же задается двойной модус восприятия – иронический и серьезный. То есть интерес к очередной истории «невозможной любви» уже не должен быть наивным. Автор настаивает и на своем праве организовывать текст, и на всеведении, и на своей «свидетельской миссии», и, главное, на своем праве вести с читателем диалог по ходу повествования, обсуждая читательские ожидания, их обоснованность и свой собственный метод.

Прежде всего бросается в глаза выбор протагониста. В «Падении ангела» явно отразилось смещение авторского внимания, переход, говоря словами А.В. Карельского, «от героя к человеку». Писатель скрупулезно подчеркивает все детали, которые отличаю Калисто Элоя от юных героев-любовников из романов «Любовь губительная» и «Добро и Зло». Он немолод, чудаковат, порой напыщен, порой попросту смешон. И неужели Кастело Бранко прельщается возможностью рассказать историю некрасивого адюльтера, чтобы заклеить современные нравы? Унижается до самопародии, устыдившись открытой нравоучительности своих романтических произведений 50-х–начала 60-х г.? Конечно же, нет. То, что на первый взгляд в «Падении ангела» кажется самопародией, является логическим продолжением напряженных эстетических и мировоззренческих поисков предыдущих лет.

Традиционная для поэтики Кастело Бранко бинарная оппозиция «ангельского» и «демонического» на первый взгляд решается в однозначно сниженном ключе. Отдельный пласт в романе составляет корпус названий глав, иронически соотносящий перипетии жизни и любви Калисто Элоя с мистерией, с борьбой светлых и темных сил, и борьба эта завершается «падением ангела», взаимной изменой и жизнью во грехе обоих супругов Барбуда.

На этом уровне поэтика лубка, балагана, «веревочной литературы» и народного романса задает особый «градус» восприятия романтической истории любви – по Кастело Бранко, вполне допустимый, но далеко не единственный. В самом тексте романа есть эпизод, «компрометирующий» такой принцип интерпретации. Престарелый родственник, приехавший в Лиссабон из глубинки «вразумлять» изменника Калисто, слушает уличного слепца, исполняющего душераздирающую песню об убийстве старика внуком, и в ужасе восклицает: «Что за город! Что за нравы! Родных дедушек убивают внуки! Прочь отсюда!»

Тема «некритического» восприятия Слова вообще играет в романе огромную роль. Писатель не случайно развивает ее на всех уровнях. Прежде всего, слепое доверие к печатному слову, «книжное воспитание» является отличительной чертой главного героя и главной причиной его жизненной драмы. Камило явственно намекает на особенности мировосприятия хитроумного идальго из Ла Манчи, когда повествует о формировании личности фидалго из португальской глубинки.

Только роль рыцарских романов, спровоцировавших высокое безумие Дон Кихота, у португальского писателя сыграли хроники, генеалогические свитки, средневековые юридические уложения и акты, античные кодексы. Наследник огромного майората Калисто Элой сформирован ими как личность, живет в мире старинных установлений, воспринимает современность сквозь их призму – и отворачивается от современности вообще. Имена и события из прошлого оказывают решающее воздействие на его поведение и выбор, в том числе и на «роковую любовь», «падение».

Однако феномен этого романтического двоимирия автор, современник Флобера, по достоинству оценивший «Госпожу Бовари», выносит на суд читателя. Он видит две стороны проблемы. Одна – специфически португальская, когда миф о былом величии, ностальгия по эпохе великих географических открытий и легенда о короле Себастьяне играют демобилизующую роль и деформируют национальное сознание португальцев. Другая – *вечная* проблема идеализации «не здесь» и «не сейчас», заставляющая индивида заявлять необоснованные претензии на собственную исключительность. Падение «ангела» Калисто Элоя де Барбуда происходит в романе путем расчета с «книжной правдой». Избранный депутатом от своего «гнилого местечка» и не подозревающий, что является марионеткой важных людей в парламенте, «ангел» переезжает в столицу со своей библиотекой.

Комический дар Кастело Бранко торжествует в полную силу в блестящей серии эпизодов, где показана несостоятельность путеводителей и мемуаров путешественников былых времен. Каждую цитату из сочинения «О граде Лиссабоне» Луиса Мендеса де Васконселоса жизнь опровергает, ставя провинциального чудака в нелепое положение, но на каждое житейское недоразумение находится новая «контрцитата»: «Мой классик не мог солгать» – твердит «ангел».

Подобные столкновения книжной и жизненной правды обуславливают развитие «политической» и «любвонной» линии. Речи Калисто-депутата и его парламентские решения продиктованы тем же «наивным» восприятием чужого слова. Накануне он доверчиво внимал ужасам уль-

тратромантической постановки «Лукреции Борджиа» в лиссабонском театре, а на следующий день в парламенте отказал театрам в государственной дотации, не видя, подобно своему престарелому родственнику, грани, которая разделяет иллюзию и лиссабонскую жизнь.

Романтическая иллюзия, казалось бы, перекраивается вновь и вновь. Опьяняясь строками сонета Антонио Феррейры, где высоким слогом говорится об очах возлюбленной, Калисто Элой получает письмо от жены. Отложив сонет, он читает, как «вчера опоросилась наша хрюшка».

Таких «стыков», демонстрирующих искусенному португальскому читателю, что Кастело Бранко знаком и с художественными открытиями Флобера, в романе множество. Но разбивают они не романтическую мечту, а лишь обличают неумение персонажей говорить своими словами, их боязнь чувства, не освященного авторитетом чужого слова. Однако это чувство есть, оно пробивается, как росток, сквозь ворох условностей и стереотипов и торжествует наперекор им.

Нелепый и наивный «ангел» в немодной мериносовой шляпе и объясниться в любви не может без Расина и Корнеля... И «роковая женщина» Ифижения, объект его запретной страсти, воспринимает его ухаживания и признания, соотнося их не с жизненными нормами португальского общества середины XIX в., но трактуя их по законам французских романов (Жорж Санд? Бальзака?), которых, по словам автора, она начиталась. Именно в сцене такого объяснения автор вторгается в повествование, чтобы заявить о том, что он-то, в отличие от французских романистов, логики в развитии событий не видит.

Главная художественная особенность этого романа, пожалуй, и состоит в крушении логики в традиционном ее понимании – логики характера романтического героя, логики развития сюжета. Вступает в силу логика опровержения читательских ожиданий. Отсутствие величия в характере «ангела» не делает его мелким. Эгоизм и черствость, с которым он отвергает преданную жену, не делает его фигуру демонической. Развал семьи двух наследников майоратов не оборачивается трагедией. Камило Кастело Бранко оказывается на волосок от того, чтобы рассказать «обыкновенную историю» об утраченных иллюзиях, но и логика обыкновенной истории тоже перечеркивается.

Бальзаковская художественная манера тоже берется в расчет. Она очень узнаваема в романе. Страницы, где речь идет о том, как Лиссабон «поработал» над провинциалом, кажутся не просто реминисценциями, но развернутыми цитатами из «Отца Горио» и «Утраченных иллюзий»: знаменитая мериносовая шляпа как визитная карточка нелепого провинциа-

ла, пластично выписанные детали нового костюма, который меняет и сам тип ментальности героя... В отступлении о панталонах легко просматривается история возвышения Растиньяка. И преобразование коренастой и туповатой Теодоры, законной жены «ангела», которой поначалу стыдится столичная родня, – оно осуществляется буквально по рецепту бальзаковского Вотрена («Дайте женщине любовных писем и тряпок...»).

Но главного все же не происходит. Стараясь по-бальзаковски оставить за собой роль секретаря, описать все известные ему общественные типы, писатель отказывает среде и обстоятельствам в праве на решающее слово. Роман построен так, что в нем все происходит «несмотря» и «вопреки».

Начать хотя бы с костюма: новый наряд действительно облагородил Калисто Элоя, а не просто стал данью социальной мимикрии. По-настоящему сильные, а не заимствованные из книг чувства (честь, ревность, гордость, любовь) проявились не где-нибудь, а в романтическом уединении Синтры. Особняк Ифижени – островок настоящей Аркадии, райский сад, противопоставленный шумному и циничному Лиссабону. Иронический модус всего повествования готовит читателя к тому, чтобы выразить недоверие возможности счастья в таком «лесном уединении», вся логика повествования подводит к бальзаковской развязке истории рогоносца и содержанки.

Но этого не происходит. Автор-демиург и автор-свидетель своей властью опровергает литературные построения, как перед тем опрокидывал наивные, тщательно возводимые им самим романтические клише. Своеобразной попыткой синтеза после этих тезиса и антитезиса становится его «суммирующий» вывод в последних главах романа: он предвидит недоверие читателя, исключительность, непроверенность, недоказанность ситуации опытом жизни, и все же утверждает: как ни странно, содержанка действительно полюбила Калисто Элоя.

Слова «Она действительно его любила» – повторяются и в названии главы, становясь, таким образом, свидетельством невозможного: союза ангела с демоном. Утверждая это, автор показывает, что опрокинуто все: и торжество здравого смысла, и поучительность примера, и логика общественных отношений, и вообще всякая закономерность.

Впрочем, демонстрируя свою осведомленность, Кастело Бранко опробует некое подобие реалистической объяснительной системы: «ангел» стал меньше читать, осанка его улучшилась, брюшко убралось, следовательно... Он играючи множит подобные объяснения, примеряя на себя маски психолога, географа, даже физиолога. Но в его руках это оружие ему самому кажется чужим, и заимствование сопровождается

всплеском самоиронии. Его рассказ вел нас к другой развязке – и он находит компромисс.

Там, где речь пойдет об обстоятельствах, он закончит роман как ученик Бальзака и Флобера. Калисто Элой, вернувшись к парламентской деятельности, «повзрослеет», устыдится юношеского прекраснотушия и передаст черновики речей автору для сожжения, а тщеславным и тупым землякам, корившим его за измену жене, в знак примирения выхлопочет ордена.

Там, где речь пойдет о характере персонажа, писатель останется верен себе. Торжествует романтический максимализм, культ чувства, но торжествует вне «героического» обрамления, даже вопреки ему. «Как ангел Калисто, без сомнения, был бы намного счастливее, но как человек, до участи которого его низвели его страсти, он как-то неплохо справляется со своей жизнью. Я же как романист жалею, что он не впал в ничтожество, чтобы читателям моей истории из этого можно было бы извлечь моральный урок»⁴. Бегство влюбленных в Синтру и во Францию, их незаконный союз, как в кривом зеркале отражен в сожительстве брошенной жены Калисто с кузеном-приживалом.

В этом удвоении развязки можно усмотреть и иронию над романтизмом, и романтическую иронию. Камило в «Падении ангела» утверждает необходимость нового взгляда на мир, на старые как мир сюжеты, – а также на саму манеру превращать эти сюжеты в роман. Так начинается новая глава в истории португальской литературы.

¹ Пахсарьян Н.Т. Эстетические ценности и оценки во французском популярном романе: динамика взаимодействия // Избранные статьи о французской литературе, М., 2010, стр. 153.

² Castelo Branco C. O Bem e o Mal. Lisboa, 1976, стр. 9.

³ Название на языке оригинала «Vaidades irritadas e irritantes» весьма многозначно. Оно отсылает читателя и к литературной традиции, связанной с образом тщеславия, житейской суеты, и к известным португальской аудитории внелитературным обстоятельствам полемики – задетым самолюбиям участников.

⁴ Castelo Branco C. A Queda dum Anjo. Lisboa, 2002, стр. 163.

*Л.С. Окунева
(МГИМО МИД России)
О.В. Окунева
(Институт всеобщей истории РАН)*

**Не только перевод: о русском издании книги Бориса Фаусту
«Краткая история Бразилии»**

В 2012 г. московское издательство «Весь Мир» приняло решение о переводе на русский язык и издании в серии «Национальная история» книги бразильского историка Бориса Фаусту «Краткая история Бразилии». И когда перевод был доверен авторам этих строк, мы восприняли это с большим воодушевлением: ведь речь шла об издании в России одного из наиболее значимых произведений бразильской – и латиноамериканской – научной исторической литературы*.

Борис Фаусту – выдающийся бразильский исследователь, автор многочисленных работ по истории Бразилии, вошедших в «золотой фонд» национальной историографии (это прежде всего его работы по истории Бразилии 1930-х гг. – правлении Варгаса и связанных с ним сложнейших перипетиях политической и социальной истории страны). «Краткая история Бразилии» относится к числу наиболее известных, читаемых и изучаемых произведений, переживших немалое число переизданий.

«Новое дыхание» книга приобрела в апреле 2013 г., когда бразильский образовательный канал «Телевидение для школьников» запустил несколько серий под названием «История Бразилии в изложении Бориса Фаусту», где сам историк в кадре повествует о главных этапах эволюции страны на фоне богатого видеоряда, наглядно иллюстрирующего его рассказ. Таким образом, «озвученная» автором и снабженная уникальными документальными кадрами, книга получила вторую жизнь.

В нашей стране имя Бориса Фаусту хорошо знакомо историкам-латиноамериканистам и бразиловедам, многие из которых выросли и сформировались как профессионалы на его трудах. А вот на русском языке бразильский историк «заговорил» только сейчас, с изданием перевода его книги.

В «Краткой истории Бразилии» в сжатой форме излагается 500-летняя история страны – от ее открытия португальскими мореплавателями в 1500 г. до кардинальных событий политической и экономической истории страны конца XX в. Открывая книгу Бориса Фаусту, мы

* Фаусту Б. Краткая история Бразилии. Пер. с порт. Л.С. Окуневой, О.В. Окуневой; предисл. Б.Н. Комиссарова; послеслов. Л.С. Окуневой. – М.: Издательство «Весь Мир», 2013.– 448 с.

знакомимся со страной в тот момент, когда ее не было на карте мира, и ей еще предстояло открыться взорам португальских мореплавателей, а затем и других европейцев. Вскоре мы, следуя за повествованием бразильского историка, становимся свидетелями того, как формируется колония, как открываются и осваиваются новые территории... А затем, «проходя» через этапы строительства и созидания государства, через сложнейшие перипетии формирования общества, мы присутствуем при разворачивании 500-летней ретроспективы исторической эволюции страны. Сегодня же мы открываем для себя Бразилию наших дней – современное демократическое государство, региональную державу, играющую весомую и все возрастающую роль на мировой арене, превращающуюся в страну с глобальными мировыми амбициями.

Что же было между этими двумя «точками» бразильской истории? Прямая линия, гладкий «накатанный маршрут»? Или сложный, подчас извилистый путь с немалыми препятствиями, противоречивыми проблемами, неоднозначными решениями? Эволюция во главе с безликими вождями или развитие, сама логика которого – прежде всего в XX в. – породила и выдвигала на первые роли крупных, неординарных лидеров, некоторые из которых стали персонажами не только национального, но и континентального и даже мирового масштаба? Ответ на эти вопросы и помогает найти книга бразильского историка.

«Краткая история» – это сжатое и в силу этого в высшей степени насыщенное повествование о ходе и перипетиях национальной истории страны. Эту «сжатость» почувствовали мы, переводчики, ощутив в полной мере внутреннюю напряженность текста, даже своего рода пассионарность, отвечающую самому предмету исследования. Подобно тому как невидимая пружина постепенно разжимается и заставляет раскручиваться повествование, как разматывается туго смотанный клубок, так и текст Бориса Фаусту неотрывно ведет за собой читателя, в некоторых местах напоминая детективную историю: даже когда точно знаешь, что будет впереди (ведь это «впереди» уже давно закончилось и всем известно), ждешь с напряженным вниманием – чем закончится рассказ? Особенно это чувствуется в главах, посвященных истории XX в., где ход событий действительно приобрел новое ускорение. Мы в своем переводе постарались передать эту стилистическую энергетику, эту внутреннюю насыщенность авторского повествования.

В процессе перевода перед нами встали и другие проблемы. Целый ряд понятий, феноменов, даже слов, а иногда и событий и явлений, знакомых и понятных бразильцам, абсолютно непонятны российскому читателю. «Просто так», формально, перевести их и оставить читателя

один на один с неизбежными вопросами представлялось нам совершенно невозможным. И тогда возникла идея о том, что надо снабдить перевод примечаниями, объясняющими и разъясняющими все эти моменты. Такие примечания разбросаны по всей книге. Это, конечно, потребовало дополнительных и значительных усилий, но, по нашему мнению, пошло на пользу делу: действительно, читатель получил как пояснения о не известных у нас исторических событиях или персонажах, так и комментарии к не вполне понятным (а зачастую – вообще непонятым) нашему читателю феноменам. Тем самым произведение бразильского историка стало полностью доступным – и по языку, и по сути предмета.

Книга необходима и для профессиональных историков, и для студентов и аспирантов, и для тех, чья профессия – международные отношения и мировая политика. Ведь она не только дает взгляд конкретного ученого на историю собственной страны, но и заставляет размышлять, соглашаться или не соглашаться, подчас спорить, но всегда – думать о сложных перипетиях всемирной истории. И именно поэтому было принято решение снабдить собственно перевод целым рядом других разделов. Эти разделы – «Предисловие» (автор – видный российский бразиловед, профессор Б.Н. Комиссаров), «Послесловие» (автор – профессор Л.С. Окунева), «Российская библиография по истории Бразилии» (составитель – профессор Л.С. Окунева), ряд исторических и современных карт страны – дополнили и расширили оригинальный текст, сделали его более объемным. Необходимость «Послесловия» виделась тем более обоснованной, что труд Б. Фаусту ограничен 1994 г., а «на дворе» в тот момент был 2013 г., и представлялось необходимым хотя бы в кратком заключительном очерке дать читателю представление о том, как же развивалась история Бразилии после 1994 г. Это превратило книгу в настоящее творческое исследование, а не оставило ее в разряде «просто перевода».

Творческим изданием книга стала еще и в силу принятого нами решения снабдить перевод примечаниями и комментариями. Поскольку Б. Фаусту обращался к бразильской аудитории, многие понятия и термины, которые он использует, специально не оговариваются. В переводе же они требовали не просто пояснений, а подчас развернутых комментариев. Ведь широкому российскому читателю вряд ли известно, что такое инконфиденсия минейра или фарроупилья, кто такие «бандейранты», эмбоаба, жагунсу, «полковники», тенентисты, «зеленые рубашки», «маражас». А что означают такие понятия, как «союз трех рас», «революция Прайера», Федералистская революция, «партиципативный бюджет», «треугольник ABC paulista»?

О том, насколько прочно автор связывает свой текст именно с бразильской читательской аудиторией, свидетельствует уже первая фраза самой первой главы книги. Дословно она гласит: «Все *мы* с ранних лет узнаем в школе или дома, что Бразилию открыл Педру Алвареш Кабрал». Очевидно, что российский читатель не смог бы приложить к себе это обозначение «мы», поскольку по объективным причинам сведения об открытии Бразилии не являются для него базовыми. Таким образом, изначальная установка переводчиков на максимально близкое следование тексту оригинала с первых строк подверглась испытанию. В результате было решено сохранить дух высказывания, изменив его букву, и в окончательном варианте фраза стала звучать так: «С ранних лет *бразильцы* узнают дома или в школе, что Бразилию открыл Педру Алвареш Кабрал в апреле 1500 г.» [с. 23].

Другая фраза из той же первой главы без необходимых оговорок также могла бы поставить в тупик читателя не из Нового, а из Старого Света. Говоря о важности специй для консервирования продуктов и для обогащения рациона в Средние века, автор указывает: «В начале лета, когда заканчивался естественный корм для скота, его массированно забивали» [с. 27]. Поскольку речь идет о европейском Средневековье, возникает видимое противоречие: начало лета в Северном полушарии – как раз то время, когда скот не испытывает недостатка в естественном корме. Разгадка же заключается в том, что бразильский автор, обращаясь к бразильской же аудитории, говорит даже о европейских событиях как житель Южного полушария, в котором календарное лето соответствует зиме в Старом Свете. Таким образом, все встает на свои места: «начало лета», о котором пишет Б. Фаусту, следует понимать как конец ноября – начало декабря, когда домашний скот действительно больше не может находить себе на пастбищах естественный корм. Соответствующее пояснение в сноске позволило не менять исходного строя фразы, сохранив при этом ее смысл.

Среди терминов и понятий, потребовавших комментирования при переводе, можно выделить несколько групп. Первой из них были реалии, связанные с особенностями физико-географического положения Бразилии: *сертаны* (в широком смысле засушливые внутренние районы Бразилии, отдаленные от побережья; в тексте автор употребляет этот термин, имея в виду основание поселения, ставшего в дальнейшем городом Сан-Паулу на юге Бразилии, хотя чаще всего термин употребляется в отношении северо-востока страны) [с. 39]; такие обозначения, как *Северо-Восток*, *Юг*, *Центро-Запад* (заглавные буквы, принятые в бразильской традиции, показывают, что речь идет не столько о географиче-

ских понятиях, сколько об обозначении макро-регионов со специфическим социально-экономическим укладом) [с. 56, 62]; *маниок и маниоковая мука* (основа рациона для индейцев, а затем и для европейцев: корнеплоды многолетнего растения, которые употребляются в пищу обязательно вареными или печеными или же в высушенном и размолотом виде) [с. 31]. Важно подчеркнуть, что в последнем случае речь шла не просто о диковинке бразильской флоры, а о важнейшей составляющей индейского образа жизни, а после колонизации – символа приспособления европейцев к новым условиям (переход от пшеничного хлеба к «местному хлебу» из маниока в психологическом отношении дался португальцам – да и другим европейцам, оказавшимся в Бразилии – не просто).

Второй группой терминов, потребовавших комментирования, стали понятия, связанные с историей Португалии. Поскольку перевод книги Б. Фаусту предназначался для широкой аудитории читателей, пояснениями были снабжены те понятия, которые прекрасно известны португалистам (не только специалистам, но и студентам), однако, как выяснилось, вызывают вопросы у неспециалистов. Так, неожиданной оказалась необходимость прокомментировать термины, включающие корень *лузо-* (например, определение «лузо-бразильские авторы» XVII века [с. 71]: это заставило предпринять экскурс в историю с напоминанием о римском названии провинции, занимавшей большую часть территории сегодняшней Португалии и с указанием, что «Лузитания» может выступать в качестве синонима «Португалии», а корень *лузо-* обозначает то, что имеет отношение ко всему португальскому. После этого необходимость объяснить конкретно-исторические реалии, упоминаемые в тексте, уже не вызвала вопросов: комментарии появились у слов *фидалгу* [с. 55], *новый (новообращенный) христианин* [с. 33], *Мештре де Авиш* [с. 24], а также у словосочетания «*кризис, оставивший вакантным португальский престол*» [с. 69].

Третьей группой терминов стали так называемые «говорящие названия»: по очевидным причинам они не требовали объяснений для португалоговорящей аудитории, однако без комментариев остались бы для российских читателей просто названиями. Так, рассказ Б. Фаусту о золотой и алмазной лихорадке XVIII века в Бразилии было органично дополнить пояснениями, что административный округ, где были обнаружены месторождения, вовсе не случайно стал называться *Минас-Жерайс* («главные / основные рудники»), отдельная часть его – *Диштриту Диамантину* («алмазный округ») [с. 61]; а одним из основных городов этого региона стал *Оуру-Прету* («черное золото») [с. 86].

Объяснение «говорящих» имен и названий потребовалось и в разделе об освободительном движении в Бразилии конца XVIII века: имя, под которым глава заговора вошел в историю, – Тирадентис – представляло собой полупрезрительное прозвище «зубодер», намек на ремесло, которым этот младший лейтенант был вынужден заниматься в свободное от службы время [с. 96]. В свою очередь, ход рассуждений Б. Фаусту об эволюции отношения к заговору 1789 г. на протяжении XIX века был бы не столь понятным, если не иметь в виду, что дословный перевод названия движения *«Инконфиденсия минейра»* («вероломный заговор в Минас-Жерайс») [с. 95] подразумевает отрицательную характеристику, в то время как с ростом республиканских настроений в Бразилии, падением монархии и провозглашением республики не только казненный Тирадентис стал республиканским мучеником, но и само название заговора, формально никак не изменившись, перестало носить отрицательный оттенок. «Говорящими» были и названия восстаний первой половины XIX в.: одним из руководителей движения в Пернамбуку в 1820-е гг. стал брат Канека (дословно «кружка»), в юности продававший кружки на улицах [с. 118], руководителем другого, в Мараньяне на рубеже 1830-х и 1840-х гг. – человек, изготавливавший плетеные корзины (*balaio*), из-за чего движение получило название «Балайяда» [с. 128]; название «война фаррапуш» или «Фарроупилья» (дословно «оборванцы» или «сборище оборванцев», с. 129) было дано противниками восставших в провинции Риу-Гранди-ду-Сул, хотя среди них были не только бедняки в лохмотьях, но и весьма зажиточные скотопромышленники.

Конечно, читатель-эрудит или тот, кто владеет португальским языком, теоретически мог бы знать часть приведенных выше терминов и без пояснений, однако задачей русского перевода книги Б. Фаусту было сделать более или менее скрытые смыслы реалий бразильской истории понятными для всех. При этом подчас возникали ситуации, прямо требующие комментария, поскольку употребленный автором термин в русской традиции имел совершенно другое значение и даже читателя-эрудита сориентировал бы в совершенно ином направлении. Примером здесь может быть слово «мамлюки», или «мамлюки» [с. 77]. Российскому читателю оно может быть знакомо в связи с историей Османской империи: там подобным образом называли юношей-воинов, рекрутированных из бывших рабов; династию египетских мамлюков сверг Наполеон во время своего Египетского похода. Однако в Бразилии данный термин использовался по отношению к смешанному населению, и его употребление именно в этом качестве зафиксировано еще в конце XVI в.

Сложнее было с теми реалиями, которые автор упоминал лишь вскользь, но которые представляли собой целые исторические феномены. Поскольку они были безусловно известны бразильскому читателю, автору достаточно было назвать их, не вдаваясь в долгие объяснения. В русском же издании требовалось не просто перевести с португальского очередную «верхушку айсберга», но и в нескольких словах дать понять российскому читателю, что речь идет действительно об «айсберге», «подводная часть» которого намного превышает «надводную» (т.е. собственно упоминание в тексте). Так, без специального пояснения сложно было бы понять, почему в первые десятилетия колонизации ценность Бразилии заключалась в том, что она давала возможность сделать остановку на пути в Индию [с. 34]. Строго говоря, по отношению к Португалии Бразилия и Индия находятся в разных частях света – одна на западе, другая на востоке; не случайно в раннее новое время существовало подразделение на Вест-Индию и Ост-Индию, отразившееся в наименовании соответствующих европейских торговых компаний. Поэтому идея делать остановку на западе, чтобы двигаться на восток, непонятна, если не знать об особенностях атлантического плавания вдоль африканского континента: в определенный момент экспедиция, отклоняющаяся от побережья, чтобы воспользоваться благоприятными ветрами и течениями, оказывается недалеко от Бразилии, хотя движется дальше – к мысу Доброй Надежды и выходу из Атлантического океана в Индийский. Точно также без пояснений осталась бы непонятна сущность реформ маркиза Помбала, который стал поощрять устройство мануфактур не только в Португалии, но и в Бразилии [с. 91]. Поскольку до Помбала считалось, что единственным поставщиком промышленных товаров для колонии должна быть метрополия, которая таким образом крепче привязывает к себе свои заокеанские владения и ставит их в зависимость от себя, фраза Б. Фаусту: «Корона попыталась уменьшить зависимость Португалии от импорта промышленных товаров и стала поощрять устройство собственных мануфактур в метрополии и *даже в Бразилии*» (курсив наш. – Авт.) вместе с соответствующим пояснением показывает, насколько инициатива Помбала в отношении Бразилии стала изменением традиционного курса.

Часть таких «айсбергов» сконцентрировалась в одном из первых параграфов книги, посвященном коренному индейскому населению Бразилии. Поскольку эти реалии были знакомы бразильскому читателю, автор иногда не просто упоминал их вскользь, а иногда рассчитывал и на знание контекста, в котором эти реалии зародились. Для российского же читателя такие оставленные без пояснений фразы были бы не только объяснением непонятого через непонятое, но и воспринимались бы как утверждение

«от автора», в то время как речь шла об апелляции к представлениям соответствующей эпохи. К примеру, во фразе «Тупинамба поедали тела врагов из чувства мести; айморе – из-за пристрастия к человеческому мясу» [с. 31] при переводе следовало пояснить суть ритуальной антропофагии, которую действительно практиковали племена атлантического побережья Бразилии и подчеркнуть, что речь шла об определенной социальной практике, которая была связана с самоидентификацией группы в противопоставлении другим группам, что она играла важную социальную роль, строго регламентировалась и была направлена «вовне», т.е. применялась только по отношению к противнику и никогда – внутри собственной группы. После этого фраза приобретала заложенный изначально смысл, а именно: показывала, как в XVI в. португальские авторы ранжировали «дикарей» на «более» или «менее» «диких» каннибалов, но при этом не понимали сути шокирующего их обычая.

Точно так же рассказ Б. Фаусту о восприятии индейцами белых, приплывших на огромных кораблях, и особенно их священников, которых индейцы стали отождествлять с собственными шаманами, проповедовавшими о «некоем крае изобилия» [с. 35] потребовал комментария, особенно в последней части. Среди индейцев тупи бытовало представление о мифической «земле без зла» и «крае изобилия», куда попадают души предков и героев, но который возможно достичь и при жизни, а христианские миссионеры широко использовали это представление, чтобы объяснить идею рая. Для латиноамериканских этнографов и антропологов, особенно занимающихся реконструкцией верований коренного населения Южной Америки, слова «земля без зла» не требуют пояснений и даже могут использоваться в качестве нарицательных в заголовках научных и научно-популярных работ, однако для русскоязычного читателя все же представлялось важным дать соответствующее пояснение.

Схожих объяснений требовали и другие пассажи. Так, слова Б. Фаусту о том, что «иезуиты не уважали индейскую культуру; они подчас даже сомневались, а являются ли индейцы людьми. Мануэл да Нобрега, к примеру, говорил, что «индейцы являются псами, когда убивают и пожирают друг друга, и свиньями – в своих пороках и в способах обращаться друг с другом» [с. 42] без специальных комментариев могли бы поставить перед русскоязычным читателем вопрос: а как же миссионер осуществлял свою работу, если сомневался в наличии души у тех, кого он должен был обратить в христианство? Для бразильских читателей такой вопрос не возникает: они знают, что Нобрега был одним из самых заметных миссионеров своего времени, а орден иезуитов сыграл в раннеколониальной истории Бразилии значительную роль; уже

исходя из длительности миссионерской работы иезуитов (несколько столетий) можно сделать вывод, что они все же верили в наличие у индейцев бессмертной души и способностей к восприятию христианства. И действительно, процитированный пассаж относится к тому начальному периоду миссионерской работы, когда иезуиты в Бразилии несколько раз меняли свою позицию, исходя из результатов повседневной практики: поначалу они с энтузиазмом описывали готовность индейцев принять крещение, затем наступали моменты разочарования. Однако уже в 1558 г. тот же самый Нобрега составил программный документ – «Диалог об обращении язычников».

Еще одной группой «айсбергов» стали нарицательные для бразильцев выражения, появившиеся в конкретный исторический период, однако оставшиеся в языке. Часто такие выражения лаконичны и емки, а для их перевода требуется достаточно внушительная конструкция. Так произошло с переводом «*Dia do Fico*». Бразильцы знают, что речь идет о дне, когда наследный принц Педру (будущий император Педру I) отказался возвращаться в Португалию и заявил своему окружению: ««Скажите народу, что я остаюсь» («*Digam ao povo que fico*»). Таким образом, день, когда было произнесено слово «*Fico*» («я остаюсь»), стал называться «день *Fico*» («*Dia do Fico*»). Поэтому фраза Б. Фаусту, где употреблялось без пояснений данное выражение, была переведена следующим образом: «Решение принца, торжественно принятое в «День, в который было произнесено “Я остаюсь” (9 января 1822 г.), означало выбор пути, с которого уже нельзя было свернуть» (с. 105–106).

К периоду обретения Бразилией независимости относится и другое ставшее нарицательным выражение – «*клич Ипиранги*» (*grito do Ipiranga*) [с. 108]. 7 сентября 1822 г. тот же наследный принц Педру, находясь в окрестностях г. Сан-Паулу, в местности под названием Ипиранга, получил сообщение, что в Португалии настойчиво требуют его возвращения в метрополию; по легенде, принц воскликнул «Независимость или смерть!». 7 сентября стало днем провозглашения независимости Бразилии и сейчас является национальным праздником страны. По аналогии с «*Dia do Fico*» 7 сентября иногда иносказательно обозначается как «*Dia do Grito*», требуя при переводе такой же объяснительной конструкции. Иногда в бразильской научно-популярной литературе появляется даже такое обозначение периода с 9 января по 7 сентября 1822 года, как «от “*Dia do Fico*” к “*Dia do Grito*”» или еще лаконичнее: «От *Fico* к *Grito*». Сравнить это можно с разделами советских, а затем российских учебников по истории XX в. «От Февраля к Октябрю». Для российского читателя очевидно, что речь идет о Февральской и Октябрьской революциях 1917 г., однако

переводчик, который взялся бы переводить такой раздел на любой иностранный язык, был бы вынужден давать такие же пояснения, как и в случае с обманчиво лаконичными *Fico* и *Grito*.

Другим живописным выражением, появившимся по вполне определенному поводу, но затем оставшимся в языке (и на этом основании требующим не просто перевода, а объяснения) является обозначение действия, которое предпринимается для отвода глаз, для создания видимости: «сделать что-то, чтобы англичанин посмотрел и успокоился» (*pra inglês ver*). Речь идет об англо-бразильском соглашении 1826 г., согласно которому англичане, уже отменившие у себя работорговлю, имели право досматривать в открытом море бразильские корабли, заподозренные в перевозке рабов; в обмен Великобритания предоставляла недавно получившей независимость Бразилии кредиты и международную поддержку. В 1831 г. во исполнение этого соглашения был принят закон об отмене работорговли, однако он остался на бумаге. Соответствующий пассаж Б. Фаусту обыгрывает оба значения выражения – и конкретно-историческое, и нарицательное: «Закон 1831 г. был воспринят как мера «для того чтобы англичанин посмотрел и успокоился» [с. 147]. Данное выражение до сих пор используется в бразильской прессе – как в классическом виде, так и с заменой «англичанина» на какого-либо другого злободневного персонажа.

Иногда требующий комментирования «айсберг» скрывается под внешне неброскими выражениями, и лишь бразильский читатель почувствует, что определенное словосочетание является отсылкой к настолько важной и очевидной реалии, что ее достаточно просто упомянуть. Речь идет о следующей фразе Б. Фаусту: «В республике должны были быть порядок и прогресс, который понимался как расширение технических знаний, индустриализация, развитие средств связи и путей сообщения» (с. 190). Слова «порядок и прогресс», хотя никак и не выделены автором, бразильской аудиторией безошибочно считываются как отсылка к девизу «Порядок и прогресс», начертанному на новом государственном флаге Бразилии, который был утвержден через несколько дней после провозглашения республики, 19 ноября 1889 г. Эта формула в развернутом виде представляла собой девиз основателя позитивизма Огюста Конта: «Любовь как принцип, порядок как основание и прогресс как цель»; французский позитивизм получил значительное распространение в Бразилии в последней четверти XIX в. и стал ведущей идеологией республиканцев. Слова «Порядок и прогресс» и сейчас находятся на государственном флаге страны. В принципе, они могут быть знакомы и российскому читателю, особенно если он увлекается

футболом и представляет себе, какой именно флаг поднимается после завоевания сборной Бразилии очередного титула чемпиона мира по футболу. Однако для того чтобы перекинуть мостик между современным флагом страны и событиями более чем вековой давности, и потребовался комментарий к внешне простой фразе.

К сложностям перевода относится не только адекватная передача реалий, знакомых одной читательской аудитории и незнакомых другой. Иногда опасность может подстеречь переводчика на следующем этапе, в процессе литературного редактирования перевода, когда, казалось бы, незначительная правка способна кардинально изменить смысл (задача переводчика в этом случае – не пропустить такую ситуацию и «вступить» за переводимого автора, чтобы не приписать ему то, что тот не говорил и что противоречит историческим реалиям). Так, к примеру, во фразе «Эти племена назывались общим словом "тапуйя" – так племена тупи-гуарани определяли других индейцев, говоривших на иных языках» [с. 30] литературный редактор решил всего лишь изменить прошедшее время на настоящее – распространенный прием в описаниях. Однако именно в данном случае делать этого было нельзя: слово «тапуйя», как доказали этнологи, не являлось названием племени, как ошибочно полагали европейцы в XVI в. Говорить в настоящем времени, что племена тупи-гуарани «называют» так другие племена – это то же, что утверждать, что в современной России всех иностранцев «называют» (в настоящем времени) «немцами»: такое словупотребление действительно существовало, однако относилось к конкретному историческому периоду (петровскому времени), и осовременивать его из стилистических соображений – значит допускать фактическую ошибку.

Схожая проблема возникла и в другом месте случае (речь вновь идет о параграфе о коренном индейском населении). Во фразе «[война и захват в плен врагов] предназначались для мужчин, являясь источником их престижа среди соплеменников и возможностью взять новых жен» [с. 32] литературный редактор предложил заменить слово «взять» на близкое по значению «приобрести». С этнографической точки зрения такая замена стала бы серьезной фактической и смысловой ошибкой, поскольку между «взять жену» и «приобрести жену» существует значительная разница.

Иногда смысл фразы мог измениться всего лишь от того, что длинное предложение разбивалось на несколько коротких. Само по себе это настолько распространенный стилистический прием, что при его использовании забывается риск возникновения новых смыслов, не предвиденных автором и не соответствующих реальности. Так, предложение «Использование приправ отвечало кулинарным вкусам того времени, что

можно сравнить с привычкой к кофе, который значительно позже стал потребляться в огромных количествах по всему миру» [с. 27] было предложено разбить на несколько: «Использование приправ отвечало *кулинарным вкусам того времени. Им же отвечала* привычка к кофе, который значительно позже стал потребляться в огромных количествах по всему миру» (курсив наш. – Авт.). Литературный редактор хотел сделать смысловое ударение на словах «кулинарные вкусы», однако вставка слов «им же» стала недвусмысленно указывать не просто на «кулинарные вкусы», а кулинарные вкусы именно *того времени*. В результате получилось, что привычка к кофе, возникшая в массовом порядке в XIX в., соответствовала вкусам средневековья и раннего нового времени (той самой тяге к специям, которая подхлестнула поиски морского пути в Индию). Анахронизм и очевидная логическая несостыковка возникли буквально на ровном месте из-за незначительных стилистических изменений.

Рассмотренные примеры относятся к сложностям перевода реалий, связанных с историей Бразилии XVI–XIX вв. Однако описание истории страны в XX столетии также таит в себе немало подводных камней для переводчика.

Как понять словосочетание «*Os Desoito do forte*» [с. 231]? Ведь если перевести его дословно, получается бессмыслица. И только подробное разъяснение-комментарий позволит раскрыть его истинный смысл: речь идет о восстании тенентистов 5 июля 1922 г. в форте Копакабана и об оставшихся в живых 18 его участниках (следовательно, перевод «*Os Desoito do forte*» звучит по-русски как «восемнадцать выживших в форте Копакабана»; он гораздо более длинный, чем в лаконичном португальском оригинале, но это – «издержки» различных способов передачи понятий в обоих языках). Кстати, и само слово «тенентисты» нуждалось в разъяснении. *Os tenentes* – дословно «лейтенанты», расширительно – молодые офицеры, выступившие в 1920-е гг. против олигархического режима. Было интересно поразмышлять: а как перевести «непереводимое» «*os “tenentes” eram tenentes*» [с. 236], если по-португальски «*tenentes*» – это и лейтенанты, и тенентисты? Адекватное решение было найдено: в переводе это звучало как «“тенентисты” были лейтенантами», и это в полной мере отвечало и оригиналу, и мысли автора, и самой исторической реальности.

А откуда появилось название одного из наиболее знаковых военных учебных заведений Бразилии – Военная школа Прайя-Вермелья? Объяснение, что Школа находилась в районе Рио-де-Жанейро с одноименным названием (вернее, школа получила название по названию района) вывело нас на необходимость объяснения этого «говорящего

названия»: почему «красный пляж»? А дело в том, что происхождение названия пляжа имеет две версии – по одной, в песке имелись вкрапления багряных и розовых кристаллов, по другой – здесь в первые годы после основания города в результате ожесточенной битвы португальцев с индейцами берег был залит кровью [с. 177].

В собственном объяснении нуждалось и такое понятие, как часто упоминаемый на страницах книги «Северо-Восток». В Бразилии это далеко не только и даже не столько географическое название, предполагающее территории, в северо-восточных зонах страны; это поистине цивилизационное понятие, означающее и определенный уровень развития, и определенную культуру, в том числе политическую, и климат, и национальную кухню, и исторические особенности; «Северо-Восток» для бразильцев – это особый и своеобразный мир внутри огромной страны.

Важная задача виделась и в том, чтобы не оставить без объяснения такие слова-понятия, как «*паулиста*», «*минейру*» и «*гаушу*». В оригинале они разбросаны в огромных количествах по всему тексту, т.к. бразильцам не просто понятно, что они означают, но и сами они (в случае проживания в каком-либо из данных штатов) являются «носителями» данных терминов. Нам же пришлось прокомментировать, что каждое из этих слов означает уроженца и жителя провинции/штата Сан-Паулу, Минас-Жерайс, Риу-Гранди-ду-Сул (соответственно), а будучи употребленным в виде прилагательного, – все то, что принадлежит или свойственно данной провинции/штату (кухня, культура, политика и т.п.). Особым образом пришлось переводить и названия первых бразильских (республиканских) партий, которые появились в этих штатах в конце XIX в. Например, Паулистская республиканская партия (ППП) на русском языке еще как-никак звучит, а вот Partido Republicano Mineiro (PRM) или Partido Republicano Rio-gradense (PRR), или попросту Partido Republicano gaúcho, передать адекватно, учитывая отсутствие в русском языке подобного рода понятий, невозможно. Поэтому перевод названий данных партий по необходимости стал более громоздким, зато – полностью соответствующим оригинальным названиям и понятным русскому читателю: Республиканская партия штата Сан-Паулу, Республиканская партия штата Минас-Жерайс, Республиканская партия штата Риу-Гранди-ду-Сул.

Все вышеприведенные примеры подтверждают еще один непреложный, как нам кажется, переводческий «закон». Тексты, посвященные какой-либо области знаний (история, лингвистика, физика, экономика, астрономия, космонавтика и т.д. и т.п.), должны переводить не просто люди, владеющие языком, но обязательно (если стремиться к наилучшему эффекту) специалисты в соответствующих областях. В обсуждаемом

нами случае тот факт, что оба автора данных строк являются историками, специалистами по истории Бразилии, помог не только сделать комментарии-примечания, но и осуществить собственно перевод текста, сделать его понятным читателю. К иллюстрирующим это приведенным выше примерам добавим и такой. При подготовке президентских выборов 1945 г. развернулась т.н. *campanha queremista* с лозунгом *Queremos Getúlio* [с. 286]. Можно было бы просто перевести это как «керемистская кампания». Но что дал бы такой перевод читателю? Мы же объяснили, что лозунг «*Мы любим, или нам нужен Жетулиу*» означал движение сторонников Варгаса, которые выступали за сохранение его власти.

Или такой пример. Автор пишет: «В символическую для страны дату 21 апреля 1960 г. Жуселину Кубичек открыл новую столицу» (Бразилиа) [с. 318]. В принципе перевод сделан, и формально переводчик может «идти» дальше. Читатель же остается в недоумении, т.к. для него эта дата отнюдь не несет в себе какого-либо символа. Поэтому наше пояснение, что 21 апреля 1792 г. был казнен борец за независимость Бразилии, национальный герой Тирадентис и что с тех пор эта дата считается памятной для Бразилии, ставит все на свои места.

Подобных примеров – множество. Вот еще один, касающийся периода правления военного режима во второй половине XX в. Автор пишет (опять же, рассчитывая на бразильского читателя), что некий персонаж стал осведомителем «Информационного центра ВМФ» [с. 339]. Русскому читателю это ничего не говорит. Комментарий необходим: он разъясняет, что подразделение с таким неброским названием было создано еще до прихода к власти военных не больше не меньше как разведслужба, а при диктаторском режиме превратилось в один из его главных репрессивных органов, одно лишь название которого навело ужас на тех, кто попадался или мог попасть в его сети.

Свою важную задачу мы видели и в необходимости предоставления хотя бы кратких сведений о ряде исторических персонажей. Иногда автор сам дает пояснения, но в гораздо большем количестве случаев упоминает различных деятелей, как говорится, «через запятую» и имеет при этом в виду, что это те персонажи, которых бразильцы знают со школьных лет – граф д'Э, маршал Деодору, Флориану Пейшоту, Бенжамен Констан, Гоис Монтейру, Эдуарду Гомис. Для российского же читателя пояснения необходимы, причем подчас одно влечет за собой другое. Разъяснив, кто такой Бенжамен Констан, невозможно поставить точку и не рассказать, почему имя этого известного *бразильского* военного, государственного деятеля периода свержения монархии и провозглашения республики, одного из основателей Первой республики

идентично имени *французского* писателя и политика, идеолога либерализма и парламентаризма начала XIX в.

С именами собственными связан еще один забавный и «чисто бразильский» сюжет, нашедший непосредственное отражение в книге и поставивший вопрос перед переводчиками. Дело в том, что в Бразилии принято называть политиков по именам (есть случаи, когда их называют по фамилиям, но они весьма редки). Из наиболее известных, «на слуху» – например, имена президентов Фернанду Энрике [Кардозу], Итамар [Франку], Лула [это вообще прозвище, «инкорпорированное» в полное имя Луис Инасиу Лула да Силва], Дилма [Руссефф] (в отличие от Сарнея, имя которого «Жозе» практически не упоминается, или Фернанду Коллора ди Мелу, которого также называют исключительно по фамилии – Коллор). Но вот в книге Б. Фаусту описаны важнейшие «действующие лица», знаковые фигуры бразильской истории середины XX в. – Жетулиу Варгас, Жуарис Тávора, Жуселину Кубичек, Жаниу Куадрус, Жоау Гуларт (по иронии, все имена начинались на одну и ту же букву, но это уже – из разряда случайностей). Всех их в Бразилии звали исключительно по именам – Жетулиу, Жуарис, Жуселину, Жаниу, Жоау/Жангу (Жоау имел еще и крайне популярное уменьшительное имя – Жангу; все бразильцы знали, что Жангу – это не кто иной, как Жоау Гуларт). Поскольку их политические пути часто пересекались (так, Жуселину Кубичек и Жоау Гуларт шли в одной связке [президент/вице-президент] на президентские выборы 1955 г., а Жуарис Тávора был их соперником), то на одной и той же странице повествование автора могло вестись о хитросплетениях политических взаимоотношений «Жетулиу», «Жуселину», «Жангу», «Жуариса» и «Жаниу». Точное следование переводу *данному* авторскому тексту вылилось бы в то, что абсолютная ясность для бразильского читателя обернулась бы полной сумятицей и непониманием для читателя русскоязычного, не только не привыкшего к «поименному» перечислению политиков, но и получавшего прямую возможность запутаться в том, «кто есть кто». И тогда было принято решение называть в переводе этих политиков по их фамилиям, что, возможно, с чисто формальной точки зрения несколько нарушало оригинальный текст, но по факту соблюдало «дух» оригинала, а при этом все же позволяло нашему читателю разобраться в сложных переплетениях политической истории Бразилии указанного периода.

Для облегчения восприятия русским читателем особенностей бразильской партийной системы необходимо было в примечаниях описать партии, разъяснить их названия (которые на первый взгляд ничем не отличаются друг от друга), показать, каким образом они появляются –

из расколов и слияний своих предшественников, в чем неспециалисту нелегко разобраться.

Любому профессиональному переводчику известно, что перевести – значит «выразить точно и полно средствами одного языка то, что уже выражено средствами другого языка в неразрывном единстве содержания и формы»¹. Перевод, несомненно, связан с глубинным знанием того языка, с которого идет перевод, и столь же филигранным владением тем языком, на который идет перевод². Однако же этих абсолютно необходимых условий недостаточно. Современное переводоведение, теория перевода предполагают, что сам процесс адекватной передачи авторского текста на другой язык диктует переводчику необходимость перехода от непосредственно лингвистической составляющей (т.е. собственно перевода) к межкультурной коммуникации (адекватной передаче понятий, выраженных на иностранном языке, на русский язык). В этом дуализме (лингвистика vs межкультурная коммуникация) последняя играет подчас определяющую роль, т.к. в противном случае перевод превращается в трансляцию отдельных слов, собранных во фразы, которые в своей совокупности либо создают непонятную для читателя, «зашифрованную» картину, либо просто превращаются в бессмысленный набор слов. Культурно-обусловленное восприятие явлений в одном языке может – при столкновении с чужим культурным кодом – приобретать совершенно иные оттенки.

Ведь культурный код может быть «зашифрован» в различных лексемах, специфических терминах, несовпадающих значениях лексических единиц, которые имеют разное значение в разных политических культурах. В сознании одного общества они могут носить вполне позитивную коннотацию, в то время как в представлениях и ценностных ориентациях другого – абсолютно негативную^{**}. А иногда одно и то же понятие может со временем приобретать те признаки и значения, которых у него не было раньше.

^{**} Так, например, в английском языке слово «амбициозный» носит положительный характер, означая «решительный», «волевой», «инициативный», а в русском языке оно имеет значение «заносчивый», «претенциозный», «честолюбивый». Та же история – и со словом «агрессивный»: позитивная коннотация в английском языке (активный, настойчивый, энергичный, конкурентоспособный; хотя присутствует, конечно, и негативная окраска) и однозначно негативная – в русском (враждебный, наступательный, захватнический). См.: Буряковская В.А. Культурно обусловленное восприятие явлений в столкновении с чужим культурным кодом // Филологические науки в МГИМО, 2015, №3, с. 12. Абсолютно та же ситуация с этими и подобными словами складывается в других западных языках и полностью применима к португальскому языку.

Все вышесказанное в полной мере проявилось в процессе перевода книги бразильского историка. Именно в силу высказанных выше обстоятельств комментированный перевод оказался именно той формой передачи текста, которая только и смогла обеспечить его адекватное восприятие русским читателем.

Вот один из самых характерных примеров, связанных с трактовкой одного из наиболее часто употребляемых на страницах книги терминов – «национализм» и «националистическая политика». «Проводить националистическую политику», «националистический характер» статьи конституции, «стимул к проведению индустриализации был тесно увязан с идеологией национализма» – эти и подобные выражения во множестве рассыпаны по страницам книги, относящимся к XX в. [с. 235, 258, 272 и др.], т.к. именно это и составляло главное содержание экономического и политического курса режимов президентов Варгаса, Кубичека, Гуларта. Оставить без комментария подобный перевод невозможно, т.к. понятие «национализм», «националистический» в русском языке имеют строго определенную и к тому же сугубо негативную коннотацию, связанную с проблемами межнациональных отношений, когда тяготеющий к шовинизму национализм сеет межнациональную рознь и претендует на возвышение одних наций за счет принижения других. В бразильском же (и латиноамериканском в целом) политическом и политологическом дискурсе подобного понимания нет и в помине; здесь под националистической политикой понимается курс, направленный на достижение общенациональных целей, на реализацию центральных задач национального развития, отвечающий интересам развития национальной экономики. В подобном контексте вышеприведенные примеры выступают в совершенно ином, адекватном бразильской действительности свете. Еще больше усиливает это впечатление фраза «...[чтобы помешать] переходу Бразилии *на позиции радикального национализма*» (курсив наш.– Авт.) [с. 281]. В «переводе» на «политический язык» она означает «*на позиции радикального разрыва с иностранным капиталом и переходу на рельсы самостоятельного развития*». Именно это и отражено в комментарии.

Итак, отныне Борис Фаусту «говорит по-русски». Мы же, переводчики, прониклись к «Краткой истории Бразилии» еще и своеобразным «собственническим чувством», ведь работа с комментариями и поиском наиболее адекватного способа передачи бразильских реалий с одного языка на другой оказалась необыкновенно захватывающей. Судя по отзывам первых читателей, нам удалось предугадать значительное коли-

чество вопросов к тексту бразильского историка. И поскольку, как гласит латинская пословица, «*scripta manent*», мы надеемся, что книга Б. Фаусту, начавшая свой путь к российскому читателю, наконец-то позволит избавиться от некоторых навязчивых стереотипов в восприятии Бразилии в нашей стране.

¹ Федоров А.В. Основы общей теории перевода (лингвистические проблемы. М.: ИД «Филология три», 2002, с. 15; см. также: Аксенова Е.Е. Теории перевода: от лингвистики к межкультурной коммуникации // Филологические науки в МГИМО, 2015, №3, с. 76–91.

² См. интервью с переводчиком и литературоведом Мишелем Окутюрье // Независимая газета, 3.12.2015.

О.А. Сапрыкина
(МГУ имени М.В. Ломоносова)

Социолингвистический профиль Анголы

Социолингвистический профиль Анголы – сложная исторически сложившаяся конфигурация этносов, языков и культур, распространенных на западном побережье и в центре Африки.

Сейчас в Народной республике Ангола проживает около 24,3 млн. человек. Португальский язык признан официальным языком государства. Статус португальского языка определен в XIX статье *Конституции республики Ангола* (2010): «Официальным языком республики Ангола является португальский». Во втором параграфе той же статьи сказано о том, что государство признает и поддерживает изучение, преподавание и употребление других языков в Анголе, равно как и основных языков международной коммуникации.

В эпоху Великих географических открытий, начиная с XV века, Португалия вышла на одно из ведущих мест в мире – началось создание великой колониальной империи. На разных континентах португальской короне подчинились земли, которые прежде входили в другие геополитические системы. Современный португальский философ и историк культуры Э. Лоуренсо назвал роль Португалии в мире мессианской и определил её как «исторический «эон», предназначенный для духовного возрождения вселенной» [Лоуренсо: 41].

Португальскую миссию Э. Лоуренсо рассматривал как «истинно европейскую»: миссия предполагала территориальную экспансию, завоевания, открытия, – словом, движение Европы вовне. Не случайно в мифе о Европе финикийскую царевну (хтоническое божество) похищает бык, который переносит её на спине по морю. Португальцы предприняли первые шаги, которые привели к не имеющему равных в мире подвигу маленького народа, обращённого западными и захватывающими мир буржуа-предпринимателями в копье с железным наконечником [Лоуренсо: 123].

Португальская колонизация в Африке привела к культурному доминированию Португалии: центральное место в государственной жизни занял португальский язык, с помощью королевской администрации и миссионеров утвердилось христианство. Португальское влияние в странах *lusitana* было так велико, что португальская культура, поставленная в центр нового культурного мира, легла в основу формирования новой национально-культурной идентичности.

Ключевыми механизмами в формировании новой национальной идентичности стали *метисация и креолизация*. Для понимания особенностей этногенеза всегда важны этнологические термины. Рассмотрим некоторые из них.

Одно из ключевых (доминантных) слов синонимического ряда – **mestiço метис**. Метис рождается от родителей, принадлежащих к разным расам. Синоним *mestiço* в бразильском варианте португальского языка – **chibarro** < *chibo козленок*.

Порт. **crioulo** (исп. *criollo*) [Lello, 1977: 310] – традиционное название белого, родившегося в колониях, или негра, родившегося в Бразилии. В Бразилии слово *crioulo* имеет больше значений, чем в Португалии: прежде всего так называют местного жителя, который родился в семье европейцев на новом континенте [Aurélio: 503, Camara Cascudo: 320]. Кроме того, в семантике *crioulo* в Бразилии выделяется сема «местный», «локальный». В Бразилии *crioulo* также любой чернокожий или бразильский негр.

В романе современного португальского писателя Ж.Э. Агуалузы (José Eduardo Agualusa, 1970) «Креольская нация. Тайная переписка Фрадики Мендеша» (*Nação Crioula. A correspondência secreta de Fradique Mendes*) «креольской нацией» назван португальский корабль, перевозивший негров-невольников из Анголы в Бразилию. Корабль *Креольская нация* – символ португальской геополитики, изменившей не только места проживания людей в мире, но и в значительной мере определившей исторические судьбы народов и стран.

Одна из сторон процесса креолизации, по Агуалузе, – это порабощение негров, изменения данных им от природы мест проживания *loci*, использование труда невольников. Рабство *escravaria, escravismo* – это состояние не только раба. Рабство влияет и на рабовладельца, который в условиях рабовладения *escravatura* может потерять нравственные ориентиры.

Порт. **mulato** [Lello, 1977: 799; Aurélio: 1164] < *mulo, mu самец; мул* обозначает человека, родившегося от белого отца и чернокожей матери, или наоборот. Цвет кожи мулата – *pardo темный; коричневый*.

В Португалии уроженца новой африканской страны называют **português de segunda** в отличие от **português de primeira**, родившегося на родине – в Португалии.

В постколониальный период в культурах прежних колоний в Африке происходят существенные перемены. Расширяется поле языковых и культурных контактов. Разные по характеру культуры – европейские и

африканские – не просто сосуществуют, но накладываются друг на друга, прорастают друг в друге, порождая сложные *гибридные* формации.

Ангола оказалась в сфере геополитического внимания Португалии в эпоху Великих географических открытий. Западное побережье Африки в районе реки Заир было открыто португальским мореплавателем Диогу Кау (Diogo Cão) в 1482, а затем изучено в 1484–1485 гг. К этому времени уже было завершено расселение племен банту в центральной и южной Африке.

В конце XV века в западной и центральной Африке появилось несколько государственных образований – королевств. Крупнейшее из них – Конго возглавлял маниконго Нзинга-а-Нкуву. Приняв христианство от португальских священников, африканский король получил имя Жуана I. Зависимыми от Конго были королевства Матамба (к востоку), Ндонго (на юг от Конго), а также Луба и Лунда. Верховные правители в Ндонго происходили из династии *нгола* Ngola, N'Gola – так, по видимому, называлось одно из местных племен, впоследствии *амбунду*. Этноним *нгола* был положен в основу названия нового государства.

Короли Конго довольно быстро уступили натиску европейских завоевателей. Открытое сопротивление португальским колонизаторам, но уже в XVII веке, оказала только королева Матамбы, государства мбунду, Нзинга, или Джинга –Nzinga Mbandi. Позже на центральном африканском плато появилось еще несколько королевств.

Ключевой стратегией португальцев была *ассимиляция* местного населения, цель которой состояла в модификации африканской идентичности. Базовыми понятиями ангольской этнологии являются **etnia** и **raça**. Etnia, или этническая группа, – это этнокультурное сообщество, члены которого говорят на одном языке. Главную роль в идентификации этнической группы играет язык. Помимо этнических групп этнографы выделяют также *племена* **tribo** и *кланы* **clã**. Члены племени **tribo** – близкие родственники, которых возглавляет вождь. В племенном союзе важна его функция – объединение с военно-политической целью родных по крови людей. Клан – **clã** образован членами одной семьи.

В истории Анголы принято выделять несколько периодов:

- 1482–1575 период открытия, политического завоевания и торговой монополии Португалии;
- 1575–1648 начало работорговли, лузо-фламандский кондоминиум (сообщество и совместное владение территорией);
- 1648–1836 зависимость от Бразилии, формирование нового социума и совершенствование форм власти;

- 1836–1918 отмена рабства, военно-техническая оккупация Анголы Португалией;
- 1918–1963 ускоренное экономическое развитие и начало вооруженной борьбы;
- 1964–1975 антиколониальная война за независимость и создание национального государства;
- 1975–2002 период строительства нового государства и гражданской войны между соперничающими группировками МПЛА, ФНЛА и УНИТА;
- 2002–2015 – период мирного строительства.

В исторической перспективе позиции португальского языка постоянно укреплялись во взаимодействии и в соперничестве с местными африканскими языками **нигеро-конголезской** семьи языков, в которой выделяется бенуэ-конголезская подсемья, группой которой являются банту-языки.

На территории Анголы располагаются три зоны распространения языков банту: Н, К, R. Зонам языков банту обычно присваиваются названия букв латинского алфавита, а деления внутри зоны обозначатся с помощью цифр. Самым распространенным банту-языком в Анголе является умбунду o umbundo, за ним следуют – кимбунду o quimbundo и киконго o quicongo. На **умбунду** говорят африканцы этнической группы овимбунду Grupo Ovimbundo: они составляют примерно 37% всех африканцев. Умбунду – язык южных провинций Анголы. На **кимбунду**, или амбунду говорят в группе кимбунду Grupo Ambundo (25% населения). Амбунду расселились по течению реки Кванза на территориях современных провинций Луанда, Маланже, Кванза Норте, Бенго. На **киконго** (или кабинда, конго, уиже) говорят в группе баконго Grupo Bakongo (13% населения). В более мелких этнических образованиях говорят на языках киоко (чокуэ-лунда), гангуэла (нгангуэла), луньянека (нианька), шикуньяма (амбо), шиэреро (эзеро), шидонго (чидонга). В небольших по численности этнических сообществах говорят на койсанских языках O Grupo Khoisan. Местные языки получили статус национальных африканских языков *línguas nacionais africanas*.

Из всех африканских языков на территории Анголы только 6 языков (из 40) признаны в качестве официальных и имеют собственные алфавиты.

Население Анголы говорит на нескольких языках: на португальском языке – белые и мулаты; ассимилированные члены общества – на португальском, которым пользуются в качестве второго и на языках группы банту.

В проводимой португальцами в Анголе языковой политике на протяжении нескольких столетий доминировала стратегия монолингвизма и консолидации португальского языка. С 1919 года по 1960 год португальцы вообще запретили использовать местные африканские языки во всех сферах общения. Португальский язык получил прочные позиции в сферах институционального дискурса – в органах законодательной, исполнительной и судебной властей и в публикуемых ими документах. Не менее важной была роль португальского языка в сфере персонального дискурса: в быту, в повседневной жизни.

Преобразования в национальном варианте португальского языка в Анголе – в его фонетике, грамматике и, особенно в лексике – были связаны с доминирующим положением португальского в многоязычной ситуации. Фонетика модифицировалась в связи с контактами с местными языками, лексика постоянно обогащалась заимствованиями – названиями африканских реалий. Для грамматики португальского языка в Анголе характерно регулярное использование личных безударных местоимений в препозиции, распространение эмфатических глагольных конструкций и особенно – употребление глагольных форм страдательного залога.

Наиболее чувствительной сферой в области языковых контактов стала лексика.

Национальный вариант португальского языка в Анголе пополнился межъязыковыми и межвариантными африканизмами и бантуизмами. К межъязыковым африканизмам относятся заимствования, характерные для нескольких европейских языков в Африке (панафриканизмы):

Musseque < кимб. *mu-seque* – букв. песок; район бедняков, на окраинах городов; такие кварталы возникали обычно вследствие переселения коренного населения из сельских поселений в города;

Imbondeiro, embondeiro < кимб. *mbundu* – баобаба, священное дерево в Африке, его возраст может достигать 6 тыс. лет. Широко используется в медицине, очень редко – в строительстве. Из древесины баобаба изготавливаются музыкальные инструменты;

Machimbombo, maximbombo < англ. *machine pump* – подъемная машина; старая машина; автобус;

Cachimbo < кимб. *kixima* – курительная трубка.

Среди межвариантных заимствований – бантуизмы, которые являются общими для Анголы и Мозамбика:

Machamba < бант. обработанный участок земли.

Значительную по объему группу африканизмов составляют лексические единицы, которые входят в тот или иной национальный вариант португальского языка.

Португалоязычные писатели часто составляют *глоссарии*, в которых поясняются значения африканизмов. Примером такого глоссария может служить перечень бантуизмов в романах современного ангольского писателя Пепетелы. Среди бантуизмов у Пепетелы выделяется большой пласт этнографической терминологии, названия видов жилища, музыкальных инструментов, транспортных средств, блюд национальной кухни, фитонимы и фаунонимы: *cubata* хижина, *quimbombo* напиток, *comba* поминки.

Таким образом, португальский язык в Анголе прошел сложную эволюцию и в постколониальный период укрепил свой статус и, развиваясь как самостоятельная система, обслуживает разнообразные сферы общественной жизни.

Литература

- De Holanda Ferreira, Aurelio Buarque.* Dicionário da língua portuguesa. Editora Nova Fronteira, Rio de Janeiro, 1980.
Dicionário Prático Ilustrado. Editores Lello@Irmão, Porto, 1977.
Lourenço E. O labirinto da saudade. Psicanálise mítica do destino português. Gradiva, Lisboa, 2010.

И.А. Силкина
(МГУ имени М.В. Ломоносова)

**Сравнительно-сопоставительный анализ лексики со значением
«земля» в португальском, английском и русском языках**

Трудно переоценить роль языка в жизни отдельного человека, в жизни социальной или этнической группы, всего населения Земли. При этом сразу же необходимо отметить, что наиболее изменчивой частью языка является лексика, и именно это свойство всего словарного состава языка, а также его отдельных пластов, позволяет судить о накопленном опыте и знаниях, традициях и культуре народа и особенностях социальной, профессиональной, возрастной или любой другой общности. Что же касается той или иной отдельно взятой лексемы, то показателем её значимости для носителей языка является наличие разветвлённой парадигмы значений.

Исходя из этого, можно сделать предположение, что сходство и разница культур может ярко проявляться в отдельных лексемах, обозначающих один или несколько предметов или явлений, значимых для носителей языка. Для проверки этого предположения необходимо провести анализ выбранной лексики, который должен основываться на комплексном подходе, объединяющем исследование информации, заключённой в частотных, этимологических, толковых словарях, а также на основании анализа устойчивых выражений и/или элементов фольклора, данных контекстного анализа, отражающего состояние современной письменной и устной речи.

Рассмотрим лексику со значением «земля» в русском, английском и португальском языках. Однако в связи с тем, что даже на первый взгляд круг этой лексики достаточно широк (рус. *земля, почва, грунт*; англ. *land, ground, earth*; порт. *terra, solo*), на основании данных о частотности их употребления необходимо осуществить выборку наиболее употребительных лексем. При помощи частотных словарей были отобраны: в русском языке – *земля*, в английском – *ground, land, earth*, в португальском – *terra*. В использованных словарях, составленных на основе корпусов текстов, с целью максимальной унификации принято использовать значение ipm (instances per million words) – количества употреблений на миллион слов корпуса. При сравнении разных лексем это значение позволяет выбрать наиболее часто встречающиеся и, соответственно, употребительные. Необходимо также сделать оговорку, что размеры и состав разных корпусов могут существенно различаться, по-

этому соотношение числовых значений частотности лексем в разных языках может оказаться необъективным.

Согласно данным «Частотного словаря современного русского языка», составленного на материалах Национального корпуса русского языка, объём которого составляет пятьсот миллионов слов, ipm рассматриваемых лексем составляет: *земля* – 494,4, *почва* – 56,2, *грунт* – 17,5, *суша* – 9,7. Очевидно, что высокая частотность лексемы *земля* уже в самом начале исследования свидетельствует о её значимости для русской культуры.

Для анализа английских лексем были использованы материалы книги «Частотность слов в письменной и устной английской речи» (“Word Frequencies in Written and Spoken English”), основанной на данных Британского национального корпуса (BNC), в котором содержится сто миллионов слов. В данном случае ipm лексем распределилось следующим образом: *ground* – 215, *land* – 208, *earth* – 97, *soil* – 48. В дальнейшем будут рассмотрены не только *ground* и *land*, но и лексема *earth*, которая входит в состав многих элементов народного творчества.

Что касается данных о частотности лексем со значением *земля* в португальском языке, то для их анализа были использованы данные ресурса *Linguateca*, объединившего около тридцати корпусов текстов на европейском и бразильском вариантах португальского языка, совокупный объём которых составил более миллиарда слов. Ipм *terra* – 194, *terreno* – 125, *solo* – 37. В данном случае наибольшей частотностью обладает *terra*. Что касается лексемы *terreno*, которая также является достаточно употребительной, то она не будет включена в последующий анализ в связи с отсутствием широкой парадигмы значений, а также немногочисленностью элементов народного творчества, содержащих эту лексему.

Этимологический анализ показал, что все рассматриваемые лексемы восходят к разным корням и основам, а время их появления позволяет отнести их к базовой лексике, возникшей в ранний период развития языков. Именно происхождение от разных корней позволяет проследить основные различия в наборах значений рассматриваемых лексем, так как вышеупомянутые протоиндоевропейские корни обозначали различные явления.

В наиболее общих чертах можно отметить следующее распределение основных первоначальных значений:

земля – пол;
ground – дно, поверхность земли;
land – ограниченный участок поверхности;
earth – грунт, материальный мир;
terra – суша.

Вслед за этимологическим анализом был проведён анализ словарных значений, который показал, что их количество и состав уникальны для каждой лексемы. Для анализа словарных статей, содержащих лексему *земля*, были использованы «Толковый словарь живого великорусского языка» В.И. Даля, «Новый толково-словообразовательный словарь русского языка» Т.Ф. Ефремовой и «Толковый словарь русского языка» С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой. Анализ *ground, land, earth* осуществлялся по онлайн-версиям таких словарей, как “Oxford”, “Longman Dictionary of Contemporary English”, “Merriam-Webster”. Словарные статьи с *terra* были взяты из “Grande Dicionário da Língua Portuguesa” и “Dicionário da Língua Portuguesa com Acordo Ortográfico”, составленных на основе европейского варианта португальского языка, а также в бразильском “O iDicionário Aulete Digital”

В соответствии с данными о частотности, в русском и португальском языках основная смысловая нагрузка заключена в одной лексеме (*земля, terra*), тогда как в английском языке эта же нагрузка распределяется между тремя лексемами (*ground, land, earth*), что указывает на особую культурную разработанность данного явления в английском языке. Самое большое число значений было выделено у лексемы *terra* – шестнадцать. *Ground* имеет двенадцать значений, *земля* – десять, *land* и *earth* – по восемь. Однако необходимо отметить, что в совокупности три английские лексемы объединяют двадцать четыре разных значения.

Ни одно из значений, выделенных в словарях, не было зарегистрировано у всех лексем без исключения. Тем не менее, некоторые из них встречаются у четырёх лексем в каждом из языков: значение «суша, противоположность воде» (кроме *ground*) указывает на присутствие базовой оппозиции *земля/вода* в рассматриваемых языках (помимо этого, в словарных статьях, посвящённых *земле, earth*, эти лексемы противопоставляются не только воде, но и небу). Значение «верхний слой суши, плоская поверхность» (кроме *land*), по всей видимости, связано с необходимостью описания и категоризации человеком окружающего его пространства.

Некоторые значения – «планета, как место обитания людей», «страна, край», «недвижимость, владение» – также отмечены во всех языках, но только у трёх лексем (см. табл. 1). Тем не менее, они также позволяют провести параллели между разными языками, и вычленил наиболее важные значения, используемые в разных культурах.

Таблица 1

	<i>земля</i>	<i>ground</i>	<i>land</i>	<i>earth</i>	<i>terra</i>
1. планета, как место обитания людей	+	-	-	+	+
2. <u><i>верхний слой суши, плоская поверхность</i></u>	+	+	-	+	+
3. страна, край	+	-	+	-	+
4. недвижимость, владение	+	-	+	-	+
5. <u><i>суша, противоположность воде (и/ли небу)</i></u>	+	-	+	+	+

Интересно и распределение этих наиболее общих значений в английском языке: у *ground* встречается только одно значение – «верхний слой суши, плоская поверхность», что, по всей видимости, связано с этимологией (см. выше). Такое же значение встречается и у лексики *earth*, которая также принимает значение «планета, как место обитания людей» и, наряду с *land*, может быть противопоставлена воде и/ли небу. Что касается *land*, то из трёх английских лексем только она имеет значения «страна, край» и «недвижимость, владение».

Рассмотрим элементы устного народного творчества: приметы, пословицы и поговорки, иллюстрирующие разные аспекты жизни русского, английского и португальского народов. Для большего удобства приметы, пословицы и поговорки были распределены по тематическим группам. Так, в русском языке приметы указывают на общие изменения погоды, а также на те природные явления, которые могут повлиять на сельскохозяйственную деятельность.

1) Погодные изменения:

- Дым из трубы стелется по *земле* без ветра – к дождю/ снегу.
- Первый снег упал на мокрую *землю* – останется, а на сухую – скоро опять сойдет.

2) Сельское хозяйство:

- *Землю* пересушишь, так и хлеба не укусишь.
- *Земля* в снегу – быть пирогу.

Количество найденных английских примет невелико, в них употребляются все рассматриваемые лексемы. Тематика этих примет сводится к предсказаниям об ухудшении погоды.

- When clouds look like rocks and towers, *the earth* will be refreshed by showers. (Если облака похожи на скалы и башни, землю освежат дожди.)
- If there is dew upon *the ground*, no rain that day will be found, unless it rained the night before and then you had better keep score. (Если на земле роса, то в этот день не будет дождя, но если дождь шёл ночью, то за погодой лучше следить.)
- Seagull, seagull sit on the sand. It's never good weather when you're on *land*. (Чайки, чайки, сидят на песке. Когда вы на суше/берегу, погода никогда не бывает хорошей.)

В португальском языке отмечается наибольшее тематическое разнообразие примет, причём те, что относятся к предсказанию погоды, делятся на две группы: погода в море и погода на суше, что свидетельствует об особом отношении португальцев, жизнь которых изначально была тесно связана с морской стихией, к противопоставлению земли и воды. На это также указывает одна из найденных примет, описывающая способ ориентации в пространстве при путешествии по морю. Количество примет, посвящённых теме земледелия, также указывает на важность этого занятия для португальского народа.

1) Погода в море:

- Gaivotas em *terra*, tempestade no mar. (Чайки на суше/ берегу – шторм на море.)
- Se entra por *terra* a gaivota, é o temporal que a enxota. (Если чайка появляется на суше – это значит, что её прогнала непогода.)

2) Погода на суше:

- Aberta em Castela – água em *terra*. (Ясно в Кастилии – у нас вода.)
- Arco-da-velha na serra, chuva na *terra*. (Радуга над горами – у нас дождь.)
- Vermelho para a serra, chuva na *terra*; vermelho para o mar, calor de rachar. (Красное небо над горами – у нас дождь; красное небо над морем – к сильной жаре.)

3) Сельское хозяйство:

- Lua cercada, *terra* molhada. (Полная луна – сырая земля.)
- Trovoada da *terra* para o mar, toma os bois e vai lavar; do mar para a *terra*, seva-os bem e vai para a taberna. (Гроза уходит с суши на море – запрягай быков и иди пахать; идёт с моря на сушу – хорошо их покорми и иди в таверну.)
- Chuva miúda e neve/névoa aturada, são bom alimento de *terra* lavrada. (Небольшой дождь и много снега/тумана – хорошая пища для вспаханной земли.)

4) **Ориентация в пространстве:**

- Quando a passarada berra, o marinheiro procura *terra*. (Когда кричат птицы, моряк ищет землю.)

Большинство пословиц и поговорок в русском языке относятся к теме сельского хозяйства, плодородия почвы. В английском общее число поговорок, содержащих лексемы, *ground, land, earth*, опять же невелико, а самая большая тематическая группа – это «частная собственность». В португальском языке многие пословицы и поговорки указывают на значимость плодородия земли, а также делают акцент на противопоставлении земли и воды. Пословицы и поговорки могут быть разбиты на следующие группы:

Таблица 2

	русские	английские	португальские
1) противопоставление земля/небо	+	-	-
2) место рождения, жительства	+	-	+
3) <i>страна, край</i>	+	+	+
4) граница с подземным миром	+	-	-
5) поверхность, опора	+	+	-
6) плодородие	+	-	+
7) земледелие	+	+	-
8) мир, планета	+	-	+
9) <i>могила</i>	+	+	+
10) убежище, вместилище	+	-	-
11) стихия	+	-	-
12) противопоставление земля/море	-	+	+
13) земельный участок, собственность	-	+	+

Как видно из таблицы, только значение «страна, край» снова встречается во всех языках (ср. табл. 1):

Чья земля, того и городьба/ хлеб/ вера.

In *the land* of the blind, the one-eyed man is king. (В стране слепых и одноглазый – король.)

Quando passares pela *terra* dos tortos, fecha um olho. (Когда идёшь по земле одноглазых, закрывай один глаз.)

Кроме него в пословицах и поговорках во всех языках встречается значение «могила», которое тесно связано и может быть названо частным случаем значения «убежище, вместилище»:

Всякому мертвецу *земля* гроб.

Six feet of *earth* make (makes) all men equal. (Шесть футов земли делают всех людей равными.)

A boca do ambicioso só se fecha com *terra* de sepultura. (Рот хвастуна закрывается только в могиле.)

Помимо этого, важно отметить, что противопоставления земли и неба / подземного мира отмечены только в русском фольклоре, тогда как противопоставление земли и моря есть и в английских, и в португальских пословицах и поговорках. Необходимо отметить, что помимо субстанционального различия водное пространство и земля могут быть противопоставлены по принципу опасности/безопасности:

Далеко с *земли* до неба, а как стукнет в небе гром, и на *земле* слышно.

Praise the sea but keep on *land*. (Хвали море, но оставайся на суше.)

Para teres vista bela, olha o mar e moга em *terra*. (Если хочешь наслаждаться красивым видом, смотри на море и живи на суше.)

На заключительном этапе исследования был проведён контекстный анализ, позволивший выявить состав значений рассматриваемых лексем на современном этапе развития языков. Для этого был предпринят отбор иллюстративного материала, содержащегося в интернет-источниках и корпусах текстов: в Национальном корпусе русского языка (НКРЯ), Британском национальном корпусе (BNC), корпусе Лидского университета, сервисе Lingee, ресурсе Linguatca, объединившем около тридцати корпусов на португальском языке.

Для получения наиболее объективной информации о составе значений той или иной лексики необходимо подвергнуть анализу значительное количество контекстов. Так, для анализа лексем со значением *земля* было использовано от ста до двухсот контекстов. Это было связано с тем, что некоторые значения имеют очень высокую частотность, в то время как другие встречаются всего 2–3 раза.

В общей сложности на основе контекстного анализа было выявлено три группы значений:

1. значения, которые уже встречались в толковых словарях;
2. новые значения, которые уже встречались в толковых словарях у других лексем;
3. новые значения, которые не встречались в толковых словарях.

К третьей группе относится восемь значений:

1. природа, ресурсы (*earth*)

Don't you think that it is rather more civilized to think about the next generation, and the future of *the earth*, and to act accordingly? (Не думаете ли Вы, что жить более цивилизованно – значит думать о будущих поколениях и будущем Земли и поступать соответственно?)

2. объект сельского хозяйства (*land, terra*)

Why in our villages are there men without *land* and in our countryside *land* without men? (Почему в наших деревнях есть люди без земли, а в сельской местности земля без людей?)

O Ministro reafirmou que o Governo brasileiro não pode aceitar essa tentativa de interferência externa na nossa política agrícola, lembrando que o Brasil tem muita área fértil disponível, tem muito agricultor precisando de *terra* para plantar, tem muita gente precisando se alimentar. (Министр подтвердил, что бразильское правительство не может допустить эту попытку внешнего вмешательства в нашу сельскохозяйственную политику, напоминая, что в Бразилии есть много свободных плодородных земель, много земледельцев, нуждающихся в земле, чтобы начать её обрабатывать, много людей, которых необходимо снабжать продовольствием.)

3. противоположность морю (*land, terra*). Данное значение конкретизирует противопоставление земли и водного пространства и уже встречалось в фольклоре.

On *land* it can take years for two people to become close friends, yet at sea the years are telescoped into hours. (На суше могут пройти годы, прежде чем два человека станут близкими друзьями, а в море годы становятся часами.)

O senhor António Guido é um pescador de 53 anos, agora mestre de um barco de dez metros, e que vive tanto tempo no mar como em *terra*. (Сеньор Антониу Гиду – рыбак 53 лет, который сейчас является владельцем 10-метровой лодки и который живёт столько же времени в море, сколько и на суше.)

4. восклицание мореплавателя (*земля*)

Земля, земля! – радостно закричал матрос, сидевший на верхушке мачты.

5. часть мироздания, стихия (*земля, earth, terra*)

Один из наиболее известных примеров – восточный 5-летний цикл первоэлементов/стихий: воды, огня, металла, дерева и *земли*...

One of the main theories of Feng Shui is the theory of Five Elements, which are Fire, *Earth*, Metal, Water and Wood. (Одна из глав-

ных теорий Фен-Шуй – это теория Пяти Элементов, включающих Огонь, Землю, Металл, Воду и Дерево.)

Ele pode, na verdade, influenciar os elementos – *terra*, vento, água e fogo. (Он действительно мог влиять на элементы: землю, ветер, воду и огонь.)

6. антипод сакрального мира (рая) (*земля, earth, terra*)

Издавна птица считалась связующим звеном между *землёй* и небом, между человеческим и божественным.

He picks it up and sees that it's a tiny silver woman, with hair like spun silk and blue eyes like pieces of the sky come down to *earth*. (Он берёт её и видит, что это крошечная серебристая женщина с волосами, похожими на шёлк и голубыми глазами, напоминающими упавшие на землю кусочки неба.)

Mas o desabar do sistema soviético, para os que acreditavam nele, e para aqueles que o combatiam, foi mais do que um tremor de *terra*: foi um tremor de céu. (Но развал советской системы для тех, кто в него верил и тех, кто с ним боролся, был больше, чем дрожь земли: это была дрожь неба.)

7. между раем и адом (*земля, earth, terra*)

Как было предречено в книгах древней библиотеки Наг-Хаммади, «и небо обвалится и разобьётся, мир упадет на *землю*, *земля* не сможет нести всех, они обрушатся в бездну и бездна разрушится».

An attraction of the older cosmology was that heaven and hell were as far apart as possible – the former beyond the outermost sphere, the latter in the bowels of the *earth*. (Привлекательность более ранней космологии заключалась в том, что рай и ад находились максимально далеко друг от друга – первый за крайней сферой, второй – в недрах земли.)

A idéia da sociedade perfeita, do paraíso na *Terra*, sempre produz o inferno. (Идея создания идеального общества,рая на *Земле* всегда порождала ад.)

8. антипод хтонического мира (ада) (*earth, terra*)

If ever there was to be hell on *earth*, Afghanistan would be a very strong candidate indeed. (Если когда-то и должен был существовать ад на земле, то Афганистан действительно был бы самым подходящим для этого местом.)

A fé comunista, aquela que criou um inferno sobre a *terra*, não é nada mais que o culto mais vil no mundo. (Религия коммунизма, та, что создала на земле ад, всего лишь самый ничтожный культ в мире.)

Необходимо отметить, что третье значение актуализирует противопоставление суши и морского пространства и в проанализированных контекстах встречается только у английской лексики *land* и португальской *terra*, что может быть связано с особенностями географического положения Португалии и Великобритании, что также нашло своё отражение в фольклоре этих стран.

Четыре последних значения относятся к области метафизики и религии. В найденных контекстах лексема *земля* либо противопоставляется небу, либо входит в состав триады *небо – земля – нижний мир*, в отличие от *earth* и *terra*.

Однако необходимо отметить, что состав значений может быть скорректирован на основании анализа новых контекстов.

В заключение хотелось бы отметить, что различия в парадигмах значений рассмотренных лексем позволили сопоставить представления португало-, англо- и русскоговорящего населения планеты о земле. При помощи анализа словарных статей были получены наборы значений зафиксированных нормой, анализ элементов фольклора показал особенности народного восприятия земли, контекстный анализ продемонстрировал узувальное, а в некоторых случаях и окказиональное, употребление лексики со значением «земля» на современном этапе функционирования языков.

Всё это подтверждает тот факт, что язык является средством отображения культурных особенностей той или иной общности, то есть устоявшихся принципов мышления. Однако нельзя утверждать, что язык является пассивным инструментом, не оказывающим никакого влияния на познание действительности. Можно предположить, что сложившиеся языковые категории могут направлять мысль человека в том или ином направлении, ограниченном рамками рассматриваемого языка.

С.М. Снеткова
(МГУ имени М.В. Ломоносова)

Галисия и Португалия – единый народ?

Ж.М. Сардика¹ в своей книге отмечает, что Пиренейский полуостров представляет собой не что иное, как объединение народов, обладающих большей или меньшей степенью самоидентификации и автономии по отношению к Мадриду (в исторической перспективе в роли центра выступало королевство Кастилия).

Выделение Португалии в особое государство можно назвать аномалией, с географической точки зрения – ведь между странами нет естественных границ. Естественным является горизонтальное деление полуострова, связанное с ходом Реконксты с севера к югу. Э. Лоренсо, например, подводит такой итог своим размышлениям на эту тему: испанцам трудно по-настоящему поверить в существование Португалии, а сами португальцы не устают удивляться этому чуду².

Внутри Испании – как тысячу лет назад, так и сейчас – действуют центробежные силы. Региональный национализм (*nacionalismo regional, regionalismo*), основанный на понимании народов Испании как «исключительных этнических и социокультурных общностей»³ и отстаивающий право на самоопределение соответствующих регионов, представлен в Каталонии, Стране Басков, Галисии, Наварре, на Канарских островах; в меньшей степени – в Валенсии, на Балеарских островах, в Астурии, Арагоне, Андалусии и некоторых других автономных сообществах⁴. События последних четырех лет в Каталонии являются самым ярким и резким проявлением этих тенденций.

Испанская Конституция 1978 года закрепляет особое право расширять свои полномочия только за тремя первыми из названных автономных сообществ. Второе Переходное положение гласит: «Территории, принявшие в прошлом посредством референдума проекты об Уставах об автономии и обладающие, на момент опубликования нынешней Конституции, временными автономными статусами, могут незамедлительно принимать меры, предусмотренные в пункте 2 статьи 148, как только их высшие преавтономные представительные органы это решат абсолютным большинством голосов и об этом сообщат Правительству»⁵. Для сравнения, все остальные сообщества могут принимать подобные меры только по прошествии пяти лет. Этим требованиям на момент издания Конституции удовлетворяли только Каталония (Устав об автономии принят в 1932 г.), Страна Басков (в 1936 г.) и Галисия (проект Устава был одобрен

на референдуме 1936 г., однако не успел вступить в силу из-за начавшейся Гражданской войны).

Неудивительно, что все три автономии на протяжении веков с интересом, симпатией и даже завистью смотрели на Португалию – единственный регион полуострова, сумевший победить «кастильский империализм». Однако со стороны Португалии отношение к ним всегда было неоднозначным: с одной стороны, ее не могло не радовать ослабление центра за счет усиления автономий, но с другой стороны, не очень приятно стоять в одном ряду с «нациями», которые не являются независимыми государствами⁶.

В то же время есть принципиальное различие между националистическим движением в Каталонии и Стране Басков, с одной стороны, и в Галисии, с другой. Два первых региона – наиболее развитые в промышленном и экономическом отношении области Испании. Это позволяет местной финансовой и политической элите оказывать давление на центральное правительство, добиваться дополнительных льгот и налоговых привилегий. Галисия же – традиционно аграрный и рыболовецкий регион – более отсталая и несамостоятельная область. В поисках оснований для своей теории идеологи галегизма (*galeguismo*) невольно обратились к соседней Португалии.

Центральным элементом всех трех версий испанского регионализма является отстаивание этнокультурной уникальности соответствующих регионов. В истории Галисии, пожалуй, только два явления могли сыграть эту роль: во-первых, *кельтизм* и, во-вторых, *эпоха расцвета галисийско-португальской лирики*. Третье яркое достояние Галисии – Путь Святого Иакова – не мог быть задействован в той же мере. Могила апостола уже в IX веке стала не только местом массового паломничества верующих со всей Европы, но и символом борьбы христианского мира против мусульман.

Причем, в первом случае предтечи галегизма немного перестарались. Так, один из авторов книги “*Historia Xeral de Galicia*” Ф. Кало Лоуридо находит исток этой теории в «Истории Галисии», написанной в 1838 году автором Вереа-и-Агиларом (*Verea y Aguilar*). На волне романтических настроений, царивших в Европе в то время, он придумал свое обоснование величия галисийцев как нации: их происхождение от кельтов. Причем, каких-либо убедительных доводов и доказательств в своей работе он не привел. Возможно, эта мысль так и осталась бы в книгах по истории и постепенно была бы пересмотрена и переработана. Но она очень приглянулась поэтам, в частности, Эдуардо Пондалю – одной из трех ключевых фигур Галисийского Возрождения

(Rexurdimento). Так, в тексте гимна Галисии, которым стало его стихотворение «Сосны», галисийцы именуется “nazón de Breogán”, народом мифического кельтского короля Бреогана. Сначала эту идею благосклонно восприняла читающая публика, а позже она «растворилась» и в народном сознании. В результате кельтам стали приписывать все древние свидетельства хозяйственной деятельности человека, с датировкой которых возникали сложности. В частности, кельтскими провозгласили городища кастро (датирующиеся концом Бронзового века – началом нашей эры), которые встречаются, в основном на северо-западе полуострова (в Галисии, на севере Португалии, на западе Астурии и провинций Леон и Самора). Так что теперь, по словам Ф. Кало Лоуридо, любой галисиец охотно покажет туристу дорогу к ближайшему «кельтскому городищу». В то время как на севере Португалии не всякий поймет этот вопрос, «так как в Португалии ни Вереа-и-Агилар, ни Пондаль никого не путали»⁷.

Это маленькое отступление призвано не столько развенчать идею о присутствии кельтов в Галисии (тому есть подтверждения и в языке, и в материальной культуре, но сам вопрос сложный, и заслуживает особого исследования), сколько проиллюстрировать примером некоторые крайности галисийского националистического дискурса. А также и тот факт, что оба элемента, ярко противопоставляющих Галисию остальной Испании (напомним, имеются в виду кельтизм и средневековая лирика на галисийско-португальском языке), связывают Галисию с Португалией, с древней римской провинцией Gallaecia.

Безусловно, территориальная и языковая близость, общая история Галисии и северного региона Португалии осознается как учеными и писателями, так и рядовыми жителями Пиренейского полуострова: галисийцы, владеющие галисийским языком, не испытывают никаких затруднений при общении с соседями-португальцами. В Испании об этом размышлял, например, сторонник идеи иберизма Мигель де Унамуно.

В «Эпитафии» – статье, посвященной убийству в феврале 1908 года португальского короля Карлуша I и его сына, герцога Луиша Филипе – он пишет: “Y la sangre portuguesa es la misma sangre gallega”⁸. Общие черты Унамуно видит в кротком и пассивном характере галисийцев и португальцев, который, тем не менее, опасно недооценивать, так как страшнее всего «гнев кротких»: “El pueblo portugués tiene, como el gallego, fama de ser un pueblo sufrido y resignado, que lo aguanta todo sin protestar más que pasivamente. Y, sin embargo, con pueblos tales hay que andarse con cuidado. La ira más terrible es la de los mansos”⁹. Причины духовного отчуждения и редких культурных контактов между Испанией

и Португалией Унамуну видит в высокомерии и презрении испанцев, с одной стороны, и подозрительности и обидчивости португальцев (эти черты роднят их с галисийцами), с другой: “El español, el castellano, sobre todo, es desdeñoso y arrogante, y el portugués, lo mismo que el gallego, es receloso y susceptible. Aquí se da en desdeñar a Portugal y en tomarlo como blanco de chacotas y burlas, sin conocerlo, y en Portugal hasta hay quienes se imaginan con que aquí se sueña en conquistarlos”¹⁰.

Также роднит жителей Галисии и Португалии религиозное чувство. В отличие от строгой христианской доктрины, официально принятой в Испании, в вере галисийцев и португальцев сильны элементы пантеизма и язычества, она менее трагична: “La religiosidad portuguesa, lo mismo que la gallega, (lo que alguien llamaría, no sé con qué fundamento, religiosidad céltica,) hay que ir a buscarla por debajo de las formas regulares y canónicas de la religión oficial. Por debajo de ella palpita y vive aún cierto naturalismo que tiene mucho de pagano y no poco de panteísta. Hay aquí siempre latente una cierta religiosidad pagana, diferente de la religiosidad castellana, que nos recuerda más bien la de los pueblos semitas. El Cristo español, me decía una vez Guerra Junqueiro, está siempre en su papel trágico: jamás baja de la cruz, donde, cadavérico, extiende sus brazos y alarga sus piernas cubiertas de sangre; el Cristo portugués anda por costas y prados y montañas. Jugando con la gente del pueblo, se ríe con ellos, merienda, y de cuando en cuando, para llenar su papel, se cuelga un rato de la cruz”¹¹.

В своих заметках и статьях о Португалии и Галисии Унамуну неоднократно объясняет особенности одной области Пиренейского полуострова через характерные черты другой, противопоставляя их обе остальной Испании. Тем не менее, знак равенства между ними он не ставит. Например, говоря о соответствующих литературах, в обеих Унамуну выявляет по две доминанты. Португальская литература *элегическая* и *любовная*, Португалия – это родина печальных историй любви и великих кораблекрушений, в ней существует настоящий культ боли: “La literatura portuguesa <...> tiene dos notas dominantes, y son la amorosa y la elegíaca. Portugal parece la patria de los amores tristes y la de los grandes naufragios. <...> El culto al dolor parece ser uno de los sentimientos más característicos de este melancólico y *saudoso* Portugal”¹². Для галисийской литературы также характерна *элегия*: Галисия – очень древняя земля, и такой отпечаток оставило на характере ее жителей бремя прожитых веков: “...un pueblo que lleva a cuevas del alma la pesadumbre de una civilización muerta y enterrada, de un pasado sin porvenir”¹³. Вторая же доминанта отличает ее от португальской литературы, это *сатира* – оружие, которым пытаются защититься те, кто чувствуют собственную

слабость: “La burla es una de las maneras que tienen de rebelarse, de atacar y de defenderse los que se sienten débiles, séanlo o no; la burla gallega es un consuelo y una defensa, es una rebeldía”¹⁴.

В целом нужно отметить, что о Португалии Унамуно писал чаще и больше, по его собственному признанию, его притягивала эта страна: “¿Qué tendrá este Portugal – pienso – para así atraerme? ¿Qué tendrá esta tierra, por de fuera riente y blanda, por dentro atormentada y trágica? Yo no sé; pero cuanto más voy a él, más deseo volver”¹⁵. О Галисии написано меньше. При этом Унамуно не ставил перед собой цель противопоставить или уподобить один регион другому, чаще он размышлял только о Португалии или только о Галисии, не проводя между ними никаких параллелей.

Приведем другой пример. Галисийский писатель и философ – Жоан Висенте Викеира (Johán Vicente Viqueira, 1886–1924) – в своем эссе, посвященном Кастелао, пишет о лиризме не только как о движущей силе всего его творчества, но и как о главной черте галисийской души (“a feitura mental engebrenmente galega”, “a nosa alma”), и соотносит ее с португальским характером. Рассуждая о двух подходах к восприятию действительности, он пишет: «Estas duas formas d’actividade consciente teñen o seu senso racial. A primeira é objectivista e leva no arte a unha dirección realista, esterna, narrativa ou épica; a segunda é lírica (lirismo puro), idealista, criadora, música e lírica poética. A primeira é a alma de Castela, a segunda constitui a alma musical de Portugal e Galicia, que nos leva en reminiscencias, no mais aló dos tempos, â nosa raza céltica»¹⁶. И с некоторым восторгом он замечает, что, не будучи знакомы с творчеством друг друга, он и Тейшейра Пашкоайш (1877–1952) – родоначальник и самый известный представитель саудосизма (saudosismo) в португальской литературе – одним словом обозначили лиризм каждый своего народа: “saudades” или “soidades”.

Интересно также рассмотреть культурные ассоциации, закрепившиеся за галисийцами, португальцами и испанцами в рассматриваемых языках и литературах. Если для испанцев важна принадлежность к той или автономной области, то для португальцев, смотрящих на ситуацию в соседней Испании «извне», они не существенны. Например, А. Медейруш¹⁷ отмечает, что далеко не все португальцы воспринимают Галисию как особую, принципиально отличающуюся от прочих область Испании. И далеко не для всех португальцев наименования «Галисия» и «галисиец» нагружены культурными коннотациями, в отличие от названий «Испания» и «испанец».

В качестве примеров последних мы можем привести широко распространенную поговорку: “De Espanha nem bom vento nem bom casamento” – и не менее яркое высказывание Гомиша Эанеша де Зуары в «Хронике взятия Сеуты» (1449–1450): “porque nós de uma parte nos cerca o mar e da outra temos muro no reino de Castela”¹⁸. В самом деле, ветер, дующий со стороны Атлантического океана, влажный и приятный, в то время как из центра полуострова, т.е. со стороны Испании, приходит ветер более сухой и труднопереносимый летом и более холодный и пронизывающий зимой. Браки между королевскими династиями Кастилии и Португалии неоднократно угрожали независимости последней (самым печальным тому примером стала Иберийская, или Пиренейская уния 1580–1640 гг.). Второе высказывание напоминает о том, что граница между Испанией и Португалией – одна из древнейших в Европе. Благодаря подобной геополитической ситуации, португальцы получили стимул стать хорошими мореплавателями и открыться остальному миру со стороны Атлантики.

Прилагательное «галисийский» задействовано в ряде наименований, больше известных в северных провинциях Португалии. Практически все они связаны с сельским хозяйством. Часть из них нейтральны: *azeitona galega*, *uva galega*. В других можно заметить оценочный компонент: например, соответствующие сорта вишни, яблок и лимонов очень кислые. “Gado galego” – крупный скот. Есть и присказка: “a fome e o frio fazem o gado galego”¹⁹.

С другой стороны, в остальной части страны распространено пренебрежительное значение этой лексемы: “o adjectivo “galego” pode eventualmente ser usado para referir uma variedade de produtos de qualidade mediocre, de hábitos insanos de trabalho ou faltas crassas de urbanidade”²⁰.

Как уже отмечалось выше, Галисия была традиционно бедным регионом Испании. В поисках заработка галисийцы отправлялись не только в другие регионы Испании, но и в Португалию. Например, в «Словаре истории Португалии» (*Dicionário de História de Portugal*, direcção de Joel Serrão, 1971)²¹ приводятся такие цифры. В конце XVIII века в Португалии насчитывалось около 80 000 галисийцев, из которых половина проживала в Лиссабоне. И, согласно статистическим данным на 1871 г., галисийцы составляли 97% всех испанцев, проживающих в Португалии. Чаще всего они становились торговцами, пекарями, грузчиками, посыльными, поварами, слугами и разносчиками воды.

Автор книги «Панорама Лиссабона в 1796 г.» Ж.Б.Ф. Каррьер²² так описывает характер галисийцев: «Есть в Лиссабоне порода людей, отличающаяся от прочих: они сильные, высокомерные, нервные, усерд-

ные, умелые – всегда высоко держат голову, и имеют вид решительный и надменный. Их можно встретить повсюду, и они всегда готовы работать на тех, кто об этом попросит, потому что сами своих услуг они не предлагают, а ждут с гордым спокойствием, пока к ним обратятся». Их услуги предпочитают услугам местных жителей, так как, пусть они и ведут себя менее любезно, они сильные, умные, пунктуальные и добро-совестные. В других источниках также обращают внимание на их не-склонность к конфликтам и стачкам, а также бережливость: известно, что, скопив не самую большую сумму денег, большинство галисийцев отправлялись на родину, чтобы купить там участок земли и начать обрабатывать его.

К. Пасос Хусто (C. Pazos Justo)²³ размышляет о том, какие изменения претерпели на современном этапе три грани образа галисийцев в Португалии. Для описания первого представления (*imagotipo negativo*) – сложившегося по упомянутым историческим причинам – он использует менее лестные формулировки: они не только грубые, невежественные, жадные, недоверчивые и недалекие, но также нечистоплотные и без-нравственные. Работая торговцами или трактирщиками, они постоянно обвешивают и обманывают клиентов. До конца XIX – первых десятилетий XX вв. галисийцев в Португалии безошибочно узнавали по одежде, воспринимали как носителей своего особого языка и считали совершенно чужими людьми, не имеющими отношения к португальцам. Иссле-дователь отмечает, что сейчас, в новых социо-экономических условиях, этот образ неактуален, он «застыл» во фразеологии и утратил комиче-скую функцию. Второе представление о галисийцах было сформирова-но в эпоху Галисийского Возрождения и воспринято рядом деятелей культуры в Португалии, такими как Теофило Брага, Лейте де Вашкон-селуш, в последнюю треть XIX – первые десятилетия XX вв. Это пред-ставление о Галисии как об особом, с этногеографической точки зрения, регионе в составе Испании и о тесной ее связи с Португалией: общем языке, характере, прошлом, ландшафте и т.д. Этот взгляд был плано-мерно сформирован галегистами в среде португальской культурной элиты, и продолжает существовать в этой же узкой среде и сейчас. Тре-тье представление – «невидимая Галисия» (*invisibilidade da Galiza*) – связано с эпохой установления в Испании диктатуры Франко, а в Пор-тугалии – «Нового государства» Салазара. В обеих странах стало дей-ствовать уравнение «1 страна = 1 столица = 1 культура = 1 язык», и в таких условиях Галисия «растворилась» в единой Испании. В этой связи К. Пасос Хусто отмечает еще один интересный факт. В последние годы традиционный «антииспаннизм» сменился в Португалии открытым вос-

хищением Испанией, в том числе ее культурой, о чем свидетельствует внедрение испанского языка в систему обязательного образования в середине 90-х гг. То есть, на данном этапе нет единства и ясности в представлениях португальцев о соседях-галисийцах, все три столь несхожих образа сосуществуют.

Можно привести ряд устойчивых выражений с компонентом *galego* в португальском языке.

“Pariu aquí a galega?” – ироничная реакция на чье-то удивление.

“Fazer festas a galegos” – о необходимости мириться с неблагодарностью или невоспитанностью.

“Mesa sem pão, mesa de galego” – о столе, на котором чего-то не хватает.

“Trabalhar nem que um galego”, “trabalho de galego” – о тяжелом труде.

“Guarda-te de cão preso e de moço galego”²⁴.

Слово *galegada / galeguice*, то есть «поступок в стиле галисийца» объясняется как наглость, грубость, невоспитанность и бестактность (“*Insolência, grosseria, má srtiação, indelicadeza*”²⁵). Для сравнения, *espanholada* – это преувеличение, хвастовство, бахвальство (“*Dito próprio de espanhol; exageração, fanfarronada, jactância; porção de espanhóis*”). А глагол *espanholar* значит «похваляться мнимыми подвигами» (“*Vangloriar-se de proezas pouco verdadeiras*”)²⁶.

Кстати, словарь Испанской королевской академии приводит аналогичный пример: *Portuguesada. Dicho o hecho en que se exagera la importancia de algo*²⁷. А в словаре испанских поговорок и устойчивых выражений А. Буитраго есть выражение “*ser el cuento del portugués*” – так говорят о хвастовстве или несвоевременной, а потому бессмысленной угрозе. Автор словаря объясняет появление данного выражения многочисленными столкновениями и конфликтами между этими двумя нациями на протяжении истории. А в качестве иллюстрации приводит два сюжета. Португалец, которого его противник-испанец поколотил и бросил в колодезь, просил обидчика о помощи такими словами: «Если ты вытащишь меня отсюда, я сохраню тебе жизнь». А другой португалец, снарядившись в армию, воскликнул: «Когда смотрю на себя в боевом облачении, я сам себя боюсь»²⁸.

В галисийских же словарях аналогичных обидных высказываний в адрес португальцев мы не обнаружили.

В своем исследовании “*Ideas de los españoles en el siglo XVII*” М. Эрреро Гарсиа (М. Herrero García) проанализировал произведения авторов эпохи и выявил следующие типичные черты характера кастильцев: правдивость, высокомерие, гордость, щедрость, гостеприимство. Португальцы характеризуются единством, политическим антагонизмом,

храбростью, заносчивостью, учтивостью, любвеобильностью. Преобладающий же образ галисийца в испанской литературе – сатирический; это лакеи, босяки, негодяи, люди неловкие, жадные, недоверчивые, неспособные хранить секрет, пьяницы, неряхи²⁹.

Возвращаясь к вопросу, вынесенному в заглавие этой статьи, следует признать, что однозначный ответ на него вряд ли возможен, ведь он включает сразу несколько аспектов.

С одной стороны, очевидно этническое, культурное, историческое, ландшафтное единство Галисии и северного региона Португалии. С другой стороны, в нынешнем своем состоянии север Португалии неотделим от остальной территории этого государства; граница, разделившая два региона в далеком 1143 году, постепенно развела их, подлинные культурные связи между ними остались в Средних веках³⁰. Вряд ли многие португальцы и галисийцы сегодня чувствуют свое единство с соседним народом, несмотря на то, что в условиях глобализации препятствия для контактов стираются.

В 80-е гг. XX в., когда остро встал вопрос о нормализации галисийского языка, Академия (Real Academia Galega) при поддержке автономного правительства сделала выбор в пользу «чистого галисийского языка» (*galego enxebre*) – то есть решила отстаивать его самостоятельность как от испанского, так и от португальского языков. На деле же норма, принятая сейчас на официальном уровне, приближена к норме испанского языка. Прямой наследник идей первых галегистов, *реинтеграционизм* (*Reintegracionismo*) – лингвистическое и культурное движение, отстаивающее единство галисийского и португальского языков и культур – открыто игнорируется Академией и «официальной» лингвистикой, но все же периодически дает о себе знать. Например, *Associaçom Galega da Língua (AGAL)*, созданная в 1981 г. и с тех самых пор пытающаяся изменить принятую в 1983 г. норму, публикует научную и лексикографическую литературу, имеет собственное издательство “*Através-editora*” и Интернет-журнал “*AGÁLIA*”, время от времени проводит конгрессы, постоянно реагирует на своем сайте на культурные и социально-политические события в Галисии. Нет ничего удивительного в том, что выступления Ассоциации зачастую сильно политизированы: без этого не обходится полемика о норме, статусе, сферах употребления миноритарных языков. Как мы видим, в современной науке востребованы оба подхода.

В политическом дискурсе идея о единстве Галисии и Португалии, пожалуй, никогда не звучала всерьез. Известно и охотно цитируется категоричное высказывание одного из «отцов» галисийского национализма,

Кастелао: дальнейшее притеснение Галисии со стороны испанцев чревато тем, что в порыве отчаяния она создаст «португальскую угрозу» для Испании (“É perigoso que os espanhóis nos neguem o seu respeito e nos empurrem a extremos que a ninguém convém, pois Galiza, empurrada pola desesperaçom, pode, mesmo, criar um “perigo português” para Espanha”)³¹. Но это скорее исключение, а кроме того, цитата из переписки, а не из программных текстов. Говоря о единстве с Португалией, идеологи галегизма имели в виду языковую общность, в политическом же отношении ратовали либо за отделение от Испании, либо за федеративное устройство.

Миноритарным языкам нелегко выживать и отстаивать свои права, тем более в условиях глобализации. Особенность случая с галисийским языком в том, что ему приходится делать это в соседстве с двумя близкородственными языками. Причастность к двум столь масштабным культурам не позволяет галисийскому самосознанию замкнуться в себе и обосновать свой особый путь. И эта статья еще раз иллюстрирует метание Галисии от одной крайности (galego-português) к другой (gallego-castellano).

¹ *Sardica J.M.* Iberia. A relação entre Portugal e Espanha no século XX. Óbidos, 2013. P. 10.

² “Quando olhamos para um mapa da Península Ibérica, a existência do nosso pequeno rectângulo, como que recortada na carne da Espanha, parece quase irreal. Os espanhóis têm dificuldade em acreditar verdadeiramente na sua existência e nós, portugueses, não cessamos de nos maravilhar com um tal milagre”. En: *Sardica J.M.* Op. cit. P. 13.

³ *Волкова Г.И., Дементьев А.В.* Испания. Учебный испанско-русский лингвострановедческий словарь-справочник. М., 2006. С. 410.

⁴ [Электронный ресурс]. – URL: https://es.wikipedia.org/wiki/Regionalismo_y_nacionalismo_en_Espa%C3%B1a (дата обращения: 9.12.2015).

⁵ Испанская конституция / Перевод Пере Романа. Посольство Королевства Испании в Российской Федерации, 1995. [Электронный ресурс]. – URL: <http://vivovoco.astronet.ru/VV/LAW/SPAIN.HTM#B> (дата обращения: 9.12.2015).

⁶ *Sardica J.M.* Op. cit. P. 21.

⁷ *Historia Xeral de Galicia.* Vigo: A Nosa Terra, 1997. P. 34.

⁸ *Unamuno M.* Por terras de Portugal y de España. Madrid, 2014. P. 50.

⁹ *Ibid.* P. 49.

¹⁰ *Ibid.* P. 23–24.

¹¹ En: *Carvalho J. de, Cela C.J.* Da alma portuguesa. Da alma galega. Amarante, 1995. P. 17–18.

¹² *Unamuno M.* Op. cit. P. 16, 17.

- ¹³ Ibid. P. 234.
- ¹⁴ Ibid. P. 238.
- ¹⁵ En: *Ferdinandy M. de*. Unamuno y Portugal. [Электронный ресурс]. – URL: http://gredos.usal.es/jspui/bitstream/10366/120172/1/ccmu2_1951_0004.pdf (дата обращения: 9.12.2015).
- ¹⁶ *Carvalho J. de, Cela C.J.* Op. cit. P. 31–32.
- ¹⁷ *Medeiros A.* Dois lados de um rio. Nacionalismo e Etnografias na Galiza e em Portugal. Lisboa, 2006. P. 20.
- ¹⁸ *Brandão Ferreira J.* Opinião: 600 anos da conquista de Ceuta, aspectos políticos e estratégicos. [Электронный ресурс]. – URL: http://www.sabado.pt/opiniaao/detalhe/a_conquista_de_ceuta_aspectos_politicos_e_e_strategicos.html (дата обращения: 14.10.2015).
- ¹⁹ Os galegos nas letras portuguesas / Coordenação de Rodrigues Vaz. Pangeia editores, Lisboa, 2008. P. 223–226.
- ²⁰ *Medeiros A.* Op. cit. P. 20.
- ²¹ En: Os galegos nas letras portuguesas. P. 32–33.
- ²² Os galegos nas letras portuguesas. P. 205–206.
- ²³ *Pazos Justo C.* Galegos, galego-portugueses ou espanhóis? Hipóteses e contributos para a análise das origens e funções da imagem atual da Galiza e dos galegos em Portugal // *Diacrítica*, vol. 26, no. 2, Braga, 2012. [Электронный ресурс]. – URL: http://www.scielo.mec.pt/scielo.php?pid=S0807-89672012000200025&script=sci_arttext (дата обращения: 12.12.2015).
- ²⁴ Os galegos nas letras portuguesas. P. 223–224.
- ²⁵ *Simões G.A.* Dicionário de expressões populares portuguesas. Arcaísmos, regionalismos, calão e gíria, ditos, frases feitas, lugares-comuns, aportuguesamentos, estrangeirismos, curiosidades da linguagem. Lisboa, 2000. P. 341.
- ²⁶ LISA. Grande Dicionário da Língua Portuguesa. Histórico e Geográfico. Organizado por H. Maia d'Oliveira. Rio de Janeiro, 1972. T. II. P. 1085.
- ²⁷ Diccionario de la lengua española, Real Academia Española. <http://dle.rae.es/?id=Tx931y>
- ²⁸ Se dice de las bravuconadas de los fanfarrones y también de las amenazas a destiempo y, por tanto, inútiles // *Buitrago A.* Diccionario de dichos y frases hechas. Madrid, Espasa, 2009. P. 238.
- ²⁹ *Barreiro Barreiro J.L.* Aquén e alén Miño: identidades e fronteiras. En: Galiza e Portugal: identidades e fronteiras. Actas do IV Simposio Internacional luso-galaico de filosofía. Santiago de Compostela, 2003. P. 70.
- ³⁰ *Esteves J.* Anamnesis: figuras e factos da medicina portuguesa: 1930–1980. En: Os galegos nas letras... P. 41.
- ³¹ *Rodríguez Castelao A.D.M.* Carta a José Aguirre, junho de 1944 [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.agal-gz.org/corporativo/reintegracionismo/5-reintegracionimo/116-falam-os-mestres> (Дата обращения: 12.12.2015).

О.А. Шершукова
(Дипломатическая академия МИД РФ)

О специфике выражения грамматического числа в португальском языке: узуальное vs. окказиональное

Основу грамматической категории числа во многих языках мира, в том числе и в португальском языке, составляет число существительных, представленное бинарной оппозицией единственного и множественного числа. Формирование грамматического числа исторически было связано с различием в человеческом мышлении между единичным объектом и множеством объектов. Однако не все существительные обладают формами единственного и множественного числа. В частности, неисчисляемые имена (абстрактные, собирательные и вещественные, а также конкретные имена, как правило, обозначающие парные и сложные предметы) в силу своего знакового значения представлены в большинстве своем лишь одной числовой формой (единственным или множественным числом), т.е. относятся к так называемым именам *Singularia* и *Pluralia tantum*.

В типологическом плане к универсальным языковым явлениям, связанным с выражением количественных отношений, можно отнести как отсутствие полной числовой парадигмы у большинства неисчисляемых имен в языках с развитой морфологической системой, так и возможность данных имен реализовывать полночисловую парадигму во вторичных значениях. Однако следует отметить, что далеко не все неисчисляемые имена могут выступать во вторичных значениях, т.е. данное явление не характеризуется обязательностью для всех лексем: одни неисчисляемые имена довольно свободно употребляются в обоих числах, т.е. характеризуются устойчивыми значениями, тогда как другие встречаются довольно редко. Как правило, словообразовательный потенциал у существительных *Singularia tantum* в плане оформления множественным числом намного более значительный, чем у *Pluralia tantum*, которые довольно редко приобретают сингулярную форму. При этом как узуальное, так и окказиональное употребление неисчисляемых имен во вторичных значениях имеет свою этнолингвистическую специфику, иными словами, между именами *Singularia* и *Pluralia tantum*, представленными в разных языках, отсутствует полный параллелизм, что и обуславливает интерес к тем случаям, которые «выбиваются» из традиционных рамок. В связи с этим мы решили обратиться к португальским неисчисляемым именам, которые в отличие от многих их эквивалентов в других языках, могут довольно свободно варьироваться по числу, что подтверждается корпусными данными [URL:

<http://linguateca.pt/CETEMPUBLICO/>. Если же обратиться к португальским грамматикам, в том числе и к тем, которые являются учебниками португальского языка и предназначены для португальских образовательных учреждений, то в них традиционно выделяются имена *Singularia* и *Pluralia tantum*, причем к *Singularia tantum* изначально относятся собирательные имена не только в силу своего денотативного значения, но и в первую очередь из-за того, что данные имена являются сингулярными по форме («*substantivos, singulares quanto à forma, designam conjuntos*») [Nunes C., Oliveira M.L., Sardinha M.L. 1981: 78]. Однако многие из собирательных имен, приводимых в португальских грамматиках, могут свободно функционировать в обоих числах, например, *multidão/ multidões*, *povo/ povos*, *exército/ exércitos*, *laranja/ laranjais*, т.е. являются так называемыми групповыми собирательными, которые во многих языках также варьируются по числу. Естественно, что основной числовой формой собирательных имен является единственное число, однако появление словоформ во множественном числе всегда обусловлено необходимостью передачи расчлененного значения, во многих случаях подразумевающего множественность референта. Так, мы не нашли в Корпусе примеров на ***campesinatos**, однако встретили один случай употребления близкого ему по смыслу собирательного существительного **proletariados: Os proletariados alemão e francês** farão pressão sobre os governos respectivos para que moderem, por um lado, a Áustria e, por outro, a Rússia. Если сравнить близкие по смыслу собирательные имена **mocidade / rapaziada / juventude**, то в Корпусе лексема **mocidades** встречается только 1 раз (E voltando, ainda, à conferência no Brasil, eu citei lá, várias vezes, o figurino Gestapo, o figurino ‘camisas negras’, o figurino das **mocidades fascistas**, onde nós os fomos copiar para a **nossa Mocidade**, para a **nossa Legião** e para a organização da nossa PIDE, nitidamente à Itália e nitidamente à Alemanha), **rapaziadas** уже встречается 4 раза (E assim teria continuado se o sentido de Estado se tivesse sobreposto às **rapaziadas ideológicas** no Portugal do 25 de Abril), то **juventudes** – 183 раза: Essa viria a ser cobiçada **pelas juventudes partidárias**, pela primeira vez em 1987, numa lista conjunta **das juventudes social-democrata e centrista**; António José Seguro e Roger Hallhag, líderes **das juventudes socialistas nacional e mundial**, não encontraram qualquer razão substancial que deslustrasse uma semana de convívio de jovens de 160 países reunidos no Palácio de Cristal. Если сравнить приведенные примеры (а мы привели только по одному на каждый случай), то видно, что в форме множественного числа все эти лексемы выступают как групповые собирательные, особенно это касается лексемы **juventudes**, которая в

современном дискурсе употребляется узуально. Фактически, мы видим движение от окказионального к узуальному, т.е. при необходимости соответствующая словоформа во множественном числе вполне может появиться, если значение множественности будет мотивировано, так и не будет ограничений с позиций морфологического оформления множественным числом.

Другим интересным примером в плане оформления множественным числом *Singularia tantum* являются собирательные имена, которые образованы от конкретных существительных путем изменения мужского рода на женский (“O feminino a designar colectivos: o fruto – a fruta, o lenho – a lenha, o ramo – a rama; o horto – a horta”) [Nunes de Figueiredo, J., Gomes Ferreira, A.: 177]. В Корпусе мы встречаем следующие цифры: **madeiras (1073 случаев); matas (805); frutas (738); ramas (34); lenhas (9)**. В связи с тем, что по своей семантике данные собирательные имена неоднородны, да и количество употреблений у ряда имен довольно значительное, то анализ употреблений требует углубленного анализа, сопровождаемого соответствующими примерами. В любом случае возможности формирования плюральной формы у собирательных имен, образованных путем изменения флексии, вполне очевидны.

Свой собственный потенциал в плане образования плюральных форм имеют и суффиксы с собирательным значением, причем в лексическое значение собирательных имен могут быть включены дополнительные коннотации. Для сравнения мы хотели бы привести собирательные имена, имеющие общий корень, но образованные с помощью различных собирательных суффиксов, включая и предыдущий способ за счет изменения флексии: **ramagens (46); ramas (34); ramadas (24); ramarias (3)**: Minutos depois, – cavaqueávamos em várias línguas, sob um alpendre **de ramagens secas**, à porta do bar da «Ritinha»; Por toda a parte **ramas de videira** e cestos de uvas ou garrafas de vinho; Foi-lhe dito que tinha todo o direito de cortar **as ramadas** que entrassem sobre a sua propriedade, mas que a árvore, obviamente, era inviolável; Os pássaros fogem a acolher-se **às ramarias**. Несмотря на то, что в Корпусе данные собирательные имена представлены довольно незначительным количеством примеров, однако можно сказать, что все они оформляются множественным числом, что, в той или степени, указывает на их регулярное числовое поведение.

Особую специфику в португальском языке имеют собирательные имена со значением разнородности (**louça – louças, mobília – mobílias, gado – gados** и т.п.), большинство из которых могут свободно употребляться в обеих числовых формах. Если имена гетерогенных совокупно-

стей во многих языках относятся либо к разряду *Singularia tantum*, либо к *Pluralia tantum*, то в португальском языке большинство из них демонстрируют стабильную корреляцию по числу, хотя некоторые из них довольно редко встречаются в форме множественного числа, в частности, **calçados** употребляется преимущественно в бразильском варианте португальского языка, а в пиренейском варианте встречается не часто. В ряде случаев количество употреблений во множественном числе ряда гетерогенных имен даже начинает превалировать над употреблением в единственном (**ferramenta (508) – ferramentas (1263), alfaia (10) – alfaias (234)**). Как правило, это характерно для тех имен гетерогенных совокупностей, которые посредством формы единственного числа могут передавать как значение совокупности, так и значение элемента данной совокупности: *Com uma ferramenta feita em ferro e madeira pelas suas próprias mãos, José Barrinhas racha agora o vime; «Já me aconteceu sair de casa, de manhã, e, à porta, encontrar uma canga, oferta de um conhecido» – conta, enquanto identifica as alfaias e explica o uso de cada uma*. К сожалению, объем статьи не позволяет более подробно рассмотреть числовое поведение собирательных имен, однако, думается, основные тенденции вполне очевидны.

К именам *Singularia tantum* также относятся названия металлов и абстрактные имена «os nomes de metais e os nomes abstratos» [Cunha Celso F. 1978: 129]. Таким образом, большинство португальских неисчисляемых имен относится именно к разряду *Singularia tantum*. Однако те примеры, что приводятся для подтверждения данного правила – нами взяты примеры только из одной грамматики, но во многом они аналогичны – («*prata, Sul, Norte, leite, preguiça, ignorância, pudor catolicismo, socialismo*») [Nunes de Figueiredo, J.M., Gomes Ferreira, A. 1979: 190]), встречаются также в форме множественного числа не только в разговорной речи, но и в письменной речи. В частности, введя данные в Корпус, мы получили следующие результаты употреблений во множественном числе указанных выше существительных, которые мы расположили в порядке убывания: **pratas (129 случаев); leites (108); pudores (50); socialismos (27); ignorâncias (23); preguiças (14); catolicismos (3); Nortes (3)**. Фактически, мы не нашли в Корпусе только одно название, употребленное во множественном числе, *Sul*, тогда как его антоним *Norte* встречается 3 раза. Естественно, количество употреблений в ряде случаев очень немногочисленно, тем не менее, примеры окказиональных употреблений свидетельствуют о возможности реализации плюральной характеристики именами *Singularia tantum*, если это обусловлено коммуникативными, прагматическими или стилистическими целями.

Беглый взгляд на приведенные примеры позволяет сделать вывод, что в нашем случае «лидируют» названия веществ, однако лексемы **pratas** и **leites** различаются своими вторичными значениями. Так, для **leites** основным значением является видовое значение: O documento, que aponta **os leites de cabra e de ovelha**, o coalho e o sal como ingredientes do queijo do Rabaçal; Governo liberaliza preços **dos leites para bebês**; ...as quantidades da substância detectada **nas nove marcas de leites em pó** «estão francamente abaixo dos níveis permitidos»; Os cremes e **leites solares** caracterizam-se pelo seu índice protector; A linha de cosmética (...) abrange champôs, pasta dentífrica, cremes e **leites tónicos**. Интересно, что видовое значение сохраняется и при обозначении через лексему **leites** косметических средств **leites solares** и **leites tónicos**. Если анализировать данные употребления с позиций вторичных значений, то к чисто окказиональным можно отнести употребление лексемы **leites** для обозначения грудных детей, поэтому в тексте она приводится в кавычках: Se na sua indiscutível mas limitada bondade Deus tinha provido os humanos com apenas dois tipos de dentes, primeiro para «**leites**», depois para «**carne**s».

Что же касается лексемы **pratas**, то из 129 употреблений данной лексемы в Корпусе ни одно не имеет видового значения, а только конкретное, т.е. обозначается множество изделий из серебра: Jóias, desenhos e estudos, gessos de trabalho, jarras, marfins, **pratas**, cerâmicas ou esculturas, da autoria dos dois ourives ou das suas oficinas...; ...à minha frente ergue-se uma barreira de arranha-céus como **pratas de chocolate**, avenidas, luzes e frio. Общеизвестно, что в ювелирном деле выделяются различные виды серебра, однако эта лексика терминологического плана не представлена в данной версии Корпуса. На наш взгляд, различные виды вторичных значений названий веществ во многом обусловлены их физико-химическими свойствами, образно говоря, из жидкого нельзя сделать твердое, не изменив его агрегатное состояние, например порошковое молоко (ср. **leite** → **leite em pó**), относится к сыпучим веществам, как и **farinhas**, **trigos**. К вторичным значениям вещественных имен, помимо видового и конкретного, также относится эмфатическое и пространственное, например **águas**, **poeiras**, **fumos**, **areias** и т.п., которые актуализируются в тексте. Если сравнивать сами вторичные значения вещественных имен по линии узуальное vs. окказиональное, то видовое значение у названий веществ можно отнести к узуальным, хотя и не без исключений, тогда как реализация эмфатического, пространственного и конкретного значений во многом зависят от типа вещества, либо от характера его применения.

Между числовым поведением вещественных и абстрактных имен *Singularia tantum* есть много общего, которые, несмотря на сингулярность формы в первичном значении, во вторичных значениях могут оформляться множественным числом, причем эти значения во многом аналогичны вторичным значениям вещественных имен, в частности видовое (**crenças, nacionalismos**) и конкретное (**democracias, pinturas**). Помимо этих значений, к вторичным значениям абстрактных имен относятся значение интенсивности (**dores, temores**), значение многократного проявления качеств, свойств, процессов и явлений (**puxões, traições, pedradas, investimentos**), а также значение длительно протекающего действия или длительного состояния (**fomes, pestes, calores**). Кстати, многие абстрактные имена, свободно коррелирующие по числу, относятся к так называемым конкретно-абстрактным и воспринимаются людьми, «не обремененными» лингвистическими знаниями, как конкретные (**roda, ponta, linha**). Ряд абстрактных существительных в формах единственного и множественного числа представлены различными лексическими значениями: «*sorte e sortes* (sorteio militar); *saúde e saúdes* (saudação)» [Nunes de Figueiredo, J.M., Gomes Ferreira, A. *Compêndio de Gramática Portuguesa*. 1979: 191], поэтому анализировать данную лексико-семантическую группу имен с позиций оформления противоположной формой будет некорректно. Пожалуй, данная группа имен интересна в этимологическом плане, т.е. в плане появления таких расхождений. Определенные сложности в формировании плюральной характеристики имеют имена, обозначающие качества, свойства (**brancura, longitude, pobreza, densidade, espessura**), употребление которых во множественном числе связано с указанием на множественный референт: **As maiores densidades habitacionais** encontram-se nos concelhos do litoral, nomeadamente Portimão, Faro, Lagoa e Albufeira e a menor em Alcoutim; **Fraquezas e grandezas das repúblicas**; Um Mozart mais próximo de Beethoven, com som pujante e sem **levezas clássicas**; Tudo aqui depende, pois, do ambiente criado e este, oscilando entre o expressionismo **do seu jogo de negrumes**.

Если говорить о суффиксах, которые передают абстрактные (отвлеченные) значения, то они, как правило, хорошо оформляются множественным числом, за исключением, пожалуй, суффикса **-ez**: **tepidez, surdez, embriaguez**, но **gravidez – gravidezes, estupidez – estupidezes**.

Абстрактные имена в количественном плане и с позиций разнообразия входящих в данную группу лексем могут быть только сопоставимы с конкретными именами, поэтому анализ их числового поведения

требует более детального рассмотрения. Тем не менее мы попытались дать общую картину.

Как правило, лингвистические исследования, посвященные числовому варьированию неисчисляемых имен, затрагивают, в основном, семантику их числовых форм. Однако, как правило, вне поля зрения остаются различные синтаксические конструкции, в которых употребляются неисчисляемые имена. В частности, неисчисляемые имена могут употребляться с различными квантификаторами (неопределенными прилагательными, количественными и порядковыми числительными), что указывает на возможность исчисления, в том числе и умозрительно, неисчисляемых имен: **Todos os leites** devem ter um mínimo de matéria gorda, em percentagens fixadas por lei; O antagonismo que dominou o mundo durante dois séculos já não existe: **todos os socialismos** entraram em crise na falta de inimigo; ...**todas as roupas** eram muito coloridas; Não porque encontrassem aqui **muitas mercadorias** interessantes, ou riquezas exóticas, mas porque era o bazar das bailadeiras dos templos; Haverá melhor manifesto contra **as muitas ignorâncias** que a capacidade de aceitar as diferenças, e a dignidade do Outro?; Só deixaram **algumas pratas**, mas coisa pouco valiosa», relata o proprietário; O que só aconteceu quando a festa terminava, e **alguns pudores** foram ultrapassados;

Depois do sustento da alma, pensou no sustento do corpo, e ofereceu à penitente **algumas gulodices europeias**; Mantendo a serenidade, o comerciante ainda lhes terá dito para deixarem ficar **umas pratas** que «não valiam nada»; A única representação a fazer sombra aos japoneses foi a da França, que contabilizou **quatro «ouros», três «pratas» e quatro «bronzes»**; Finalmente, Wojtyła foi confrontado – na Letónia e na Estónia – com **dois catolicismos minoritários**, em sociedades com uma maior militância protestante. Хотя данные употребления немногочисленны, окказиональны, но, тем не менее, они характерны для всех подклассов неисчисляемых имен. А самое главное, они являются логичным продолжением тенденций, которые существуют в португальском языке.

Таким образом, благодаря корпусным данным мы можем увидеть тенденции развития португальского языка, его грамматической системы на основе узуальных и окказиональных употреблений неисчисляемых имен, которые выходят за рамки традиционной грамматической нормы.

Литература

1. *Cunha Celso F.* Gramática do Português Contemporâneo. – Belo Horizonte: Editora Bernardo Álvares, 1978. – 510с. – Cunha Celso, 1978.

2. *Nunes C., Oliveira M.L., Sardinha M.L.* Nova Gramática de Português. 3-a. ed. Lisboa: Didáctica, 1981– p. 256 – (Nunes C., Oliveira M.L., Sardinha M.L., 1981).
3. *Nunes de Figueiredo, J.M., Gomes Ferreira, A.* Compêndio de Gramática Portuguesa. – Curso Geral do Ensino Secundário. – Porto: Porto Editora, Lda., 1979 – p. 396 – (Nunes de Figueiredo, J.M., Gomes Ferreira, A., 1979).
4. *Nunes de Figueiredo, J., Gomes Ferreira, A.* Compêndio de Gramática Portuguesa. Para os 1.º e 2.º anos liceais (3.º e 4.º de transição) adaptado a nova nomenclatura gramatical – Porto: Porto Editora, Lda., s.a. – p. 332 – (Nunes de Figueiredo, J., Gomes Ferreira, A.)
5. URL: <http://linguateca.pt/CETEMPublico/>

Научное издание

Вопросы иберо-романистики

К юбилею португалистики в МГУ

Сборник статей

Выпуск 15

Оригинал-макет: *М.С. Снеткова*

Обложка:

Напечатано с готового оригинал-макета
Подписано в печать
Формат 60×88 1/16. Усл. печ. л. Тираж 150 экз. Изд. №
Издательство ООО “МАКС Пресс”
Лицензия ИД N 00510 от 01.12.99 г.

119992, ГСП-2, Москва, Ленинские горы, МГУ им. М.В. Ломоносова,
2-й учебный корпус, 527 к.
Тел. 8(495)929-3890/1. Тел./Факс 8(495)939-3891.

Заказ №